

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова

На правах рукописи

Тхакахова Карина Султановна

**ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИЯЗЫЧНЫЙ МИР КАДЫРА НАТХО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Специальность 5.9.1. — Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Научный руководитель:
доктор филологических наук
З. А. Кучукова

Нальчик

2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. К. НАТХО «ОТЧУЖДЕННЫЕ»: МОДЕЛЬ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО РОМАНА	16
1.1. Творческая история и поэтика романа	16
1.2. «Кавказский текст» внутри американского романа	29
1.3. Система экспрессивных средств	44
Глава 2. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН К. НАТХО «В ПОИСКАХ СЕБЯ»: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ САМОЗАЩИТЫ.....	58
2.1. Адыгейский Космо-Психо-Логос	58
2.2. Коммуникация с русским миром.....	74
2.3. Америка в изображении Кадыра Натхо	83
Глава 3. МАЛАЯ ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ОПЫТ К. НАТХО: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ	117
3.1. Авторские сказки.....	117
3.2. «Легенда о великом похищении»: от войны к межкультурным контактам.....	147
3.3. «Медая»: трансформация античного протосюжета.....	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	200
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Кадыр Исхакович Натхо (1927-2021) – российско-американский писатель, уроженец Северного Кавказа, адыгеец по своему этническому происхождению, яркий представитель диаспорной художественной культуры. Трагические обстоятельства Второй мировой войны (1939-1945) изначально определили сложную судьбу подростка-скитальца, прошедшего путь от родного села Хатрамтук Краснодарского края по траектории: Крым, Австрия, Италия, Сирия, Иордания, Америка. Географические перемещения сделали из него полиглота; в США он сформировался как кросс-культурный писатель, органично соединивший в своем творчестве реалии Запада и Востока, Нового Света и Юга России, этического кодекса американцев и северокавказских горцев.

Судя по биографическим фактам, Кадыр Натхо — это «self-made-man», сумевший в рамках антропологической теории А.Дж. Тойнби «Вызов-и-Ответ» добиться значительных успехов за границей (открыл в Нью-Йорке Черкесский культурный центр, школу родного языка, собственную типографию). Созданные им произведения предоставляют современным филологам богатый художественный материал для исследования актуальных проблем, связанных с оригинальными жанровыми модификациями, полилингвальностью автора, феноменом «взаимоопыления» этнического и инокультурного.

Актуальность темы исследования. Адыгейская профессиональная литература берет начало с устного народного творчества, имеет богатую историю, характеризуется многообразием жанров, стилей и авторских имен. На сегодняшний день хорошо изучены произведения таких классиков, как Х.А. Ашинов, У.Х. Берсей, А.К. Евтых, К.Х. Жанэ, Т.М. Керашев, Н.Ю.Кук, И.Ш. Машбаш, С.И. Панеш, А.Д. Хатков, И.С. Цей, Ю.Г. Чуяко, К.Г. Шаззо и др. Однако до сих пор не отрефлексированной остается американская (англоязычная) ветвь адыгейской художественной словесности.

Актуальность данной диссертации обусловлена необходимостью исследовать поликультурный и полиязычный художественный мир Кадыра Натхо в тесной соотнесенности с интертекстуальной поэтикой его произведений. Такой подход может способствовать объективизации «органичной взаимодополнительности “материковой” и “диаспоральной” литератур» (К.К.Султанов) в рамках осмысления концептуальной целостности отечественной художественной культуры.

Степень разработанности проблемы исследования. Вопросы, связанные с литературной диаспорой черкесского зарубежья, длительный период оставались «белым пятном» в северокавказской гуманитаристике. Временем прорыва стали перестроечные годы конца XX века. Начало процессу было положено Международной научной конференцией «Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения», состоявшейся в 1991 г. в г. Черкесске. Данный форум инициировал системную многоуровневую работу над решением озвученных проблем, и вскоре вышло в свет несколько обзорно-аналитических монографий и статей. Среди них труды Б.Р. Алиева («Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.)». Махачкала, 2001), Б.Н. Березгова («Черкесская диаспора (страницы из истории зарубежных черкесов)». Нальчик, 2000), Б.Ч. Бижоева («Кабардино-черкесский язык в странах Ближнего Востока: социолингвистический аспект». М., 2005), А.М. Гутова («Проблема этнической самоидентификации зарубежных адыгов». Нальчик, 2000), М.А. Джандар («Остались адыгами. Этнографические исследования». Майкоп, 2007), С.Г. Кудаевой («Адыгская (черкесская) диаспора: факторы коллективной памяти и этнической идентификации». Майкоп, 2017).

Особо следует отметить ученых, которые проблемам диаспоральной культуры посвятили свои диссертационные исследования, впоследствии изданные как научные монографии. Это М. Б. Абдокова («Этноментальные основы литературы черкесского зарубежья». Нальчик, 2008), Х. Т. Тимижев

(«Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья». Нальчик, 2006), М. М. Паштова («Фольклор черкесской диаспоры: локальная традиция и ее носитель». Майкоп, 2020), Т.Л. Чурей («Музыкальный фольклор абхазов и адыгов в Турции». Сухум, 2019). Все указанные авторы создали свои труды на основе научных экспедиций в целевые зарубежные страны, полевых материалов, интервью с многочисленными информантами.

Значительный вклад в исследование диаспоральной культуры внес историк А. В. Кушхабиев, который написал несколько работ, в том числе фундаментальный труд «Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры» (Нальчик, 2007), где исследуются, в первую очередь, теоретические вопросы, связанные с видами миграции, адаптацией мигрантов, понятием «вынужденная миграция». Автор выстроил исследованный материал по территориально-географическому принципу, обозначив разделы, посвященные турецким, сирийским, иорданским, израильским, египетским, суданским, тунисским, ливийским, сербским, французским, германским, голландским, бельгийским, испанским, польским, чешским, английским, австралийским иммигрантам из Северного Кавказа.

Применительно к нашему исследованию раздел «Черкесская диаспора в США» (Кушхабиев, Нальчик, 2007) имеет наибольшую познавательную ценность. Автор пишет о двух иммиграционных волнах. Первая из них была связана с Гражданской войной (1918–1920), предопределившей переселение в США северокавказских иммигрантов, в основном из числа высшей знати. Вторая волна пришлась на время Второй мировой войны (1939–1945) и послевоенный период, когда некоторые «перемещенные лица», первоначально расселившиеся по странам Европы и Ближнего Востока, также избрали путь иммиграции в Соединенные Штаты Америки.

Первооткрывателем творчества К. Натхо официально следует считать адыгейского литературоведа и критика Казбека Гисовича Шаззо (1939–2015), который в начале 1990-х гг. сумел наладить культурные контакты со своим

заокеанским соотечественником, неоднократно с ним встречался в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, способствовал изданию его произведений на исторической родине в переводе на русский язык.

«Редактор К. Г. Шаззо» — такая пометка значится на титульном листе исторически первой книги Кадыра Натхо («Николас и Надюша»), переизданной в 1992 г. в Майкопе на русском языке под новым заголовком «Отчужденные». В послесловии К. Шаззо приводит примечательные факты биографии писателя, рассказывает о дружбе с ним, дает высокую оценку презентуемому роману. Лаконичным упоминанием о двух печатных машинках (с кириллицей и латиницей) К. Шаззо определяет билингвальный характер творчества своего адыгейско-американского друга. Критик пишет: «Натхо по духу своему интернационалист, «международен» что ли, другого слова не подберу: потому он знает нравы, привычки многих народов. В одном художественном контексте эти народы, сохраняя свое этнически изначальное, природное, могут безболезненно и цивилизационно сосуществовать. И проза Натхо Кадыра свидетельствует о безоговорочной коммуникабельности и высокой писательской компетентности ее автора в вопросах межнациональных отношений» [Натхо, 1992, с. 325]. Перу К.Шаззо принадлежит также краткий очерк о творчестве К. Натхо, вошедший в его монографию «Художественная структура конфликтов эпохи и духовно-философские искания личности» (2005).

Литературоведческие исследования наследия К. Натхо стали возможными благодаря тому, что к настоящему времени почти все его произведения переведены на русский язык и изданы на исторической родине. Имя писателя включено в Библиографический словарь «Адыгские (адыгейские), кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья писатели XIX–XXI вв.» 1–2 тт. Нальчик, 2021, 2024. Литературовед А. А. Схаляхо в своей обзорной статье «Художественное наследие адыгской диаспоры» высокую оценку дает роману К. Натхо «Николас и Надюша» и называет его

«одним из значительных достижений литературы адыгейского зарубежья» («История адыгейской литературы». Майкоп, 2006. Т. 3. С. 554). Заслуживает внимания и научная статья З. Р. Жачемук («Литература адыгской диаспоры и художественное своеобразие романа “Отчужденные” Кадыра Натхо». 2015. С. 123–126), где рассматривается ряд онтологических вопросов в проекции на судьбу главных героев романа.

Мультикультурный и полилингвальный характер произведений К.Натхо стал притягательным и плодотворным материалом для отечественных лингвистов, занимающихся проблемами билингвизма, аккультурации, языковых контактов, переводоведением, прагматикой кросс-культурных текстов и статусом этноментальных фразем. В этом русле написаны статьи Б. Н. Ахиджак («Этнокультурная специфика языкового сознания писателя-билингва». Майкоп, 2018), Х. З. Багирокова («Художественный билингвизм как полилингвальное пространство: к постановке проблемы». Майкоп, 2012), а также диссертация З. Ю. Басте («Художественный текст как билингвальный феномен: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 03.03.22». Майкоп, 2021). Научная ценность последней работы заключается в том, что в ней обобщен опыт исследовательницы, которая самолично перевела с английского на русский язык повесть К. Натхо «Легенда о великом похищении». Все перечисленные труды предшественников в совокупности стали важной предпосылкой и методологическим ориентиром в решении новых литературоведческих задач, заявленных в настоящей диссертационной работе.

Объектом исследования в данной диссертации является полижанровое художественное творчество Кадыра Натхо, взятое в его исторической динамике — от первого экспериментального романа до античных драматургических сюжетов, переложенных на кавказскую тематику.

Предмет исследования — интертекстуальное пространство творчества адыгейского писателя, основанное на многочисленных отсылках к духовным и материально-физическим реалиям русской, американской, турецкой, итальянской, арабской и греческой культур.

Современному американскому ученому-филологу Стивену Келлману (р. 1947) принадлежит афористическое высказывание: «Каждый транслингвальный автор транслингвален по-своему». В этой связи **основной целью** настоящей диссертационной работы является идентификация транскультурных и транслингвальных черт творчества К. Натхо, обусловленных фактами его биографии, условиями эмигрантской жизни, а также идейно-эстетическими предпочтениями автора.

Поставленная **цель** предусматривает решение следующих взаимосвязанных задач:

- реконструировать основные этапы биографии писателя;
- воссоздать историко-культурный контекст его творчества;
- последовательно рассмотреть соотношение этнического и инокультурного во всех произведениях автора;
- представить творческое наследие К. Натхо как целостную эстетическую систему с установлением литературных истоков и жанровых форм;
- определить вклад К. И. Натхо в национально-художественную культуру Адыгеи, отечественную и мировую культуру в целом.

Материалом диссертационного исследования послужили следующие произведения К. Натхо: 1) роман «Nicolas and Nadiusha», изданный на английском языке в Нью-Йорке (1976), на русском языке в переводе М.Тутарищевой издан в г. Майкопе (1992) под новым названием «Отчужденные»; 2) автобиографический роман «В поисках себя (Воспоминания)», написанный на английском языке (2010), на русском языке издан в г. Майкопе (2018), переводчик не указан; 3) сборник «Старые и новые сказки Кавказа», написанный и изданный автором на адыгейском и английском языках в Нью-Йорке (1968); на русский язык сказки переведены

автором диссертации; 4) повесть «Легенда о великом похищении», написанная на английском языке, издана в Нью-Йорке; на русском языке издана в г. Майкопе (2019) в переводе З. Басте; 5) трагедия «Медея», написанная автором на адыгейском языке специально для Национального театра Республики Адыгея; рукописный текст пьесы нам предоставлен актрисой названного театра Маржаной Нехай; на русский язык пьеса переведена автором диссертации.

Теоретико-методологическая основа работы. В формировании общей научной концепции диссертации решающую роль сыграла серия сборников ИМЛИ им. А. М. Горького РАН «Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы» (2005–2023), где задан общий алгоритм изучения творчества полилингвальных авторов и анализа кросс-культурных произведений. В выборе конкретных инструментов исследования автор воспользовался интеграцией нескольких систем знаний: антропоцентрическое литературоведение (Р. Эмерсон, Л. П. Егорова); теория «Космо-Психо-Логоса» (Г. Д. Гачев); научное кавказоведение (К. К. Султанов, В. А. Бигуаа, Т. А. Шебзухова, Е. Г. Берберова, Х.Г. Тхагапсоев, Б. Х. Бгажноков, К. Г. Шаззо); имагология (К. К. Султанов, Э. Ф. Шафранская); конфликтология (М. С. Вершинин, Н. Ф. Вишняков, Е. И. Ворожейкина, В. Н. Галяпина, Т. В. Поштарева); теория интертекста и компаративистики (Ю. Кристева, В. Р. Аминева, А. А. Арзамазов, Н. С. Олизько); теория литературного транслингвизма (С. Келлман, В. Р. Аминева, У. М. Бактикиреева, И. С. Хугаев), а также теоретические положения «Вызов-и-Ответ» и «Уход-и-Возврат» А. Дж. Тойнби.

В основу исследования положены сложившиеся в современном литературоведении **методы**, предусматривающие анализ творчества писателя в его социально-исторической детерминированности: ретроспективный, биографический, сравнительно-исторический, имагологический, семиотический, герменевтико-интерпретационный, а также прием

компонентного анализа. Как часть целесообразной методологии автором использовано обращение к информаторам, лично знакомым с К. Натхо.

В методологической части нашего исследования считаем необходимым сразу, со ссылкой на специалистов, прояснить нюансы, связанные с синонимичными этнонимами «адыги», «черкесы», «кабардинцы», «адыгейцы». «Адыги — это самоназвание трех народов (кабардинцев, адыгейцев, черкесов)», проживающих преимущественно в трех республиках Российской Федерации: Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее. Черкесы — это общий исторический эндоэтноним адыгов. В мировую историю и литературу современные кабардинцы, адыгейцы и черкесы вошли под названием *черкесы* или *адыги*» [Балагова-Кандур, с. 190]. Отмеченные терминологические «взаимоналожения» предопределяют наше научно обоснованное право именовать К. Натхо и его соплеменников, в том числе и литературных героев, одновременно и адыгейцами, и адыгами, и черкесами в зависимости от контекста.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые в монографической форме воссоздана объективная картина художественного мира К. Натхо; уточнены факты, связанные с его биографией, языковой личностью, списком изданных произведений, их жанровым составом и переводами;
- проанализированы поэтапно все художественные произведения писателя («Отчужденные», «В поисках себя», «Старые и новые сказки Кавказа», «Легенда о великом похищении», «Медая»), уточнена их жанровая типология, определена система заключенных в них культурных смыслов и экспозитивных средств, отмечена диалектическая взаимосвязь универсального и уникального;
- установлено, что поликультурный характер и плотность интертекстуального пространства являются определяющими чертами авторского почерка К. Натхо, но при этом во всех без исключения текстах доминантное место занимает система кавказских аксиологем,

функционирующих внутри текста, а также заключенных в своеобразные миниатюрные «толковые словари» в конце произведений;

— методом компаративного анализа доказан факт уникальной соотнесенности фактов биографии К. Натхо с антропологическими формулами А. Дж. Тойнби «Вызов-и-Ответ» и «Уход-и-Возврат»;

— конкретизирована мера реального культурообразующего вклада Кадыра Натхо в развитие отечественной и мировой литературы XX–XXI вв.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что содержащийся в ней материал позволяет по-новому осмыслить понятие «национальная литература» с учетом ее зарубежного, диаспорального сегмента. Теоретико-методологический подход, разработанный для анализа творчества К. Натхо, вместе с сопутствующим понятийным аппаратом и инструментарием, может быть продуктивно применен при исследовании произведений других авторов-эмигрантов, обладающих схожим «пограничным» и расширенным типом сознания.

Практическая значимость работы складывается из возможности использования результатов исследования в практике вузовского преподавания дисциплин «Литература народов России», «История адыгейской литературы», для разработки спецкурсов по проблемам литературного зарубежья, межкультурной коммуникации, литературоведческой компаративистики, американско-российских литературных взаимосвязей, интертекстологии. Материалы диссертации могут стать методологической основой при написании научных работ, предусматривающих обращение к творчеству К. Натхо.

Положения, выносимые на защиту:

1. Многожанровое творческое наследие К. Натхо является органической частью отечественной художественной культуры Российской Федерации с такими уточняющими номинациями, как «диаспоральная литература», «американская, англоязычная ветвь северокавказской (адыгейской) литературы».

2. Языковую личность писателя определяет профессиональное владение адыгейским, русским и английским языками, которыми он пользовался для решения своих творческих задач, в том числе для автопереводов. Судя по автобиографии, К. Натхо использовал также средства арабского, турецкого и итальянского языков в коммуникативно-деловой сфере.

3. Поликультурный характер и плотность интертекстуального пространства являются определяющими чертами авторского почерка К. Натхо, но при этом магистральной линией через все его творчество проходит тема сохранения базовых кавказских (адыгейских) аксиологем, связанных с национальными языками, фольклором, морально-этическим кодексом.

4. Автор широко использует культуuroобразующие возможности прототекста, позволяющие ему создавать оригинальные произведения с опорой на архетипические сюжеты. Примером этого является адыгейское преломление трагедии Еврипида «Медия», где в авторской версии актуализируется проблема сохранения каждой личностью основ нравственной философии своего народа.

5. Теория американского Космо-Психо-Логоса, разработанная отечественным ученым Г. Д. Гачевым, в основных своих чертах коррелирует с художественно-национальным образом США, воспроизведенным Кадыром Натхо в его произведениях («страна тинейджеров», «ноев ковчег микронародов», «архетип Колумба», «приоритет ургии над гонимой» и др.).

6. Творчество К. Натхо — значимое и своеобразное явление, оказавшееся на стыке двух культур — отечественной (адыгейской) и зарубежной (американской). Вклад писателя в национальную литературу определяется разработкой инновационных интегративных жанров (авторская сказка, неоромантический роман, автобиографический роман, просветительская повесть с элементами утопии), расширением

культурных границ северокавказского региона, а также актуализацией важных философско-гуманистических идей.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на Всероссийском круглом столе с международным участием «Феномен М. Ю. Лермонтова» (Москва, 2022); Всероссийской конференции с международным участием «Философия и культура народа сквозь призму языка» (Нальчик, 2023); региональной научно-практической конференции «Творческое наследие Георгия Гачева в контексте научного кавказоведения» (Нальчик, 2024); Международной научно-практической конференции «Медленное чтение сегодня: теория, методика, практика» (Москва, 2025); Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (Абакан, 2025); научном семинаре «Финно-угорский народ мари: язык, традиционная и художественная культура» (Москва, 2025); Студенческой научно-практической конференции «Гачевские ключи или Terra Incognita» (Нальчик, 2025); Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносовские чтения» (Душанбе, 2025).

Публикации по теме диссертационного исследования. Всего по теме диссертации опубликовано 9 статей, из них 4 — в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ для кандидатских и докторских диссертаций.

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Тхакахова, К. С. Образное поле «конь» в поэзии Алима Кешокова / К. С. Тхакахова // Кавказология: электронный журнал. – 2023. – № 2. – С. 261–278. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-2-261-278.

2. Тхакахова, К. С. Молчание в акте коммуникации и его понимание / К. С. Тхакахова, Л. А. Хараева, Т. С. Путиловская // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3, № 2. – С. 226–232.

3. *Тхакахова, К. С.* Литературный портрет Кадырбека Натхо / К. С. Тхакахова, Л. М. Довлеткиреева // Кавказология: электронный журнал. – 2024. – № 4. – С. 318–330. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-318-330.

4. *Тхакахова, К. С.* Две печатные машинки Кадыра Натхо, или Писатель транскультурного пограничья / К. С. Тхакахова // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 395–407. – DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-395-407.

Публикации в других научных изданиях:

5. *Тхакахова, К. С.* Проблема сущности коммуникации / К. С. Тхакахова // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: [в 2 т.]. – Нальчик: КБГУ, 2021. – Т. I. – С. 241–244.

6. *Тхакахова, К. С.* Молчание как социодетерминированный культурный акт / К. С. Тхакахова, Л. А. Хараева // Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Москва: РУДН, 2022. – С. 165–168.

7. *Тхакахова, К. С.* Кадыр Натхо «Легенда о великом похищении»: смысловые доминанты / К. С. Тхакахова // Стратегии развития гуманитарной науки и образования в условиях новой реальности: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Нальчик: КБГУ, 2024. – С. 214–219.

8. *Тхакахова, К. С.* Особенности передачи непереводаемых слов в контексте адыгского фольклора на английский язык (на материале сборника рассказов Кадыра Натхо) / К. С. Тхакахова // Актуальные проблемы современной зарубежной филологии, межкультурной коммуникации и лингводидактики: материалы Международной научно-практической конференции. – Цхинвал, 2025. – С. 425–431.

9. *Тхакахова, К. С.* Поликультурный и полиязычный мир романа К. Натхо «Отверженные» / К. С. Тхакахова // Сохранение и развитие языков и

культур коренных народов Сибири: сборник материалов конференции. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2025. – С. 78–80.

Структура и содержание работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех исследовательских глав (с подразделами), заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. К. НАТХО «ОТЧУЖДЕННЫЕ»: МОДЕЛЬ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО РОМАНА

1.1. Творческая история и поэтика романа

История мировой литературы со всей очевидностью показывает, что для большинства писателей своего рода первым «трамплином», первым импульсом для того, чтобы сесть за письменный стол, становилось устное народное творчество. Без всякой натяжки можно отметить, что в ряду таких мастеров пера находится и Кадыр Натхо. В автобиографических заметках под названием «Уроки старейшин» автор воссоздает атмосферу своего детства, где произведения фольклора занимают важное место. Речь идет о пословицах, поговорках, которые постоянно звучали в его доме, о многожанровых песнях эпического, шуточного, лирического характера, исполнявшихся народными певцами во время различных мероприятий на его малой родине. Да и в самом «Адыгском этикете» с его тонко регламентированными нормами и предписанными требованиями, виделась определенная «поэзия поведения». «Наши университеты» [Натхо, 2018, с. 29] — так называет писатель весь перечисленный нами богатый фольклорный материал, который постепенно закладывался в основу его художественного сознания.

Функцию второго «университета» в его жизненной практике, вне всякого сомнения, сыграла русская культура, в совокупном сочетании языка и литературы. В автобиографических заметках К. Натхо показывает, как, даже будучи дошкольником, он потихоньку приобщался к языку Пушкина и Лермонтова. Особенно впечатляющи в этом плане страницы, повествующие о совместной поездке с отцом на Черное море, где добросердечная русская женщина, народная целительница (Вера Дмитриевна), «медузой, настоящей на спирту», лечила больную ногу старшего Натхо, одновременно выступая в роли первой учительницы мальчика по культуре русской речи.

Регрессивные и прогрессивные явления нередко идут рядом. Как отмечает автор, весной 1931 г. по решению руководящих органов Краснодарского края все жители древнейшего аула Хатрамтук были переселены в русскую область Прикубанья. Он пишет: «Я чувствовал себя вырванным с корнем беспомощным ростком, подхваченным сильным течением, несущимся против моей воли все дальше и дальше от моего любимого Хатрамтука, с которым не хотелось расставаться» [Натхо, 2018, с. 13]. Однако смысленный, любознательный мальчик легко адаптировался к новой культурной среде, пошел в школу, вскоре обрел много русских друзей.

Кадырбек очень любил читать. В школе на юного эрудита педагоги обращали внимание. В автобиографических заметках о русской школе К. Натхо отмечает, что учительница, «когда она вынуждена была заниматься другими неотложными делами, поручала мне проводить вместо нее уроки истории и географии» [Натхо, 2018, с. 37].

Вся послешкольная история будущего писателя вплоть до начала оседлой жизни в США, связана с многотрудными странствиями по миру в статусе бесправного беженца, в чьей судьбе практически не было шансов на получение качественного высшего образования. Однако, судьба давала ему много шансов для самообразования: благодаря чуткому слуху, тонкому художественному вкусу, отличной памяти К. Натхо даже в лагерях для заключенных или для так называемых «перемещенных лиц» умудрялся пополнять свои знания по разным дисциплинам, в частности, по национальной фольклористике. Это был человек, который даже территорию тюрьмы мог превратить для себя в «маленький университет». По его рассказам, в 1946 г. в «Корпусе военнопленных» ему довелось познакомиться со сказителем из адыгейского селения Тахтамукай по имени Пащ Адиджи, талантливым рассказчиком черкесских сказок, легенд, песен и нартских сказаний. «Пащ обладал отменным красноречием, говорил чисто, размеренно, красочно представляя слушателям яркую картину происходящего, заставлял чувствовать, жить и действовать с участниками

истории. Удивляло богатство его репертуара. В течение всех одиннадцати месяцев, которые мы провели вместе в этом безрадостном корпусе, каждую ночь он рассказывал нам разные истории. И каждый раз перед тем, как рассказать очередную историю, он называл нам источник, сколько версий существует, где и от кого каждую слышал» [Натхо, 2018, с. 127–128].

Во время своих весьма проблематичных странствий по миру автор встречался с сотнями людей, среди которых были дальние родственники, представители различных служб, попутчики, случайные знакомые и каждый — со своим «сказом». Многие из этих «сказов» воспроизводятся в автобиографических, путевых заметках К. Натхо. Постоянно встречающаяся в его мемуарах фраза «Я был полностью погружен в ее (его) рассказы» [Натхо, 2018, с. 152] красноречиво свидетельствует о том, что при полном отсутствии в его драматическом мире желанных библиотек, он все монологи собеседников воспринимал как своего рода «аудиальные книги», как компенсирующий источник богатой культурной и этнокультурной информации.

По воспоминаниям друзей, у К. Натхо была стойкая привычка «в блокнотиках, на разрозненных листках записывать услышанные им от представителей разных народов интересные истории, выражения, пословицы, поговорки, меткое слово, дополненные собственными комментариями» [Архив Тхакаховой К.С.]. Указанная архивная папка являлась для него особо значимым источником, требующим бережного обращения. Но, как свидетельствует автор, все эти бумаги ему пришлось уничтожить в 1956 г. «в Иордании, из-за опасения, что они создадут проблемы при въезде в Соединенные Штаты Америки» [Натхо, 2018, с. 180].

В новой стране вопрос о национальной адаптации встал «ребром» для 29-летнего молодого человека, у которого в арсенале было только советское свидетельство о начальном образовании. Молодого человека никак не удовлетворяла судьба быть «бессловесным чернорабочим», вследствие чего он сразу определил для себя две генеральные задачи: выучить английский

язык и получить достойное образование. По первому вопросу К. Натхо утвердил для себя следующую методику: «каждый день читать американские газеты и литературу при помощи англо-русского словаря», плюс к этому выучивать «наизусть двадцать английских слов ежедневно» [Натхо, 2018, с. 184]. Получить американский аттестат об окончании средней школы с соответствующей оплатой учебы «вечному студенту» помог Руслан Бжассо — адыгский представитель «старых» эмигрантов США.

Судя по автобиографическим заметкам, далее «добрым литературным ангелом» для писателя стала Анна Гемерд Башан, с которой он познакомился в школе Генри Джорджа в 1962 г. и вскоре женился на ней. Она была грузинкой по отцу и турчанкой по матери; судя по ее родословной, она имела статус интеллигента в третьем поколении. «Отец Анны мог читать и писать на пятнадцати языках. Поэтому был приглашен в Египет, чтобы разобраться в старых книгах библиотеки Каира, написанных с использованием старых криптограмм и на различных языках» [Натхо, 2018, с. 197]. Автор не уточняет, какой именно вуз в США окончила Анна Гемерд, но отмечает, что «она очень любила читать, у нее была своя большая библиотека, она хорошо знала мировую историю, а также английский язык и восточную литературу» [Натхо, 2018, с. 197].

Сердце пытливого, вдумчивого кавказского переселенца Анна покорила тем, что через три месяца после знакомства она подарила ему фолиант под названием «Мудрость Западного Мира», состоящий из пятидесяти четырех томов (от античной эпохи до классиков русской литературы) для того, чтобы ее новый культурно ориентированный друг в короткие сроки наверстал упущенное и ликвидировал информационные пробелы. В рамках интеллектуальной помощи Анна снабдила его также «десятью томами руководства к изучению каждой области знаний (истории, литературы, математики, естественных наук) со списком дополнительной литературы и энциклопедическим словарем в двух томах». Венцом этих

подарков стал еще и «красивый книжный шкаф, специально предназначенный для этих книг» [Натхо, 2018, с. 197].

После того, как проницательная интеллектуалка Анна распознала врожденное литературное дарование своего спутника жизни, она настояла на «том, чтобы муж уволился с менеджерской работы в «Колонии Ресторан» и окончил специальные курсы по правописанию и истории англо-американской литературы в соответствующих колледжах и университетах г. Нью-Йорка. Постоянные совместные походы в музеи, театры, на лекции, на выставки живописцев также становились своего рода «курсами повышения» литературного мастерства начинающего писателя. В мемуарных заметках автор отмечает то сильное впечатление, буквально «катарсис», который произвели на него три постановки в исполнении американских актеров — «Пигмалион» Бернарда Шоу, «Кавказский меловой круг» Бертольда Брехта и «Музыкальный человек» Салли Робинсона.

К сожалению, К. Натхо не оставил после себя официальных литературных манифестов, по которым мы могли бы судить о его эстетических принципах и художественных предпочтениях. Но некоторые любопытные мемуарные откровения дают читателю важную информацию на этот счет. Сохранилась ретроспективная работа автора, где он рассказывает о своих взаимоотношениях с профессором по англо-американской словесности Брюсом Муди. На одном из творческих семинаров педагог своим студентам задает домашнее задание — написать сочинение, которое начиналось бы с инициального фрагмента предложения: «Когда я лежал на спине и курил» [Натхо, 2018, с. 202]. Опытный специалист по литературной технике отметит, что столь «открытая» формулировка содержит в себе огромный провокативно-творческий потенциал, способный повернуть вектор мышления художника в любую проблемно-тематическую область — психология, фантастика, утопия, история и т. д. Легко предположить, что каждый из школяров Брюса Муди написал что-то исповедальное из серии «что больше всего меня волнует в этот момент». Тематическим же центром

небольшого по объему сочинения Натхо оказались события Гражданской войны в США (1861–1865), увиденные глазами кавказца.

Наставник был впечатлен «пробой пера» своего ученика. Он предложил ему попробовать написать роман и одновременно дал важный практический совет — всегда придерживаться принципа «причинно-следственных отношений» в тексте. Автор признается: «Мысль написать роман продолжала развиваться в моей голове в течение нескольких дней после судьбоносной встречи с профессором. Это должен был быть хороший роман о войне и правительстве, построенный на мизансценах любви и жизни невинных жертв. Он также мог бы быть пропитанным тематикой любви и секса, как это было модно в то время, чтобы продавался хорошо» [Натхо, 2018, с. 203]. Обращает на себя внимание последнее предложение, явно демонстрирующее уже отчасти американизовавшегося Кадыра Натхо, который наряду с чисто творческими проектированиями не забывает и о прагматической, маркетинговой стороне писательского труда. Правда, здесь справедливости ради следует сделать своеобразную оговорку о том, что на вырученные от продажи будущих экземпляров книги автор намеревался «выпускать больше литературы для возрождения сознания черкесов диаспоры, разбросанных по всему миру, постепенно теряющих свой родной язык и культуру, оказавшихся на грани исчезновения» [Натхо, 2018, с. 203].

Подробно раскрывая творческую историю своего романа, автор пишет: «Вскоре я придумал даже название романа «Николас и Надюша» и сделал его универсальным по идее, содержанию и масштабу с действующими персонажами из разных стран. Среди них я размещал только двоих черкесов, которые могли бы оказать значительное влияние на Николаса, героя романа, сироту-подкидыша войны, которого подобрали на Варшавском вокзале и воспитали. Он влюбился в Надюшу, русскую девушку, чей отец был оторван от нее вооруженными силами Союзных держав и насильственной репатриацией в Советский Союз вскоре после Второй мировой войны» [Натхо, 2018, с. 203].

Учитель, изначально почувствовавший проблески таланта у К. Натхо, устроил персонально для него «публичную» экспертизу, попросив уже написанную им главу зачитать вслух перед ним и однокурсниками. Как указано в мемуарах, учащиеся останавливались на частных моментах, а наставник, подводя общие итоги, сделал следующее заключение: «У Вас хороший стиль, мистер Натхо, — стиль, как у Джозефа Конрада. Это интересная штука. Это может быть частью романа» [Натхо, 2018, с. 203].

Здесь необходимо отметить, что упомянутый профессором Дж. Конрад (1857–1924) — классик английской литературы, автор таких известных произведений, как «Каприз Олмейера», «Сердце Тьмы», «Глазами Запада». По поэтологическим характеристикам творения Конрада примыкают к направлению неоромантизма, в их основе чаще всего лежит принцип двоемирия, позволяющий соотнести, сравнить мир Запада и мир Востока. Другая специфическая особенность художественного почерка британского неоромантика определяется широким использованием элементов приключенческой литературы, а также поэтизацией образа сильной, неординарной, бунтарской личности с ее острой реакцией на мир. Проведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ, действительно, подтверждает литературоведческое умозаключение Брюса Муди о типологическом сходстве художественных почерков Дж. Конрада и К. Натхо.

Раскрывая творческую историю романа «Николас и Надюша», следует отметить и финальную рекомендацию американского профессора начинающему писателю. Данная рекомендация сначала немного озадачивает, но, если глубоко призадуматься, она не лишена здравого смысла. Совет был такой: «Прекратите чтение и продолжайте писать. Обильное чтение может испортить индивидуальный стиль» [Натхо, 2018, с. 203]. Смысл высказывания заключался в том, что любой начинающий писатель обязан учиться у мастеров слова, но при этом необходимо соблюдение чувства меры во избежание утери специфических особенностей собственного мировидения.

На английском языке роман «Николас и Надюша» был издан в 1976 году в Нью-Йорке. Русский вариант увидел свет в Майкопе в 1992 г. Как переводчик на титульном листе значится Тутарищева Мариат Каспотовна, ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Судя по имеющимся данным, Кадыр Натхо, достаточно хорошо владевший русским языком, сам тоже ознакомился с переложённым текстом, внес необходимые правки и в целом одобрил.

Художественные координаты романа. Сразу следует обратить внимание на разницу в ментальности американца и кавказца. Первоначально автором английское издание было названо «Николас и Надюша». Здесь налицо антропоцентрическое начало: в заголовок вынесены имена главных героев. У американского просветителя XIX века Ральфа Эмерсона (1803–1882) имеется доктрина «Self-reliance» [Эмерсон, 1999, с. 218], подчеркивающая внутреннюю ориентацию первопоселенцев США на «самостоятельность», «самопомощь», «самоопору», без особой надежды на помощь извне. В принципе это и объяснимо, если обратиться к страноведческим трудам Г.Д. Гачева, который называет Америку «съезд народов» или «страна тинейджеров». Европейский или любой другой инокультурный мигрант, по своей воле оказавшийся за океаном, практически не мог рассчитывать на весомую поддержку своих предков, родственников или таких же как он сам, обездоленных спутников.

В рамках литературоведческой компаративистики сравним: в 1992 году названный роман выходит на исторической родине Кадыра Натхо в Майкопе под названием «Отчужденные». Для кавказской аксиологии проблема потери человеком своих историко-культурных и генетических корней в результате вынужденной миграции оказалась важнее антропоцентризма, вследствие чего произведение обретает совершенно другой заголовочный комплекс.

Автор данной диссертационной работы, как этнофор, хотел бы отметить, что понятие «сакральная география» занимает чрезвычайно важное место в ценностной картине мира кавказских народов. Издревле горскими

народами ценится оседлый образ жизни. У черкесов есть выражение «Бжъанэ щ1алху мэк1уэж» («Косулю тянет к месту рождения»). Человека, пустившего глубокие корни на родной земле, балкарцы уважительно называют «къадау таш» — «камень, выросший в почву, покрытый мхом». Народное неодобрение и даже чувство легкого презрения вызывал типаж «перекати-поле», склонный менять свою исторически предопределенную родину. В этом плане земляки с чувством уважения относились лишь к паломникам к святым местам, иные же странники с вещмешком за плечами вызвали подозрение и ассоциировались с беглецами от мест, где было совершено преступление, от кровной мести и т. д.

Тихая, мирная, спокойная жизнь — социальный идеал любого кавказского этноколлектива. Но как показано в романе К. Натхо, главными детонаторами разрушения данной идиллии являются войны. В контексте художественного полотна анализируемого романа это Кавказская война (1817–1864) (по другим данным 1763–1864), Первая мировая война (1914–1918) и Вторая мировая война (1939–1945).

Как известно, в качественном литературном тексте «слов-паразитов», бездействующих слов не существует, любой номинологический знак наделяется символическими значениями. В этом плане обращает на себя внимание название гостиницы, где проживает главный герой — «Везувий» — единственный действующий вулкан континентальной Европы, расположенный на берегу Неаполитанского залива. Сознательно или подсознательно использованный автором символ призван подчеркнуть трагическое состояние «планеты людей» из-за того, что в земной коре образовались трещины, из-под которых стала извергаться всепожирающая огненная магма, лава.

Другой важный символ, призванный обозначить болезненное, катастрофическое состояние мира, это череда медицинских учреждений, больниц, врачей, медсестер, санитаров, занимающих значительное место в образной системе исследуемого романа. При этом автор показывает, что

вылечить больное общество неимоверно сложно, поскольку сама система здравоохранения неизлечимо «больна», поражена бактериями казнокрадства, коррупции, взяточничества. Гипертрофированный образ нарушительницы «клятвы Гиппократова» являет собой в этом плане старшая медсестра госпиталя синьорина Фиорита Банини, которая на протяжении многих лет покупала «такие целебные средства и успокаивающие лекарства, как пенициллин и морфий для больницы, затем продавала их за непомерно высокую цену на черном рынке» [Натхо, 1992, с. 211].

Распад родственных связей. Действие романа «Отчужденные» происходит на итальянской земле, в основном г. Неаполе. Здесь собралось разнородное полиязычное, поликультурное общество военного и послевоенного времени. Как показывает автор, войны, революционные перевороты, в первую очередь, бьют по семейным ячейкам. Среди героев К. Натхо практически нет представителей полной, качественно и количественно здоровой многочисленной семьи. Чаще всего это атомарные индивиды без родителей, дедушек, бабушек, братьев, сестер, кузенов, кузин, дядь и тетей.

Посредством исторических экскурсов автор показывает, что причиной разрыва генетических нитей стала не Италия, не заграница, а ситуация нравственных перегибов на «старой родине» в первые годы Советской власти, когда сторонники нового общественного строя временами путали представления о должном и недолжном, моральном и аморальном. Раскрывая истоки данного диссонанса, К. Натхо в гротесковой форме описывает «синдром Павлика Морозова», суть которого заключалась в приоритете идеологического, коммунистического над извечными сакрально-семейными ценностями. Для того, чтобы показать, насколько широкомасштабным и универсальным был этот узаконенный синдром, автор описывает русский хутор Передовой, «который змейкой вытянулся на холмике, одним концом показывая на Краснодар, а другим в сторону Кавказских гор» [Натхо, 1992,

с. 54], где располагался адыгейский аул Новый Натухай с его коллективным хозяйством «Красный май» [Натхо, 1992, с. 55].

С ярко выраженными элементами карикатурной поэтики в романе воспроизводится образ пионервожатой Фени Корпусовой, которая, выступая на школьном собрании перед пионерами и октябрятами, призывает всех «быть всегда бдительными, наблюдательными и находить саботажников, врагов народа, шпионов и провокаторов» [Натхо, 1992, с. 64].

В отечественной истории эпохи сталинизма довольно широко описаны социально-политические акции, получившие печально известное название «тюремный срок за пшеничные колоски». На самом деле, в период продовольственного кризиса 1930-х годов в законодательство были добавлены строгие меры в отношении колхозников, которым не позволялось подбирать с поля злаковые колоски. Вот образец речи «товарища Фени Корпусовой», которая призывает малолетних ленинцев «остановить расхищение колхозного имущества и вырвать с корнем врагов народа»: «Я хочу, чтобы каждый из вас доложил нам завтра в восемь часов утра. Колхоз уже поставил наблюдательные посты — вышки. Я сама лично поведу вас туда, каждому покажу его пост и расскажу о ваших обязанностях. Это будет завтра. А теперь идите домой и будьте внимательны, прислушивайтесь хорошо к тому, что говорят ваши родители и родственники. Если вы увидите, как они воруют что-нибудь с колхозного поля, доложите мне. Да, если даже они ваши собственные родители или родственники, вы должны доложить мне» [Натхо, 1992, с. 64].

Итог — «некоторые октябрята и пионеры начали докладывать о своих родителях и соседях», те «стали получать вызовы в районный суд», «постепенно перепуганные родители начали недоверчиво относиться к своим детям, а дети, в свою очередь, смотрели на своих родителей с недоверием». Как отмечает автор, «колесо недоверия начало вращаться» [Натхо, 1992, с. 67] с еще большей скоростью, к тонко разработанному идеологическому энтузиазму школьников вскоре подключили и советскую милицию, которая

на дорогах обыскивала колхозников, и каждого, у кого обнаруживался хоть один початок кукурузы, отправляли в тюрьму на долгие пять лет. Жертвой этого политического маховика оказалась и мать Марфы, одной из главных героинь романа.

На страницах своего романа К. Натхо описывает еще более суровый способ разрыва родственных уз между родителями и детьми. Автор свидетельствует, что в первые годы Советской власти женщине, родившей ребенка, никакие декретные отпуска не полагались. Для того, чтобы физические резервы «красных коллективных хозяйств» не уменьшались, каждая роженица через пару дней обязана была сдать новорожденного малыша в колхозные ясли, а сама отправлялась на поле зарабатывать трудодни. Именно такой «обозной проводницей» работает пятнадцатилетняя Марфа, которая обязана ежедневно младенцев укладывать на соломенную подстилку колхозной брички и доставлять их на кормление к работающим на поле матерям в обеденные часы. Конечно, подобная социальная практика не могла способствовать закреплению теплых эмоциональных связей между матерью и ребенком и порождала множество психологических травм. И, наконец, самая страшная деструктивная сила, которая не оставляла ничего от здоровой модели патриархальной семьи, это война.

Во всей полноте такую трагическую форму необратимого распада семьи писатель показывает на примере взаимоотношений Константина и Марфы Любенцовых. Начало их теплым, искренним чувствам как раз было положено во время совместных поездок на конной упряжке к молодым матерям. Влюбленные вскоре поженились и, казалось бы, больше не может быть помех на пути к их семейному счастью. Но грянула Великая Отечественная война (1941–1945) и Константина мобилизовали в Красную Армию. Единственное, о чем жена попросила своего мужа, были слова, чтоб «он вернулся домой живым» [Натхо, 1992, с. 76]. По сюжету романа, раненый солдат возвращается домой, и семья была счастлива. Но счастье оказалось недолговечным, поскольку вскоре Константина обвиняют в

дезертирстве и ему грозят два безальтернативных бедствия — расстрел на месте или тюрьма. По сюжету, в этой критической ситуации Константин и Марфа (уже с новорожденной дочкой), на подсознательном уровне ставящие целостность семейной ячейки на верховную точку всех мыслимых социальных аксиологем, выбирают многотрудный и сложнейший в морально-этическом плане путь — «следовать за отступающими германскими колоннами от Кавказа через Россию, Польшу и Италию», куда глаза глядят.

По сюжету романа, русская семья Любенцовых, чудом самосохранявшаяся на столь длительном пути, все же в итоге была насильственно «разорвана» и ликвидирована как ячейка общества. Кадыр Натхо, сам прошедший через множество социальных кордонов, подробно, со знанием дела описывает, как «весной 1947 года все подобного рода военнопленные и политические беженцы в г. Пиза (Италия) солдатами США загонялись в строго охраняемые бараки и проходили через судебную военную комиссию, состоящую из офицеров высших чинов Союзных держав, рассортировывались, загружались в железные грузовые машины, закрывались на замок и насильно возвращались в Советскую Россию» [Натхо, 1992, с. 80]. В рамках историко-литературных параллелей попутно отметим, что в повести карачаево-балкарского эмигранта Хамита Боташа «Проклятая поляна» («Харам тала») также описывается «трагический эпизод конца Второй мировой войны, когда колонна кавказских горцев, убегавших от сталинских репрессий, взяв с собой свои семьи — родителей, детей, жен, коварно была возвращена англичанами в горнило режима» [Биттирова, 2018, с. 30].

Кадыр Натхо в исследуемом произведении больше не возвращается к вопросу дальнейшей судьбы Константина Любенцова, но «между строк» дает понять, что вскоре он был расстрелян как изменник Родине или печально расстался с жизнью на Колыме.

Отличительной особенностью романа «Отчужденные» является его антивоенная направленность. Приведем одну характерную цитату. «Проклятая война. Война виновата во всех бедах, беспорядках. Больше ничего. Во время войны обычно принято женить молодых людей перед тем, как отправиться в армию. Именно это и сделал Коллинз во время Второй мировой войны» [Натхо, 1992, с. 79]. Жертвой такого рода скоропалительной свадьбы в романе представлен американский офицер Коллинз, который в итоге все же расстался со своей заокеанской невестой и истинную любовь в лице русской женщины Марфы Любенцовой обнаружил во время своей длительной командировки в итальянском лагере Реджо-Эмилио для беженцев гражданского населения. В высшей степени гуманист и альтруист, от неминуемой гибели он спасает Марфу и ее маленькую дочь. Неабстрактная доброта мистера Коллинза проявилась в том, что он нашел квартиру для Марфы в Неаполе, нанял ей репетитора по английскому языку, научил ее печатать на машинке, устроил ее на работу в Американском консульстве, позже создал с ней единый семейный очаг.

Вся эта достаточно длительная повествовательная линия в романе К. Натхо показывает, что в моменты глобальных жизненных катастроф, когда всемирная история выходит из «берегов», срабатывает некий общегуманистический закон, напоминающий людям о том, что все земляне — дети Адама и Евы, братья по разуму и нравственным чувствам. Ненависти противопоставляется любовь, злу — доброта, войне — подсознательное стремление к мирным отношениям.

1.2. «Кавказский текст» внутри американского романа

По большому счету роман К. Натхо «Отчужденные» можно назвать антропологическим исследованием, поскольку автор художественным языком пытается изучить внутреннюю природу, онтологический статус не просто абстрактного человека, но эмигранта или иммигранта, который в силу различных жизненных обстоятельств оказывается в чуждой ему

этнокультурной среде. Выше мы рассмотрели особенности общегуманистического «спасательного круга», складывающиеся из архетипических, в принципе присущих «хомо сапиенсу», милосердных, альтруистических качеств. На примере Марфы и Коллинза автор показал, что «человек человеку не волк», а чаще всего, единокровный индивид, которому следует оказать помощь, если он в этом нуждается.

Однако, по Натхо, существует еще и другая стратегия выживания, связанная с поиском этнических корней. В литературе стало общим явлением сравнение человека с деревом: как дерево без корней становится нежизнеспособным, так и человек. Обозначая неприкаянность иммигранта в чужих краях, художники часто прибегают к вегетативным образам. Примечательно, что автор послесловия к роману «Отчужденные», адыгейский литературовед Казбек Шаззо в самом начале своего текста цитирует М.Ю. Лермонтова: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой // И в степь укатился, жестокою бурей гонимый» [Шаззо, 1992, с. 322].

В отмеченном контексте одним из значимых, системообразующих культурных кодов романа К. Натхо является чисто итальянское понятие «скуници» (scugnizzi), под которым подразумевается «незаконнорожденный», «человек без этнических, родоплеменных и семейно-фамильных корней», «личность с низкой социальной ответственностью». Судя по тексту романа, сами коренные итальянцы с ноткой презрения «скуницами» называют «иванов, не помнящих родства», «уличных мальчишек Неаполя, промышляющих мелкими кражами т. д.». В этом смысле показателен пример, когда один из героев признался доктору, что у него нет фамилии, тот с саркастической улыбкой обозвал его «скуницей», за что тут же был нокаутирован и брошен на пол. Позже юноша, оправдывая отсутствие у него фамилии, говорит: «Я — сирота войны» [Натхо, 1992, с. 7].

Тема исторических, этнокультурных, генетических корней чрезвычайно важна для народов Кавказа. Недаром в традиционном обществе

северокавказских горцев издревле обращают внимание на то, чтобы человек сызмальства знал поименно своих предков до седьмого, а еще лучше — до девятого колена. Большой научный интерес в этой связи представляют кавказские страницы натховского романа, в частности, фрагменты, посвященные взаимоотношениям престарелого черкеса Дамада и его юного воспитанника Николаса. По сюжету, в июне 1945 г. старик на Варшавской железнодорожной станции подобрал мальчика-сироту. Вдвоем они проходят целый физический и духовный квест, на протяжении которого кавказский аксакал преподает ему множество уроков практического и морально-этического предназначения.

Как дает понять автор, в местечке Обердрауберг, между горой и рекой Драу располагались лагеря беженцев с Северного Кавказа. Среди них — балкарцы, чеченцы, черкесы, ингуши, абхазы, карачаевцы, кабардинцы, осетины, различные народы Дагестана, армяне, грузины, азербайджанцы — в общей сложности около двадцати тысяч человек.

Адыгейский писатель показывает, как этнокультурный облик Кавказа в лице беженцев даже в окрестностях австрийского городка Обердрауберга в мгновение ока способен актуализироваться во всех своих специфических проявлениях. Приведем характерный отрывок: «Николас проснулся, осмотрелся, никого нет в шалаше и темно, должно быть, солнце уже село. Где же Дамад и Камгаз, подумал он, встал и вышел из шалаша. Был уже вечер, вокруг горели костры, около них сидели люди и говорили громко кто о чем. Среди палаток, шалашей и фургонов бродили стреноженные лошади. Вдали от них около берега играли на аккордеоне, импровизированный хор из мужчин подпевал ему, растягивая тяжелую, заунывную мелодию старинной черкесской песни. Вдруг, неожиданно резко маэстро заиграл лезгинку, резкий огненный ритм кавказского танца оглушил всю округу, громкие выкрики, четкие, переливчатые удары чечеток, радостно отчаянное хлопанье в ладоши изнуренных дорогой и неизвестностью людей заполнили равнину привычной радостью, но вместе с этим и ощущением безудержной

предроковой агонии. Кто-то стрелой вылетел в круг, стал на пальцах ног как вкопанный, затем быстрым шагом помчался по кругу, который мгновенно расширился и поддержал танцора хлопанием и выстрелами» [Натхо, 1992, с. 176]. В приведенном отрывке в концентрированной форме показаны дух и темперамент кавказского человека с его любовью к национальным песням и зажигательным танцам.

Дальнейшие страницы романа полны драматизма, связанного с тем, что английские надзиратели под прикрытием благовидных обещаний начинают предлагать северокавказским беженцам сдать руководству все имеющееся у них оружие. «Оптимисты спорили с пессимистами» [Натхо, 1992, с. 172], но наиболее прозорливые догадываются, что обезоруженных горцев хитроумные англичане тут же в принудительном порядке депортируют в «коммунистическую Россию» на тотальный расстрел, а в лучшем случае на сибирские тюремные нары.

Опыт есть опыт: в этих до конца особо никому непонятных сложнейших обстоятельствах старик Дамад выхватывает из рук своего друга Камгаза револьвер, который тот собирался сдать английскому лейтенанту. Из сложившейся ситуации кавказский аксакал сделал логичный вывод: «Мы виноваты, что отдали свое оружие. Мы отдали им наших руководителей тоже. Теперь мы стадо, просто толпа, без руководителей, и англичане могут сделать с нами все, что они захотят» [Натхо, 1992, с. 182].

То, что дальше произошло с северокавказскими спецпереселенцами, имеет ярко выраженную интертекстуальную переключку со знаменитой гамлето-шекспировской формулой «быть или не быть?» [Шекспир, 1981, с.78]. В переводе на «дамадовский» язык она обрела следующий словесный облик: «вырыть себе могилу или соорудить плот?» [Натхо, 1992, с. 182]. В конце большая часть отчаявшихся людей, действительно, объявляют голодовку, в знак траура поднимают черные флаги и начинают рыть собственные могильные ямы, поскольку предпочитают «умереть с голоду, чем очутиться в руках коммунистов» [Натхо, 1992, с. 182].

Естественно, Дамада такой самоубийственный, упаднический вариант не устраивает, вследствие чего он украдкой, приобщив к этому делу и своего приемного мальчика, начинает строить плот в укромном месте.

Благодаря этому самодельному плавучему средству, горсточке кавказцев вместе с юным Николасом удастся ускользнуть от погони английских охранников, добраться до гористой местности и укрыться в укромной пещере. «Пещерные» страницы романа «Отчужденные» без всякой натяжки можно назвать богатейшим источником этнокультурных знаний по воспитанию настоящих мужчин, подлинных джигитов. Приведем несколько уроков Казбека, имевших витальное значение для мальчика. Мужчина заставляет Николаса многократно бегать вокруг пещеры, а затем еще устраивает ему жесткий сеанс «кинжальной самообороны», чтобы тот стал «сильным, как лев и быстрым, легким, живым, как лань» [Натхо, 1992, с. 194]. Играясь с мальчиком, кавказец доводит мальчика до физического изнеможения, но в конце признается, что все это было разыграно для того, чтобы Николас хорошенько разогрелся, высушил свою нательную мокрую одежду после странствия по холодной реке, и в итоге чтоб не «не схватил простуду и не заболел» [Натхо, 1992, с. 193].

Отечественный философ, культуролог и литературовед Г.Д. Гачев в своей монографии «Ментальности народов мира» на глубоко научной основе установил триадный закон «Космо-Психо-Логос», согласно которому темперамент народа и система его мыслительных координат сильно детерминированы ландшафтом, экосистемой, физической средой обитания того, или иного этноколлектива. С этой точки зрения большой интерес представляют уроки горовосхождения, скалолазания и похода по пересеченной местности, которые юному Николасу преподает кавказский горец с альпийским именем Казбек. Приведем три примечательных примера, имеющих отношение к методике перемещения на горной местности: «Когда склон горы очень крутой, надо держаться прямо, наклоняясь немного назад, поднять руки немного, а локти вперед вот так. Видишь? Твои руки будут

готовы к действию, чтобы помочь тебе удержать равновесие. Твои локти защитят лицо. Твоя грациозная поза облегчит движение твоих конечностей» [Натхо, 1992, с. 195].

Второй урок Казбека связан с целесообразностью зигзагообразных движений на горных тропах, которые «помогают передвижению, напряжению мускулов ног и тела и подготавливают человека к огромной выносливости» [Натхо, 1992, с. 195].

Третий урок не менее оригинален. За тысячелетия, присматриваясь к наклонной плоскости холма, горцы смекнули, что в отдельных случаях здесь можно применять «колесный» способ перемещения предметов. В частности, горцы Кавказа научились готовое сено сворачивать в своеобразные «рулоны» и скатывать их вниз в сторону равнины. Этого мало: наиболее гибкие из числа молодых горцев «научились превращаться в своеобразных «трансформеров» и определенные участки горного склона преодолевать в виде «живого, органического колеса». Как объясняет Казбек, на Большом Кавказском Хребте встречаются «слишком гладкие и слишком крутые спуски для ног». Подкрепляя теорию практикой, учитель тут же сел, «схватил колени, положил голову между коленями и стал катиться как колесо, около ста шагов. Затем он вытянул ноги, вытянул руки в стороны, скользил несколько шагов, лежа на спине, и вскочил» [Натхо, 1992, с. 195]. Способный ученик вслед за наставником повторяет кавказский топографический трюк: «Сердце Николаса забилося. Он не должен был опозорить себя или разочаровать своего мужественного друга. Он сел, обхватил колени руками, положил голову между коленями и начал катиться вниз. Казалось, что весь мир кружился вместе с ним, когда он подпрыгивал, отталкиваясь от земли сильно и быстро. Искры вылетали из глаз, и внутренности сотрясались отдельно с каждым кругом, но не было возможности остановиться. Он не смел вытянуть ноги, но вдруг Казбек подхватил его» [Натхо, 1992, с. 196].

В целом «морской» комплекс в адыгской (черкесской) художественной культуре представлен как место страха, опасности, гибели человека. В то же время мотив «спасение горцев — в горах» [Натхо, 1992, с. 203] зримо представлен в романе «Отчужденные». К. Шаззо в своем предисловии к роману также отмечает, что «Альпы — это пик, который навсегда остался в памяти Николаса» [Шаззо, 1992, с. 329]. При этом под «пиком» подразумевается не только элемент топографии, но и нравственно-этическое восхождение героя к высшему в самом себе благодаря урокам кавказских горцев, ставших ему родными.

В отечественной гуманитаристике в широкий научный оборот понятие «звуковой пейзаж» ввела лингвист Т.В. Цивьян. Под этим словосочетанием подразумеваются «отбор и содержательная интерпретация звуковых комплексов, прежде всего, природных» [Цивьян, 2006, с. 248]. Поддерживая и развивая теоретические положения исследовательницы, хотелось бы отметить, что писатели реалистического толка, как правило, запечатлевают в своих произведениях аутентичные звуковые комплексы, которые созвучны, органичны описываемому топосу, локусу. Сразу следует отметить большой талант писателя-реалиста Кадыра Натхо, который в романе «Отчужденные» воспроизводит яркий образец кавказского аудиального пейзажа.

Речь идет об эпизоде, где Казбек и Николас уже мысленно «похоронили» своего старшего товарища Дамада: они были уверены в том, что он, не удержавшись на плоту, попал в опасный водоворот и утонул. Далее цитата из текста: «Ласточка пела. Через некоторое время она запела снова, затем снова и снова... Каждый раз немного громче, чем прежде. Казбек улыбнулся. Он тоже свистнул три раза точно тем же пением, посматривая на кусты. Фазан начал звать. Казбек подобрал два камня-голыша, потерял их и ответил тем же голосом. «Кто-то с Кавказа», — шепнул он Николасу. «Это птичий язык. Только мужественные люди знают этот язык. Пошли. Они подползли к кустарникам. Это был Дамад! Николас

бросился к нему на шею и прижался к его сильной груди» [Натхо, 1992, с. 199].

Приведенный отрывок показывает, что на Кавказе издревле бытовала своя тонко разработанная звуковая сигнальная система, даже «звуковая мера расстояния». Как отмечает З.А. Кучукова в своей книге «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики», «балкарец, выросший в горах, где визуальное измерение расстояния обманчиво, больше доверял акустическому — “один человеческий крик”» [Кучукова, 2005, с. 17], то есть длина пути измерялась не аршинами и километрами, а диапазоном человеческого голоса. «До этого аула идти еще десять человеческих криков!» — мог сказать архаичный горец.

Другая проблема была связана с наличием на кавказской территории множества беглецов, участников набегов, абреков, скрывающихся от кровной мести и т. д. При отсутствии всяких технических средств связи людям приходилось изобретать различные сигнально-условленные знаки взаимного оповещения. Это могли быть символические предметы, горящие факелы (видные издалека), гонцы с вестями на быстрых скакунах. Не последнее место в этой системе шифрограмм занимали звукоподражания природным феноменальным явлениям, будь то удары речных камней, треск сломанной ветки, рев оленя, лай собаки, пение птицы и т. д.

Процитированный нами отрывок интересен своим транскультурным характером, то есть старинный северокавказский коммуникативный язык попадает на страницы американского романа и посредством художественного перевода «возвращается» на родину. В целом чуткие к «звуковым пейзажам» окружающей среды Казбек и Дамад в лесном суматошном массиве, где снуют английские солдаты, сумели не только идентифицировать друг друга в «фазане» и «ласточке», но и пообщаться, договориться о встрече и благополучно встретиться. Несведущим людям вся эта история может показаться частью «магического реализма», но в недрах

любой архаичной этнокультуры есть такого рода элементы на грани фантастики.

Балкарский поэт Кайсын Кулиев, выступая в Македонии на «Стружских вечерах поэзии» с докладом на примечательную тему «У каждого народа — свой голос», отмечает: «Дайте младенцу грудь женщины любой расы, он будет ее сосать, но когда он вырастет, мы увидим в нем черты того народа, к которому принадлежали его родители, и в то же время он будет человеком» [Кайсын, 1986, с. 325]. Философская идея единства национального и интернационального, локального и универсального пронизывает весь текст анализируемого романа К. Натхо. Простой пример: в австрийском лесу запела ласточка с особыми модуляциями в голосе и Казбек сразу распознав данное «произведение», восклицает: «Это кто-то с Кавказа!» [Натхо, 1992, с. 189].

Более сложные примеры взаимосвязанности личного, этнического и общечеловеческого обнаруживаются в тематических комплексах, посвященных проблеме замещения, компенсации оторванных корней, разорванных фамильно-родовых связей. Самой страшной деструктивной силой в этом плане является война.

Всего в романе крупным планом описываются жизненные истории трех детей-жертв войны с их оторванными корнями, чудесными спасениями, причудливыми переплетениями в судьбах, счастливыми и трагическими развязками. Три жертвы — это Джиованни Руно, Николас и Надюша. Вкратце рассмотрим общее и особенное в их судьбах.

Джиованни Руно — жертва Первой мировой войны. Его, одинокого малыша, «лежащего на земле, покрытой кровью среди раненых и убитых», «протягивающего к ней маленькие ручки» [Натхо, 1992, с. 118] подбирает итальянская медсестра, добровольно ушедшая на войну «за легкой смертью» по причине безответной, несчастной любви. «Но она здесь нашла другое — его, малыша, и желание умереть сменилось у нее другим — любовью к малышу, заботами о нем, для которого она должна была жить. Она начала

работать безрассудно, снимая часы с рук убитых и тяжело раненых, снимала кольца, все, что могло стоить чего-то, воровала лекарства и продавала их — все для него, для его будущего. После окончания Первой мировой войны она уехала в Бари не с пустым кошельком и поселилась там. Она назвала своего ребенка Джиованни Руно, и новые знакомые стали называть их матерью и сыном» [Натхо, 1992, с. 118].

Фанатичная любовь к приемному мальчику перед синьориной Банини заслоняет весь мир: получив пост старшей медсестры в городской клинике, она идет на уголовные преступления, как спекулянт, продает дефицитные медикаменты. На вырученные средства ей удастся выучить Джиованни в престижном университете, сделать из него высокопрофессионального, именитого доктора. Хваткая женщина обзаводится большим особняком в престижном районе города. Все деяния попечительницы можно охарактеризовать как негативная функция Добра, если учесть, что постепенно престарелая дама в психологическом и даже физиологическом смыслах «осупружила» приемного сына, «присвоила» его себе, зажала в тиски своего частного бытия до такой степени, что готова была любых девушек, приблизившихся к ее «мальчику», физически устранить с помощью мафиозной группировки. Фальшью и лицемерием пронизаны взаимоотношения Фиориты и Джиованни — на людях они называют друг друга «сын» и «мамочка», а на самом деле, юноша стал жертвой своей спасительницы и пожизненно вынужден отбывать наказание в ее доме в качестве молодого любовника.

Этот фрагмент демонстрирует, насколько сложен мир усыновленных детей и опекунов. Автор показывает, что искусственные, суррогатно замещенные генетические корни только в том случае могут сделать ребенка счастливым, если усыновитель порядочен, благороден по своей природе и не имеет аморальных наклонностей.

Надюша — жертва Второй мировой войны. Родившаяся в начале 1942 г., она пережила тяжелейшие испытания: голод, болезни, травматичную

разлуку с отцом (которого на ее глазах отправили в сибирскую тюрьму), частые обмороки матери и неоднократные критические состояния между жизнью и смертью, что оставило глубокие психологические травмы. Мир не без добрых людей — вскоре отца ей заменяет американский офицер, надзиратель за российскими спецпереселенцами, в котором неабстрактное гуманистическое начало побеждает официальные, казенные обязательства. В сознании прозревшего американца, пережившего своеобразный катарсис при виде умирающей от горя русской девочки, зарождаются следующие мысли: «Почему мы должны выполнять такую грязную работу? Здесь что-то неверно, несправедливо. Стыдно таким образом разрушать семьи. Если мы будем это продолжать, мы хуже нацистов. В этот момент мне стыдно за себя!» [Натхо, 1992, с. 84].

В лице мистера Коллинза адыгейский автор вводит в северокавказскую литературу образ благородного американца. При этом он показан как «Self-made-man» («самосделанный человек»), который, не полагаясь на милости от посторонних людей и служб, лично сам определяет собственную судьбу и судьбу тех, «кого он приручил» и теперь обязан нести за них ответственность. Его конкретные деяния заключаются в том, что он отправляется в США, официально разводится с женой, и великодушно оставив ей и детям все нажитое имущество, возвращается в Неаполь, женится на любимой женщине (Марфе Любенцовой), оставляет нелюбимую работу смотрителя-надзирателя, переводится в Департамент дипломатической службы, удочеряет Надюшу и начинает заниматься вопросами перемещения молодоженов (Николаса и Надюши) в Соединенные Штаты Америки.

Здесь самое время подчеркнуть любопытные натховские литературно-художественные закономерности, обнаруживающие логическую соотнесенность со страноведческими трудами Г.Д. Гачева. Отметим, что Кадыр Натхо и Георгий Гачев совершенно не были знакомы и вряд ли они читали сочинения друг друга. Тем интереснее отметить общность их взглядов на менталитет американцев. Среди культурных кодов США Георгий

Дмитриевич отмечает «съезд народов», «собирательность иммигрантов», «страну тинейджеров», «архетип Колумба» [Гачев, 2008, с. 284–287] и все они прямо, косвенно или опосредованно находят отражение на страницах исследуемого романа. Американский посол в Италии (Коллинз), желая облегчить жизнь молодоженам, готовит «документы для перемещенных лиц», визы для своих новых родственников Надюши и Николаса, то есть подсознательно именно молодых людей, практически «тинейджеров» отправляет в страну, нареченную «съездом народов». Ребята тоже от предложения не отказываются, поскольку чувствуют себя «колумбами XX века» — амбициозными, энергичными, в меру авантурными искателями приключений. В этом плане весьма символично, что одним из имен главного героя Николаса является антропонимический компонент «Юниор», что в целом означает «молодой, юный, спортивный» и такое значение находится в полной логической согласованности с теорией Гачева о «тинейджерском» характере американского народонаселения.

Николас — еще одна безвинная жертва Второй мировой войны, которого от трагедии «отчуждения», от участи безродного «скуницы» спасает черкес-иммигрант, старик со строгим лицом, с серебряным кинжалом на поясе в меховой цилиндрической форме шапке» [Натхо, 1992, с. 96]. Он подбирает малыша на Варшавской железнодорожной станции и дает ему достойное воспитание, определяет его счастливую судьбу. *«Я не твой отец, но ты мой сын!»* — на наш взгляд, это парадоксальное по звучанию и глубоко философское, гуманистическое по смысловому содержанию высказывание Дамада можно отнести к числу самых выдающихся цитат в мировой литературе XX века. Можно привести типологически сходный пример, связанный с философской повестью Э. Хемингуэя «Старик и море». На вопрос журналистов «Почему Вы мальчика Манолу не сделали внуком старика Сантьяго? Это было бы так органично!» писатель отвечал: «А он внук старика Сантьяго. Но внук по Адаму» [Грибанов, 1971, с. 291]. Нечто

сходное наблюдается и во взаимоотношениях Дамада и его приемного сына Николаса.

Зная, насколько жизнь сложна, названный отец, в первую очередь, учит юного Николаса основам физической борьбы, искусству самообороны. При этом ценностные ориентации восходят к Кавказу — «я сделаю тебя смелым, мужественным. Даже более мужественным, чем Шамиль, чем любой абрек, чем любой джигит!» Но физическая сила теряет всякую ценность, если не опирается на нравственные принципы, поэтому Дамад уточняет: «Но никогда не нападай! Только защищайся. Обещаешь, мой сын?» [Натхо, 1992, с. 96]. В целом Николаса можно назвать воспитанником кавказской бойцовско-этической и этнической школы, учитывая, что мальчик вбирал уроки не только мужества, но и высокой морали уроки не только Дамада, но также и его друзей Камгаза, и Казбека. Уважительное отношение к старшим — еще один важный урок, который молодой человек получает от кавказцев [Натхо, 1992, с. 201].

Высокий рост, атлетическая выправка, физическая сила, владение оружием, умение мгновенно оценивать ситуацию, адекватно на нее реагировать, мужество и самоотверженность — все эти качества, судя по тексту романа, становятся причиной основного конфликта в романе: мафиозная группировка Неаполя пытается завербовать Николаса к себе, он же отказывается.

Примечательно, что длинный, многотрудный духовный и пространственно-физический квест Николаса завершается тем, что в итоге он на своем жизненном пути встречает биологически неродственного ему мальчика, нареченного его именем и с радостью его усыновляет. В его образе К. Натхо изобразил героя, который избрал следующий принцип бытия: «Живи так, чтобы добро, которое тебе сделали, пошло дальше!». Теперь он должен думать только о настоящем и будущем» [Натхо, 1992, с. 317]. Все свое бытие на земле он осознанно подчиняет идее своей личной ответственности за счастье маленького Николаса и его матери.

Здесь следует отметить интересную интертекстуальную перекличку данного эпизода с отрывком из романа А. де-Сент-Экзюпери «Планета людей» (глава «В сердце пустыни»). Французский писатель показывает, что освобожденный раб психологически не мог чувствовать себя счастливым, пока не подарит счастье другим обездоленным. Поэтому он на все подаренные ему летчиками деньги покупает «игрушки, браслеты, туфельки» [Экзюпери, 1980, с. 217] для детей местных бедняков. Только так он мог «ощутить вес и значение свое на земле» [Экзюпери, 1980, с. 218]. Сходные чувства испытывает и Николас. Его добровольное решение принять малыша в семью становится не просто благородным поступком, но и способом окончательно.

Любовь. По нашему наблюдению, в большинстве антивоенных произведений присутствуют две тематические линии, идущие параллельно — «война» и «любовь». Не является исключением в этом плане и роман К. Натхо «Отчужденные». У художников-пацифистов всегда есть острая потребность противопоставить милитаристским умонастроениям «любовь», как одну из верховных аксиологем человеческого бытия.

То, что мы называем одним словом «любовь», в античном (древнегреческом) мире имело свои стратифицированные варианты с тонкими смыслоразличительными особенностями: агапе (жертвенная, безусловная любовь), сторге (семейная, родственная привязанность), филия (дружба, расположение), эрос (физическая любовь, ориентированная на создание семьи), людус (игривая любовь без глубинных чувств, ассоциирующаяся с флиртом, гедонизмом, частой сменой партнеров) и мания — маниакальная зависимость от человека, болезненная страсть, чреватая суицидом.

Художественной реализацией «эроса» с элементами «сторге» в анализируемом романе К. Натхо являются взаимоотношения Марфы и Константина. Сама история зарождения их красивой романтической любви на фоне зеленого летнего буйства южнороссийской природы предопределена

и подкреплена ситуацией довоенного времени. Это важный момент. Взаимное физическое влечение двух молодых людей в соответствии с законами здорового патриархального общества переходит в стадию создания семьи с последующим рождением ребенка. Однако, огонь войны разрушает все до основания, и судьба этой семьи — тому подтверждение (как мы это показали выше).

Категорией «прагма» можно охарактеризовать суть взаимных эмпатических отношений между мистером Коллинзом и госпожой Любенцовой. Они оба уже достаточно взрослые люди с большим жизненным опытом. Главными компонентами их любви являются не страстные желания физиологического характера, а разумный расчет и продуманное, взаимовыгодное, ответственное отношение к браку.

Как яркий пример «мании», то есть патологической, деструктивной привязанности к ближнему, в романе «Отчужденные» представлено отношение итальянской медработницы к своему приемному мальчику, из которого она сначала по доброте душевной «вылепила» выдающегося доктора, а затем по извращенности душевной — потайного, бесправного любовника, всецело принадлежавшего ей. В полном соответствии с художественной логикой романа, носители такой формы любви нежизнеспособны: погибают синьорина Бакини и доктор Руно.

У главного героя Николаса в романе много ипостасей, много художественных граней. Одна из них — он воспитан по законам кавказского (черкесского) аталычества. Его учитель и названный отец Дамад кроме навыков самообороны и боевого искусства успел преподать своему «кану» уроки высокого альтруизма («Сделай добро и концы брось в воду»). Оттого в большом и добром сердце Николаса нашлось место для любви не только к русской матери-одиночке Надюше, но и к ее сыну, ставшему для него родным. По древнегреческим меркам, такая любовь называется агапе — безусловная, милосердная, деятельная любовь, перекрепленная понятиями «самоотдача» и «ответственность».

Касаясь темы любви, как важнейшей антропологической проблемы, Г.Д. Гачев в одной из своих философских работ пишет: «Нынешняя грозная демографическая ситуация в России, когда катастрофически падает рождаемость, распадаются семьи, умножаются разводы, — ставит во всей остроте вопрос о непродуманности проблем Эроса в нашей культуре. И повинно в этом, в частности, ханжески-чистоплюйское отношение к культуре Эроса в нашей мысли и в литературе последних десятилетий. Между тем тут именно культура должна выработаться, а не слепота и закрывание глаз страусиное» [Гачев, 1994, с. 7]. К чести для К. Натхо, он вместо «страусиного» отвода глаз поднимает актуальные демографические проблемы и качественным литературным языком показывает разные гуманистические формы их разрешения.

1.3. Система экспрессивных средств

Само описание самых разных граней западноевропейского эмигрантского мира предопределило интертекстуальную плотность романа, его многоперсонажность и полиэтнический характер. Складывается впечатление, что все пацифисты, бежавшие от разного рода войн и революционных переворотов в своих странах, устремились на маленький клочок «итальянского географического сапожка» и пытаются выстроить дальнейшую траекторию своих судеб. Здесь упоминается огромное количество географических названий (США, Италия, Австрия, Германия, Россия, Египет, Греция, Турция, Украина, Белоруссия, Чехословакия, Советский Союз, Ватикан и др.).

Внимателен автор и к микротопонимам, особенно когда речь идет об исторически значимых событиях для его прародины. К примеру, в самом начале романа он указывает, что «17 января 1943 года немцы были разбиты около Колюшенского на Кавказе» [Натхо, 1992, с. 76]. Воссоздается автором и этнический состав «Ноева ковчега» беженцев, притом с их подразделением на «старых» и «новых» эмигрантов. В русской версии романа они

перечисляются в алфавитном порядке — абхазцы, азербайджанцы, балкарцы, дагестанцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, лезгины, осетины, черкесы, чеченцы — более того, указывается даже их количественный состав — «около двадцати тысяч человек всего» [Натхо, 1992, с. 177].

Судя по тексту романа, каждый беженец одинок, атомарен, лишен родовых, этнических корней. Многие из них не имеют имен, носят условные имена. Все эти социальные беды, как показывает автор, преодолеваются альтруистическими порывами ближних, чуть более крепко стоящих на ногах. Антропонимический дискурс в определенном смысле становится мировоззренческим ключом к пониманию всей философской идеи романа. К примеру, главный герой поначалу имеет множество кличкообразных, «несерьезных» или временно позаимствованных имен, типа Ник, Нук, Нух, Ники, Коля, Роландо и лишь в конце обретает полноценный именной комплекс Николас Дамад Абсалом [Натхо, 1992, с. 128]. При этом важен каждый элемент: кавказское отчество (Дамад), этимологически восходящее к адыгскому «тхъэмэдэ» (старший в роду) призвано подчеркнуть его вписанность в кавказский этнический мир; третье его имя Абсалом (Авессалом) имеет древнееврейское происхождение и означает «отец мира», «источник покоя». Такой посыл, связанный с «миром в мироздании», бесспорно, актуализирует и поэтизирует идею отрицания войны и утверждение векового мира между народами.

К. Натхо — из тех мастеров слова, который простой лексикой имен умеет сказать многое. И чаще всего, что-то связанное с историческим оптимизмом. Самым ярким тому примером является история с фамилиями матери главной героини Марфы. Изначально она носила фамилию «Мертвецова», содержащую явную отрицательную смысловую коннотацию. После того, как девушка выходит замуж за любимого Константина, она обретает новую «говорящую» фамилию — Любенцова, которая удачно подчеркивает ее добросердечное отношение к людям, врожденную эмпатию и обратный импульс добра от окружающих. На Кавказе любят нарекать детей

названиями горных вершин (Казбек, Эльбрус, Машук, Таулан, Таукан и др.). Из этой серии и имя осетинского друга Дамада — Казбека, который с гордостью это имя носит в Западной Европе, внутренне ориентируясь на духовно-этническую высоту, заложенную в его именном, орографическом антропониме.

Третья личность из кавказской тройки беженцев тоже носит символическое имя «Камгаз», что в переводе с адыгейского языка означает «не отступающий», «не возвращающийся», «не поворачивающийся к врагам спиной».

К разряду интересных лингвокультурных феноменов следует отнести имя главной героини романа — «Надюша». Ни разу ни один из персонажей в романе не называет ее версиями «Надя» или «Надежда». Удивительным образом чисто русское уменьшительно-ласкательное окончание «-юша» органично вписалось в новую для девушки английско-итальянско-американско-кавказскую культурную среду, оно всем пришлось по нраву. Такой вариант тоже можно квалифицировать как удачную находку автора, поскольку чуть трансформированный антропоним в данном случае подчеркивает юный возраст героини, отличающейся детской наивностью, излишней доверчивостью к людям, любопытством, беззлобностью. Надюша в романе выступает в роли «авторской любимицы», чья судьба, несмотря на череду смертельных опасностей, каждый раз чудесным образом складывается благополучно.

Писатель очень часто на фоносемантическом уровне «играет» созвучием различных имен и фамилий. Этим он как будто компенсирует дефицит, отсутствие «вертикальных» корней «атомарного человека», выстраивая «горизонтальные» аффилиативные «ветви» между индивидами. Отметим такие любопытные примеры: имена «Николас» и «Надюша» изначально соединены между собой заглавной буквой «Н». В качестве их ангела-хранителя в романе выступает американец Коллинз, чье имя, как мы

полагаем могло произойти от Coll или Colin, английского уменьшительного от греческого имени Николас. К этой тройке любящих друг друга неродственников, ставших родными, естественным образом присоединяется и новорожденный сыночек Надюши — Николас Второй, перенимающий от родителей эстафету братолюбивого отношения к людям.

Лаконичным словом «тактиль» можно обозначить еще одну лингвокультурологическую особенность романа. По-нашему наблюдению, у «атомарных» персонажей романа есть выраженная потребность и предрасположенность к частым физическим прикосновениям к собеседникам. Сплошь и рядом при чтении текста встречаются выражения типа «ухватила его за рукав» [Натхо, 1992, с. 8], «взяла его за талию» [Натхо, 1992, с. 8], «поцеловала в щеку» [Натхо, 1992, с. 8], «прикоснулась пальцем» [Натхо, 1992, с. 9], «ладонями прикрыла голову» [Натхо, 1992, с. 10], «поцеловала его лысую голову» [Натхо, 1992, с. 10], «прикоснулась к его обнаженной спине» [Натхо, 1992, с. 16], «слегка погладила его» [Натхо, 1992, с. 17], «взъерошила его волосы» [Натхо, 1992, с. 17] и т. д. По приведенным нами примерам с указанием страниц видно, что «тактильных глаголов» слишком много и их цитирование из всего содержания книги заняло бы слишком много места в диссертации, поэтому мы ограничились всего лишь первыми двадцатью показательными страницами.

Наши оппоненты могут в качестве возражения сказать, что обилие «тактильных» глаголов предопределяется медицинской тематикой произведения. Однако проведенный нами пристальный и дотошный статистический анализ показывает, что и помимо «медицинско-лечебных прикосновений», встречается большое количество словосочетаний с тактильным смысловым компонентом. Например, «она улыбнулась и пощекотала кончик его носа» [Натхо, 1992, с. 254], «Николас пощекотал ребенка» [Натхо, 1992, с. 271], «шлепнул ее игриво» [Натхо, 1992, с. 274], «мать и мистер Коллинз обняли ее» [Натхо, 1992, с. 283], «прикоснулась к его мягким ручонкам» [Натхо, 1992, с. 283], «обняла его за шею и поцеловала

в щеки» [Натхо, 1992, с. 283], «хочу держать тебя в объятиях» [Натхо, 1992, с. 321], «обнимал ее трепетно» [Натхо, 1992, с. 321], «они обменялись рукопожатием» [Натхо, 1992, с. 105], «он никогда не знал материнского прикосновения» [Натхо, 1992, с. 267].

Подобная вербальная «любвеобильность» могла бы раздражать читателя, если б он не знал, что на самом деле, это авторский художественный прием (сознательный или бессознательный), показывающий сильнейшее инстинктивное желание «отверженных» и «скуниц» не скатиться на социальное дно, а остаться на плаву здоровых межличностных отношений.

Сходную функционально-интегративную роль в исследуемом романе занимает и культурный код одежды, костюма. Литературоведы справедливо отмечают, что «важной составляющей персонажей является их костюм» [Введение в литературоведение, 2004, с. 261]. К сказанному добавим, что в зависимости от целеполагания писателя костюм может приобретать самые разные художественные назначения. По-нашему наблюдению, в анализируемом романе К. Натхо выбор соответствующего костюма помогает интегрироваться в новое для иммигрантов общество, быстрее наладить диалог с целевой аудиторией, компанией.

Известно, что сам К. Натхо очень щепетильно относился к предметам своего гардероба. Эта же черта «перенята» его героями. Вот, что приносит мистер Коллинз своему подопечному, который собирается обратиться за визой в американское консульство — «летний костюм, две рубашки, пижамы, галстук, нижнее белье, носки и туфли» [Натхо, 1992, с. 103].

Когда же Николасу для решения своих «правоохранительных» проблем необходимо внедриться в отряд итальянских «скуниц», он «сбросил свой костюм, оделся в лохмотья и надел очки» [Натхо, 1992, с. 287].

В мире К. Натхо костюм может иметь и отвлекающий маневр. К примеру, в экстремальный момент, когда Надюша должна незаметно выскользнуть из госпиталя и добраться до укромного места, где скрывается

ее возлюбленный Николас, она специально всю эту операцию проворачивает, не снимая своего белого медицинского халата с умыслом, что такая одежда изначально вызывает у окружающих уважение и даже, если потом ее будут искать как преступницу, выяснится, что люди скорее запомнили белизну ее одежды, но не черты ее лица [Натхо, 1992, с. 105].

В современном литературоведении широко используется выражение «вещь как весть» [Пантелеева, Жуковский, 2008], означающее, что любой предмет, упоминаемый в художественном тексте, несет важную информацию. Роль такого важного «информатора» в романе К. Натхо играет «обручальное кольцо», которое волшебным образом полностью перекраивает социально-семейный статус беременной Надюши. Золотое колечко на ее безымянном пальце на всю больницу «кричало», что его обладательница — не «скуница», не «бескорневой человек», она — «законная жена своего законного мужа». Благодаря данному информационному потоку, роженица была с уважением принята в роддоме и благополучно родила мальчика — Николаса Абсаломы Юниора. Колечко еще и оказалось судьбоносно счастливым — в дальнейшем и любимый человек отыскался, и отцовство было «подтверждено», и семья зажила на славу.

В композиционном отношении оригинальность романа заключается в том, что автор технически грамотно использует прием ретардации, то есть осознанное «замедление повествования посредством описания пейзажей, портретов, лирических отступлений, в вставных новеллах, философских размышлений» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 871]. Помимо перечисленных методов, автор чаще всего прибегает к созданию некоего «портала» в историческое прошлое. При этом переключение временного кода осуществляется путем взглядывания в близлежащий объект (или субъект), который неожиданно переносит повествователя или героя в другой временной пласт. Вот один из примеров о том, как происходит подобный «трансфизический» процесс. Николас сидел на скамейке во дворе Надюшиного дома и наблюдал за беззаботно

играющими итальянскими детьми. Они казались мужчине счастливыми и раскрепощенными, живущими вместе со своими родителями. В эту секунду концепт «дети» пробуждает в главном герое историю его собственного детства, пришедшегося на разгар Второй мировой войны, и он полностью через открывшийся «портал» исторической памяти переносится в 1940-е годы. Далее на протяжении нескольких страниц дается ретроспективное описание детских лет жизни самого Николаса, включая военное лихолетье, потерю родителей, раннее сиротство и спасительную встречу с будущим опекуном кавказского происхождения — Дамадом.

Сходным образом через *«поэтику портала»* в ткань романа вводится история первой встречи синьорины Банини с ее приемным сыном. «Она вошла в вестибюль, прошла по коврику из тигровой шкуры и измученная, села в кресло восемнадцатого века, покрытое разноцветным гобеленом. Женщина вздохнула, вытирая глаза. Она тогда была только начинающей медсестрой...» [Натхо, 1992, с. 118]. Таким образом по воле автора происходит плавная кинематографическая смена кадров и начинается описание прошлого (1915 г.) разгара Первой мировой войны. В качестве визуального сигнала перемещения текстовой информации в мир прошлого автор чаще всего избирает пунктуационный знак «троеточие» (как в данном случае), служащий «мостиком» между «сегодня» и «много лет назад».

«На западном фронте без перемен» — это знаменитая цитата и одновременно заголовок романа немецкого классика Э.М. Ремарка, давно стала своего рода художественной эмблемой для всей антивоенной мировой литературы. Философ и тонкий стилист К. Натхо в своих ретардациях сводит воедино картины из Первой и Второй мировых войн, фактически подкрепляя мысль Ремарка о неизбежности военных трагедий на земле. Яркий тому пример — эпизод первой встречи Марфы Любенцовой с раненым Николасом, сбежавшим из госпиталя. Один взгляд на перебинтованную голову юноши и в ту же минуту в памяти русской женщины оживает образ ее мужа Константина, так же в искаленном состоянии вернувшегося домой во

время Первой мировой войны. На таких чередованиях временных пластов (прошлого и настоящего) выстроена вся повествовательная стратегия романа «Отчужденные».

Согласно современным источникам, Неаполь — зеленый и динамичный мегаполис на юге Италии, расположенный у подножия вулкана «Везувий». Город имеет богатую «биографию», включающую в себя древнегреческий период, а также поочередное византийское, французское, испанское и австрийское правления, каждое из которых оставило свой культурно-исторический отпечаток на облике города.

Отмеченный нами разнонаправленный, кросс-культурный характер бурлящего, интенсивно живущего «околовулканического города» естественным образом нашел отражение в романе К. Натхо в форме многочисленных интертекстуальных нитей, протянутых к разным географическим точкам мира, объектам, произведениям искусства, знаковым именам, пословицам, поговоркам. Среди них — госпиталь «Санта Лючия» [Натхо, 1992, с. 6], гостиница «Везувий» [Натхо, 1992, с. 11], «арабский полумесяц» [Натхо, 1992, с. 40], «площадь Гарибальди» [Натхо, 1992, с. 41], «неаполитанские фольклорные куплеты» [Натхо, 1992, с. 42], «американское посольство» [Натхо, 1992, с. 45], упоминаемые автором имена шейха Шамиля, Мансура, Хаджи-Мурата, абрека Заура [Натхо, 1992, с. 52], Краснодарский колхоз «Красный Май» [Натхо, 1992, с. 65, песня «Интернационал» [Натхо, 1992, с. 65], пионерские речитативы [Натхо, 1992, с. 68], «персидский ковер» [Натхо, 1992, с. 117], «Ромео и Джульетта», «Купидон» [Натхо, 1992, с. 118], «русская водка» [Натхо, 1992, с. 166], «лезгинка» [Натхо, 1992, 175], народная песня «Эх, яблочко» [Натхо, 1992, с. 181], «кинжал» [Натхо, 1992, с. 197], пословица «счастье одних строится на несчастье других» [Натхо, 1992, с. 202], «кавказская этика» [Натхо, 1992, с. 207], цитаты из газет [Натхо, 1992, с. 211], русская пословица «С волками жить — по волчьи выть» [Натхо, 1992, с. 216], Scugnizzi (скуньицци) [Натхо, 1992, с. 264], Альберт Хичкок [Натхо, 1992, с. 243], Колизей [Натхо, 1992,

с. 235], Храм Венеры [Натхо, 1992, с. 264], киевские котлеты [Натхо, 1992, с. 315] и др. Все перечисленные нами интертекстуальные единицы призваны подчеркнуть вековечность культурного диалога между народами на самых разных уровнях.

В этом же логическом ряду следует отметить так называемую «каталогическую поэтику» К. Натхо. Суть ее заключается в склонности автора, описывая жизнь Неаполя, выстраивать длинные перечислительные ряды: «На их витринах были выставлены напоказ туфли, белье, овощи, пояса, шляпы, кожаные изделия, посуда, подержанные вещи, сапоги, яйца, живые цыплята, сыр, различные напитки, стекло, серебряные изделия, нитки, иголки, а перед каждым магазином или рестораном стоял человек, выкрикивая и перечисляя товары, которые у них есть для продажи. В узких проходах толпились туристы. Моряки общались с крестьянами, продавцами и покупателями, местными работниками, горожанами, женщинами с огромными корзинами на плечах, жуликами, ворами, профессиональными мошенниками и разукрашенными проститутками. Все, казалось, искали какую-то нужную им вещь» [Натхо, 1992, с. 130].

Ниже приведем пример «иронической каталогизации» человека. «Однажды английский офицер подъехал к ним на том же джипе и попросил переписать всех эмигрантов, точно указав фамилию, имя, отчество, место и год рождения, веру, цвет лица, волос, глаз, вес, образование, квалификацию, когда покинул место рождения, служил ли немцам, способности и т. д.» [Натхо, 1992, с. 178]. Ирония или даже эстетика «черного юмора» здесь заключается в гиперболизированном, показном внимании надзирателей к антропологическим параметрам людей, которых, на самом деле, холодно и расчетливо, они готовы отправить на физическую расправу к палачам.

Взвихренное состояние города Неаполя автор показывает путем использования целого каскада динамичных глаголов, типа: «спешили», «прогуливались», «рассматривали», «щупали», «нюхали», «мерили», «торговались», «спорили», «жестикулировали», «танцевали», «пели»,

«проносились» и т. д. [Натхо, 1992, с. 130–131]. Постоянное внимание автора к цветовым обозначениям предметов, использование колоративов (белый, черный, синий, зеленый, фиолетовый, вишневый, аквамарин и т. д.) призвано показать этническое, культурное многообразие мира. Примечательно, что, даже описывая цветочные клумбы в одном из курортных городов, он считает целесообразным отметить разнообразие их форм. Среди них были «двухсердцевидные», а также имеющие форму «звезды», «полумесяца», «треугольника» [Натхо, 1992, с. 40].

Автора можно назвать также и мастером амебейных композиций, учитывая выстраиваемые им параллели между природными явлениями и событиями в жизни героев. Так, драматическая совместная ночь Надюши и доктора Руно сопровождается непрерывными раскатами грома, «дождем, барабанившим в окно», «внезапной молнией, осветившей комнату» [Натхо, 1992, с. 245]. Живописными, колоритными выглядят и онейрические мотивы, которые К. Натхо использует для лучшей обрисовки психологического состояния своего героя. Вот характерный отрывок: «Синьорине Банини снился в эту ночь тяжелый сон. Пытаясь убить паука, который хотел укусить ее, она запуталась в паутине. Когда она силилась освободиться от паутины, какой-то незнакомец вонзил в нее нож» [Натхо, 1992, с. 136]. Иносказательным языком природных, зооморфных образов автор передает то, что случится с женщиной на следующий день после роковой встречи с бандитом.

Прозаик часто пользуется и средствами цветовой символики, правда, в некоторых случаях слишком прямолинейно. К примеру, освещая характер черных, преступных деяний синьорины Банини, он даже на визуальном уровне чрезмерно ее очерняет, вкладывая в ее руки «черный чемоданчик и сумочку, из которой торчал кончик черного шарфа» [Натхо, 1992, с. 122]. Контекстуально к этой тотальной черноте добавляется ее промысел, связанный с черным рынком, а также «черный шарф», который она

использует для того, чтобы в толпе скрыть свое лицо и творить «черные дела».

По нашему наблюдению, чаще всего, в эмигрантской, белоэмигрантской литературе «красный цвет» фигурирует с отрицательной символикой, поскольку ассоциируется с понятиями «красный террор», «кровавые руки красных комиссаров» и т. д. Именно с этой смысловой нагрузкой в романе «Отчужденные» нами обнаружены два иллюстративных примера. В первом случае как «зловещий недобрый знак в предсмертном великолепии уходящего дня» автор изображает «огромный, красный диск заходящего солнца, от которого пылал весь закат, но каким-то уже бесстрастным и безжизненным огнем» [Натхо, 1992, с. 146]. Данным метафорическим комплексом автор выражает крах жизненных идеалов Фиориты Банини.

Второй случай десакрализации «красного цвета» связан с эпизодом, где мистер Коллинз и Марфа Любенцова посещают один из фешенебельных ресторанов г. Неаполя. По замыслу автора, цветовую стилистику заведения определяет доминанта красного цвета. «Официанты в красных жакетах стояли, готовые обслужить. Главный повел их к столу. Тем временем госпожа Любенцова обозревала великолепие дворца. Стены, чехлы на стульях и скатерть на столе были красного цвета. Ноги ступали по мягкому ковру. В дальнем углу кто-то играл на скрипке». Далее состоялся весьма концептуальный диалог между посетителями. Восхищенная Марфа, обращаясь к любимому мужчине, сказала: «Пит! Здесь так романтично!», на что американец парировал: «Красный цвет кажется романтичным только русским!». Не согласная с ним русская женщина, тут же улавливает политический подтекст высказывания своего спутника, но вслух с ним не спорит, а лишь мягко, неназойливо, дипломатично подчеркивает альтернативную символику красного цвета, отмечая, что «красный цвет — это цвет жизни» [Натхо, 1992, с. 110].

Языковые особенности. Адыгейский литературовед К. Шаззо в своем послесловии роман «Отчужденные» называет «умной и изящной прозой» [Натхо, 1992, с. 323]. Текст, действительно, изящен, если принять во внимание проработанность изобразительно-выразительных средств. При этом автор во всем придерживается принципа «золотой середины» — нигде и ни в чем нет переборов. Все в меру — психологизм, экспрессивные приемы, философские суждения, мягкий юмор, трагические нотки, исторический оптимизм.

В языковой картине мира исследуемого романа нашли отражение лексические единицы из разных этнических миров, представители которых в послевоенное тревожное время вынужденно оказались на маленьком географическом «пяточке» у подножия Альпийских гор. Оттого в «мерцательной» поэтике романа встречаются реалии американской культуры (мистер, миссис, имена), итальянской (синьор, синьорина, скуницы), русизмы (тьфу, водка, большая шишка, как кошка с мышкой) в большом количестве кавказские экзотизмы (кинжал, джигит, абрек, шапка цилиндрической формы (папах), имам Шамиль, черкес, черкеска, Кавказ, птичий язык гор) и др.

Уникальный образец контактного билингвизма и языковой кросскультуры обнаружен нами в одном из эпизодов романа. Лингвистический курьез заключается в том, что кавказский аксакал, представляя себя беспризорному мальчику (предположительно польско-итальянского происхождения) говорит: «Меня зовут Дамад». Мальчик тут же повторяет услышанное имя, но автоматически, по инерции произносит его на итальянский манер «тамат», ассоциируя с «помидором», овощной культурой, близкой миру итальянцев. Черкесу пришлось подкорректировать произношение юного космополита.

Авторские описания предметов материального мира и одушевленных существ можно назвать фактурными и сенсорными. Беженцы, оказавшиеся в чужом краю, с одной стороны, на всех ближних смотрят как на «братьев по несчастью». По духу они интернационалисты. Тем не менее, некая

иррациональная сила позволяет им безошибочно идентифицировать «своих» в толпе. Так один из героев романа пристально смотрит на Марфу, на ее светлые волосы, голубые глаза, идентифицирует для себя ее «русское происхождение», но позже концентрирует взгляд на «высоте ее скул» и приходит к выводу, что она «русская, но с примесью татарской крови» [Натхо, 1992, с. 32].

При помощи ольфакторных образов К. Натхо дает возможность читателю ощутить композицию ароматов итальянских улиц. Приведем один из характерных фрагментов: «Запах людского пота, жареной рыбы из ресторанов, пирожков с сыром, которые жарились на плитках передвижных тележек, отбросов требухи и внутренностей, выброшенных на улицу, душили всех и всюду» [Натхо, 1992, с. 131].

Другой пример. Автор не может просто написать «Поезд направлялся к месту назначения». Закладывая в движение поезда философскую идею диалектического единства противоположностей, автор пишет: «Добро — зло. Добро — зло. Добро — зло. Добро. Добро. Добро» — мчались колеса» [Натхо, 1992, с. 294]. Трижды он «играется» с этой формулой и в конце концов выводит курс поезда на траекторию «добра», используя это слово уже без его антонима. При этом данная терминологическая игра — не самоцель прозаика. Она опосредованно отражает сложное психологическое состояние главного героя, который едет на поезде для того, чтобы проверить очень опасное судьбоносное дело и сам сначала до конца не осознает, это дело благое или нет. Как видим из приведенного отрывка, положительный ответ он получает от «высших сил», дающих добро на затеянный план посредством «стука колес», своеобразной «вагонно-рельсовой» лексикой.

На основании исследованного материала можно сделать следующие выводы.

1. Любые войны и революционные потрясения порождают такие социально-политические явления, как «эмиграция», «иммиграция», «эскейпизм». Адыгейско-американский писатель К. Натхо в своем романе

«Отчужденные» воссоздает западноевропейскую эмигрантскую жизнь середины XX века с преимущественным вниманием к северокавказским переселенцам трех поколений.

2. Трагедия оторванных этнических, родовых корней преодолевается поэтизацией гуманистической идеи о братолюбивом единстве всех детей «Адама и Евы». В жизненной практике данная идея реализуется в форме усыновлений, удочерений, безвозмездных поддержек, всевозможных дружеских и любовных историй. Все делается для того, чтобы индекс отчуждения был сведен к нулю.

3. Люди Кавказа в романе представлены как хранители и трансляторы традиционных ценностей, принципов черкесского этикета. Дамад, Казбек и Камгаз, обучившие малолетнего сироту Николааса боевым приемам самообороны, основам нравственного кодекса, правилам общежития, фактически заложили фундаментальные предпосылки его личного и семейного счастья.

4. Поэтологическая характеристика романа «Отчужденные» определяется постановкой актуальной темы, поликонфликтностью (социально-политический конфликт, психологические коллизии), широким использованием предметной, цветовой символики, приемов ретардации и реминисценции, «глагольного динамизма», а также «каталогических» перечислений, подчеркивающих поликультурный характер мира.

ГЛАВА 2. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН К. НАТХО «В ПОИСКАХ СЕБЯ»: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ САМОЗАЩИТЫ

2.1. Адыгейский Космо-Психо-Логос

Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий» к жанру автобиографии принято относить тексты, «разные по жанровой форме, определяемые авторами как воспоминания, или мемуары, записки о своей жизни, исповеди, дневники, записные книжки, разговоры, анекдоты» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 15]. Как видим, номинативный диапазон весьма велик, единых канонов не существует. Как отмечают теоретики, «поскольку жанровые границы в современном литературном процессе открыты и находятся в постоянном движении, к тому же художественные желания идут стремительным образом, то модификация автобиографической словесности будет еще более многообразной» [Ван Цзяо, 2019, с. 53].

К сказанному мы можем добавить, что автобиографические произведения носят индивидуализированный характер: тут слишком многое зависит от личности автора, его жизненной истории, судьбы, философско-эстетических взглядов, ценностной картины мира, профессиональной деятельности, ключевых интересов, образно выражаясь, от того, «чем он болеет больше всего». В этом плане примечательно, что культуролог В.П. Руднев со ссылкой на Ю.М. Лотмана критически отзываясь о знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» советской эпохи: «Это было воплощение ходульности, все были похожи друг на друга» [Руднев, 1997, с. 41].

Важное место в литературном наследии К.И. Натхо занимает его автобиографический роман «В поисках себя», изданный в переводе на русский язык в г. Майкопе в 2018 г. Об истории создания этой книги мы можем судить по воспоминаниям друга писателя Гази Кушукевича Чемсо (р.

1950), который рассказал следующее: «Официально “первой ласточкой” в ряду изданий Кадырбека является роман “Николас и Надюша” (в переводе “Отчужденные”). Этот роман он писал под присмотром своего американского учителя по литературной технике, и в целом был немного скован канонами жанра. При работе над “Николасом и Надюшей” автор ловил себя на том, что хотел бы побольше писать о родной кавказской этнокультуре, но сдерживал себя, поскольку заданная куратором архитектура была бы нарушена. Еще тогда Натхо дал себе слово написать “вольный” роман автобиографического типа без жестких жанрово-композиционных ограничителей» [Архив Тхакаховой К.С.].

Таким образом, из-под пера К. Натхо вышел автобиографический роман «В поисках себя» (2018). Литературоведы отмечают, что для «автобиографического жизнеописания характерно стремление осмыслить прожитую жизнь как целое, придать эмпирическому существованию оформленность и связность. Автобиография — это всегда акт преодоления уходящего времени, попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить наиболее значительные и памятные отрезки жизни — как бы прожить жизнь сначала; автобиографии поэтому пишутся, как правило, в зрелые годы, когда большая часть жизненного пути уже позади» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 12].

К типологически сходному жанру относят мемуары (от франц. *memories* — воспоминания). Это «разновидность документальной литературы, повествование участника общественно-политической, социальной жизни о событиях, свидетелем или действующим лицом которых он был, а также о людях, с которыми он общался» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 524].

Судя по исследованному нами материалу, ни один специалист не берется судить об абсолютных границах между такими жанровыми образованиями как «автобиография» и «мемуары», можно говорить только о доминанте той или иной разновидности.

Что же касается автобиографического романа К. Натхо, то он синтетичен по своей художественной природе. На его страницах можно найти элементы исповедальной прозы, дневниковых записей, пейзажных зарисовок, этнографических этюдов, фольклорных текстов, авторских суждений, анекдотических историй. Кстати, о синтетическом характере книги говорит и тот факт, что первое название «В поисках себя» автор дополняет в скобках еще и мемуарной дефиницией — «Воспоминания». Сильную позицию в романе занимает документалистика, основанная на точных, выверенных исторических фактах, датах, именах реальных людей. Композиционное построение книги «В поисках себя» определяет принцип однонаправленности времени: от детства до презентации его последней книги в феврале 2010 г. в г. Патерсоне (штат Нью-Джерси).

«Кадырбек — мое полное имя, по жизни Кадыр, родился 25 мая 1927 г. в ауле Суворово-Черкесский или Хатрамтук, как называли и ныне называют место расположения этого населенного пункта адыги» [Натхо, 2018, с. 10]. Как видим, самое первое предложение романа уже написано в лучших традициях автобиографической прозы. Роман состоит из 18 глав, формулировки глав носят максимально информативный характер, даже простое их перечисление способно дать представление о географических передвижениях К. Натхо по разным частям света, проблемных точках, успешных предприятиях. Перечислим названия глав: «Детство», «Оккупация», «Возвращение Красной Армии», «Вторая оккупация», «Побег», «В Италии», «Испытания после Второй мировой войны», «Официальный статус — изгнанник», «В корпусе военнопленных», «Обратно в ДР-гражданский лагерь», «В Хашимитском королевстве Иордания», «В Соединенных Штатах Америки», «Наш первый визит в Турцию», «Моя деятельность в Соединенных Штатах», «Поездка в Иорданию с Суад», «Деятельность по решению Черкесской проблемы», «Визит на Родину», «Общественная деятельность в Соединенных Штатах».

Дотошный и крайне дисциплинированный К. Натхо в каждой главе делает еще и более мелкую рубрикацию от двух до 50 тематических подразделов, позволяющих читателю заглянуть и в «микроуголки» описываемой действительности. По объему книга занимает 388 страниц. Согласно принципу визуальной доказательности, принятому в академических исследованиях, исследуемый роман снабжен в общей сложности 168 фотографиями, дающими зримое, наглядное представление об авторе, его родословной, односельчанах, друзьях, приятелях, коллегах по работе, членах семьи, а также обложках его книг, наградных документах, форумах и конференциях.

Среди этих фотоснимков встречаются исторически ценные, раритетные образцы, как, например: «Идентификационная карта перемещенных лиц», созданная в свое время для автора под вымышленным именем «Хасан Кадыр» Союзными экспедиционными силами в Австрии в 1945 году [Натхо, 2018, с. 116]. Все такого рода документальные свидетельства К. Натхо, как аккуратный архивист, хранил и в нужный час снабдил ими свою автобиографическую книгу.

Ценность подобных фотодокументов заключается в том, что они восполняют информационный дефицит о «непарадных», завуалированных страницах Второй мировой войны, об историко-политическом климате тех времен, о мерах человеческого или античеловеческого отношения к беженцам самых разных народов Евразии, которые от жестокости «и белых, и красных», «и советских, и немецких» бежали, куда глаза глядят.

Важно, что Кадыр Натхо все привлеченные документы сопровождает автокомментариями, типа «Это копия сертификата о присвоении идентификации, который был дан мне, когда мы были освобождены из заключения в корпусе военнопленных в г. Пиза, Италия» [Натхо, 2018, с. 137]. Также в корпус книги вошли тексты официальных писем с переводами на русский язык. С каждым годом, десятилетием историческая

ценность названных фотодокументов будет только повышаться, переходить в разряд «ретро».

Человек так устроен, что пока он живет в своей исконно родной этносреде, его не особо волнуют проблемы сохранения родного языка, традиций, обрядов, обычаев. Сознание инсайдера «усыплено» тем, что окружающие говорят на национальном языке, книги издаются, радиовещание и телевидение в его жизни присутствуют, традиционные ценности благополучно стариками транслируются представителям молодого поколения. Совсем иное дело, когда условный «этночеловек» попадает в инокультурную среду. Бесспорно, в этом случае первоначально он вынужден решить для себя (и для своей семьи) проблему адаптации к новой среде обитания — выучить новый язык, найти работу, наладить социальные контакты, познать окружающую действительность, достичь базовой социально-экономической устойчивости.

Бесспорно, каждая эмигрантская судьба индивидуальна, но в целом все сценарии можно подразделить на три поведенческие модели. Первый случай: эмигрант, порвавший со своей «старой родиной» (особенно если эта «родина» обидела его), добровольно вживается в роль космополита, осознанно создает интернациональную семью, считает себя «гражданином мира», «землянином». Проблемы родного языка и родной культуры его совершенно не волнуют. То, что дети не стали носителями его коренного языка и на них обрывается этнокультурная цепочка — все это космополит посчитает «мелкой темой», не стоящей его внимания.

Второй случай. По целому ряду жизненных обстоятельств некий этнический гражданин попал в заграничный край. Если он приверженец философии «золотой середины», то приложит все усилия для того, чтобы по мере возможностей быть одновременно этноцентристом и интернационалистом. Эту категорию можно отнести к людям фаталистического толка, которые примут жизнь такой, какая она есть в новой стране.

Сразу отметим, что Кадыр Натхо всей своей сущностью олицетворяет третий тип эмигранта: во главу угла он поставил идею сохранения и развития родной ему кавказской (адыгской /черкесской) культуры на американской земле. Здесь многое объясняется факторами его отчуждения от исторической родины, он ее покинул не добровольно, а под большой угрозой физической смерти, из-за политической неразберихи в разгар войны, в стрессовом состоянии из-за матери, которая от артиллерийского снаряда погибла на его глазах в собственном доме. В юношеском сознании навсегда утвердилась четкая демаркационная линия — довоенная, счастливая жизнь в родной Адыгее (Кавказ) и жизнь скитальца, эмигранта после «роковых, сороковых лет».

В случае с Кадыром Натхо сработали два антропоцентрических закона. Во-первых, его сознание работало в следующем направлении: «Если я не могу физически вернуться в свой родной черкесский мир, то следует в “виртуальном” порядке перенести его из Евразии в пространство американского континента». Вторая целеустановка юноши определялась доктриной «self-made-man», поскольку он не мог в этом вопросе надеяться на какие-то посторонние силы, то он отважился самолично решать комплексные проблемы, связанные с созданием кавказско-черкесского микромира в обширном поликультурном пространстве Соединенных штатов Америки. Обобщая сказанное, можно отметить, что К. Натхо (как и его герои) реализовал принцип «self-made-man» как в практическом, так и духовном смыслах. В этом проявился пример межкультурного взаимодействия, подчеркивающего универсальность нравственных ценностей.

«Дыадыгэу дыпсоунщ!» [Натхо, 2018, с. 253] («Будем жить как адыги!») — эти слова становятся определяющими, эмблематическими, путеводными для Натхо-эмигранта, его единомышленников и соплеменников, которые интуитивно стараются сохранить свое этническое зернышко в «салатной миске США», объединившей «ингредиенты»

культуры сотен народов планеты. Все эти идеи «красной строкой» проходят через содержание его многостраничного автобиографического романа.

Сосредоточенность Кадыра Исхаковича на вопросах кавказского этического кодекса проявляется буквально с первых страниц издания, а именно в тексте «Предисловия к роману», где автор пишет следующее, обращаясь к читателю: «Прошу извинить меня, черкеса, но все же в какой-то степени и американца, за нарушение адыгского этикета — хочу публично выразить благодарность моей любимой жене Суад, находившейся всегда рядом и поддерживавшей меня все эти годы. Я бы не смог написать ни одну из книг без ее любви и поддержки. Ей и посвящаю эту книгу» [Натхо, 2018, с. 9]. Типичный представитель западноевропейской культуры никогда не поймет, в чем «состав преступления» писателя, публично признающего в любви к супруге и добровольном посвящении ей своей рукописи.

Между тем, в рамках общекавказской культуры всякое проявление любовных чувств в традиционном обществе считается предосудительным, запрещенным. Это считается неуважением к старшим. Об этом строгом табу пишет и К.К. Султанов: «Лишенная всякой демонстративности любовь к супругу или ребенку — одна из черт горского характера, очень сдержанного в формулировании чувств. Горец чуток и горяч, но избегает внешнего проявления страсти» [Султанов, 1986, с. 569]. В этом весь Кадыр Натхо, который даже после сорокалетнего пребывания вне Кавказа, за океаном продолжает чтить обычаи своего народа.

Ниже мы покажем череду разных других обычаев, которые неукоснительно соблюдаются адыгами традиционного общества. Описывая свое дошкольное и довоенное детство, автор отмечает тот огромный знак уважения, который домочадцы проявляют к отцу семейства, к кормильцу: «Отец с нами не ел. По адыгскому этикету, глава семьи не садился за стол с детьми, ел отдельно или с матерью. А если кто-нибудь из соседей или друзей оказывались в этот момент у нас, то — с ним» (Натхо, 2018, с. 15).

Стоицизм, аскетизм, презрение к физическим недугам также отмечаются автором как характерные черты «настоящего черкеса». Ярким тому примером служит ситуация, когда старший Натхо серьезно заболел, стонал во сне, но даже своей жене Гошмафе не признавался о своей болезни. Весьма красноречиво в этом контексте звучат красноречивые слова жены: «Слабой стороной характера всех адыгских мужчин является то, что они слишком горды, чтобы жаловаться!» [Натхо, 2018, с. 16]. Как факт феноменальной терпеливости, выносливости и самообладания, приводится и случай, когда Исхака Натхо по его настоянию прооперировали без наркоза [Натхо, 2018, с. 16].

К разряду кавказских «абсолютов» можно отнести и ту экстраординарную ситуацию, когда «в один из январских дней 1943 г. вражеские артиллерийские снаряды засвистели над аулом, раздались взрывы, шальные пули пробивали стены и двери. Испуганные дети и женщины ложились на пол под кроватью. Отец же продолжал сидеть на кровати, опираясь на трость, и сказал, что он скорее умрет, чем будет ползать, чтобы спасти свою жизнь» [Натхо, 2018, с. 71].

Испокон веков в традиционном кавказском обществе соблюдается строгая и четкая дифференциация трудовой деятельности по гендерному признаку. Практически вся внедомашняя, трудоемкая работа (сенокос, сад, огород, охота, уход за крупным рогатым скотом) выполнялась мужчинами, все же связанное с кухней и домашней уборкой, считалось чисто женским делом. Некоторые такого рода стереотипные представления Кадыра Натхо, судя по его автобиографическим заметкам, в европейских странах ломались. Вот как сам автор об этом пишет: «В юности, когда мой разум был чисто черкесским и свободным от иностранного влияния, я думал, что работа на кухне или мытье посуды являются исключительно женским делом и ниже достоинства мужчины» [Натхо, 2018, с. 153]. Автор признается, что даже в экстремально сложные для него дни ему сложно было принять новые, нехарактерные для Кавказа устои.

Но в этносознании К. Натхо отпечатаны некоторые категорические императивы, против которых ни один истинный, здравомыслящий черкес не пойдет. К ним относится культ гостя. На эту тему он приводит красноречивый пример, который был связан с его пребыванием в Хашимитском Королевстве Иордании (1947 г.). На пороге временного дома К. Натхо однажды появились двое представителей спецслужб, которые стали его уговаривать периодически делиться с ними информацией о своих друзьях и гостях «за большую зарплату». Пришельцам было непонятно, почему он отказывается от «такой выгодной сделки». Ответ К. Натхо был такой: «Причина очень простая. Я — адыг традиционного воспитания, которое приучило меня, между прочим, защищать гостей в моем доме, а не предавать их. Поэтому, хотя я и готов отстаивать это замечательное Хашимитское королевство с оружием в руках, не могу, разделив хлеб-соль с друзьями, докладывать потом о том, что они сказали о вас или о ком-то еще. Ни за какие деньги в мире!» [Натхо, 2018, с. 163]. И это далеко не натяжка, культ гостя, действительно, до сих пор занимает важное место среди постоянств кавказской этики. Много интересных сведений о гостеприимстве можно почерпнуть из трудов зарубежных и отечественных кавказоведов. В частности, французский этнограф XIX в. Ф. Дюбуа отмечает «утрированное уважение кавказцев к гостю» [Дюбуа, 1974, с. 447]. П.С. Паллас пишет: «Гостеприимство свято соблюдается как черкесской знатью, так и большинством других народностей Кавказа. Гостеприимство (куначество), основанное на определенных принципах, ставит всякого, кто прибегает к нему в полную защиту от всякого рода насилий. Хозяин защищает гостя при всяких обстоятельствах своей жизнью и жизнью близких» [Паллас, 1974, с. 221].

По самой «одиссее» К. Натхо, преодолевшего огромный путь из своего маленького кавказского аула Хатрамтук до США можно судить о том, с какой готовностью его пускали к себе в дом с ночевкой многочисленные люди (и не только кавказцы), нередко еще и снабжая деньгами и дорожной

провизией. Когда он уже обосновался в Нью-Йорке, он сам постоянно принимает у себя гостей.

В одной из ностальгических глав анализируемой книги с примечательным названием «Уроки старейшин» автор подробно рассказывает о том, как в традиционном адыгском обществе следовало принимать гостей. Рассадкой людей обычно занимается сам хозяин дома, который на самое почетное место (подальше от дверей, поближе к очагу) сажает тамаду-распорядителя. Категория «возраст» имеет большое значение, вследствие чего старшим гостям отводились места по правую сторону от тамады. Юношей из числа гостей дозволялось сажать по левую сторону от тамады. Местные же молодые люди, «пришедшие послушать старейшин, стояли у двери в течение всего вечера, готовые выполнить любые поручения и просьбы, с которыми могли обратиться к ним. Так было предусмотрено нормами адыгского этикета» [Натхо, 2018, с.28]. В свойственной ему манере автор пристальное внимание обращает и на одежду гостей, особо выделяя их головные уборы. Речь идет о 1930-х годах колхозного строительства, поэтому автор подчеркивает, что, на самом деле, все гости были «в залатанной, поношенной одежде, но при этом держались с большим достоинством, а каракулевы папахи делали их представительнее и выше ростом» [Натхо, 2018, с. 28]. «Священная персона» [Натхо, 2018, с. 28] — вот то определение, которое автор применяет по отношению к гостю.

Еще одно излюбленное определение автора — «наши университеты» [Натхо, 2018, с. 29]. Дело в том, что на такого рода вечерах молодежь присматривалась к поведению старших, училась отличать должное от недолжного, по-настоящему узнавала свое устное народное творчество, поскольку здесь звучали оригинальные застольные тосты с благопожеланиями, песенные сказания из эпического памятника «Нарты», загадки, пословицы, поговорки, шутки. Настоящей школой коммуникативной культуры К. Натхо считал и народные танцы, которые учили молодежь

красивым манерам поведения, уважительному отношению к своему партнеру или партнерше.

Думается, адыгейскому писателю, десятки лет прожившему в США, где царят несколько другие аксиологемы, связанные с самой идеей самодостаточности человека, индивидуализмом, было приятно вспомнить и запечатлеть в автобиографическом романе особенности кавказского соборного бытия. Он пишет: «Одним из ярких моментов, запомнившимся мне, стал адыгский традиционный шихаф — общественная добровольная помощь, оказываемая человеку или семье по выполнению объемной работы, требующей коллективного труда. Такой тип общественной помощи оказывали в нашем ауле, как и во всех адыгских аулах, каждому, кто действительно нуждался в ней. И мы не стали исключением, когда мой отец завершил строительство деревянной части нашего дома и подготовил стены для обмазывания глиной» [Натхо, 2018, с. 26].

Конкретно, с упоминанием всех действующих лиц автор описывает многоэтапный процесс постройки дома. В объявленный день ранним утром десятки мужчин и женщин спешили к дому Натхо, каждый со своим инструментом. В ход пошли рубанки, топоры, пилы. Одни из соседей везли воду из ручья в бочках, другие месили глину ногами, третьи смешивали глину с соломой, четвертые таскали замес к дому, пятые обмазывали глиняной массой стены и потолки, шестые сооружали полы и двери, оконные проемы. Весь этот слаженный рабочий процесс сопровождался песнями, шутками-прибаутками, оттого люди даже не чувствовали усталости. Естественно, весь этот период отдельная группа женщин занималась приготовлением угощения для сельских «волонтеров»: в котлах варилось мясо, пеклись пироги с разными начинками, готовился чай из целебных трав. Завершая историю о традиции соборной помощи нуждающимся, К. Натхо приводит из известной на Северном Кавказе песни «У адыгов обычай такой». Текст написан поэтом Карамизэ Жанэ (1919-1983), музыка — народной артисткой РСФСР, композитором Гошнау Самоговой (1928–1995):

Если строишь ты заново дом,
Весь аул помогает трудом.
Ты один не поднимешь бревно,
А для всех — как пушинка оно.
Встанет радостный дом над рекой —
У адыгов обычай такой!

[Натхо, 2018, с. 27]

Из автобиографического романа К. Натхо можно почерпнуть знания не только этнографического, но и этногендерного характера. К примеру, автор показывает, что в патриархальном обществе были особенные места, где женщины могли собираться, делиться жизненно-практическим опытом, узнавать сельские новости, «отводить душу» разговорами с приятными коммуникантами. В первую очередь, это, конечно, всевозможные торжественные мероприятия, связанные со свадебными церемониями, рождением ребенка, похоронными обрядами. Но кроме этих вневременных и универсальных собраний, в начале XX века появились новые поводы для интерактивного общения домашних хозяек. Один из них описывается К. Натхо следующим образом: «Отец сделал ручную каменную мельницу и установил ее в сарае. Женщины со всей округи приходили к нам каждый вечер после работы с кукурузой и пшеницей, чтобы перемолоть зерно в муку, которую использовали для приготовления не только мамалыги, хлеба, но и некоторых национальных блюд» [Натхо, 2018, с. 31].

От себя добавим, что другим новым средством производства в 30-е годы XX века стал сепаратор, который также, будучи установленным в доме одной сельчанки на всю округу, «притягивал» к себе хозяек, которые хотели пропустить молоко через «чудо-аппарат» и получить отдельно сметану и обезжиренное молоко.

Конь. Отечественный культуролог и литературовед М.Н. Эпштейн в статье «Мир животных и самопознание человека» пишет: «Художественное освоение мира животных — одна из тех пограничных проблем, где пересекаются интересы этики и эстетики, экологии и культурологии. Именно животные представляют ближайший, родственник человеку мир природы, который в наибольшей степени нуждается в экологической защите» [Эпштейн, 1986, с. 127]. На наш взгляд, в целом анималистические мотивы в мировой и отечественной литературе достаточно хорошо изучены, но при этом еще нет «гачевского взгляда» на мир животных, то есть не проведены этномаркированные типологии зооморфных образов в национальных культурах и литературах.

Мы в одной из своих научных статей, посвященных образу коня в поэзии кабардинского поэта Алима Кешокова (1916–2001), постарались показать, что именно это животное занимает «приоритетное место в практической жизни и духовной культуре адыгского народа» [Тхакахова, 2023, с. 261]. Предсказуемым образом «лошадиные истории», иппологические мотивы нашли место и в мемуарах К. Натхо. Приведем несколько примеров.

«В конюшнях содержались лошади» [Натхо, 2018, с. 10] — это предложение встречается на самой первой странице романа, как ярчайшая картинка раннего детства писателя и одновременно как символ счастливого, полноценного бытия. «Любовь к лошадям» [Натхо, 2018, с. 35] — так называется целый раздел первой главы. В ней автор повествует о том, что при создании коллективных хозяйств большинство лошадей были отобраны у индивидуальных собственников. Прежние владельцы, в том числе, и Кадырбек Натхо, имели привычку после школьных занятий «отправляться в конюшню колхоза, брать лошадей, купать их в глубокой части реки» [Натхо, 2018, с. 35].

В другом разделе той же главы целый одический текст посвящен любимому коню главного героя по кличке «Пацан». Сердобольный

школьник обратил внимание, что в колхозной конюшне практически неподвижно два дня подряд лежит в углу «больной и немощный конь, заезженный почти до смерти» [Натхо, 2018, с. 46]. Далее описываются действия мальчика: «Я вымыл зараженную спину коня теплой водой с мылом и накрыл мешком, чтобы защитить от мух. Я начал за ним ухаживать: кормить и чистить у нас во дворе, где и оставил его. Через месяц Пацана было не узнать: он полностью восстановился, стал чистым, и шкура его заблестела!» [Натхо, 2018, с. 46].

Приведем и некоторые другие факты из натхоевского романа, свидетельствующие о культе коня в черкесской культуре. По кавказским обычаям невестка не должна произносить имена своих новых родственников, вместо этого она, как правило, сама нарекает их какими-нибудь ласковыми прозвищами. Примечательно, что Лета (жена брата Кадыра) своего деверя стала называть с первых дней знакомства «Дышьэшью», что в переводе с адыгейского означает «Золотой всадник» [Натхо, 2018, с. 32].

«Коновязь» — один из ярко выраженных культурных кодов адыгейского народа, в целом, всех народов Северного Кавказа. В материально-физическом выражении «коновязь» — это особого вида столбик, врытый в почву рядом с воротами частного дома. Любой гость или путник имел право привязать своего коня к этому столбу и зайти в помещение, будучи уверенным, что хозяева не только его примут подобающим образом, но и его коня накормят. С появлением других транспортных средств (автомобиль, мотоцикл, велосипед) кони и коновязи ушли на задний план. В романе же К. Натхо воспроизводится важный в культурологическом плане эпизод, показывающий этническую инерцию народа, пытающегося сохранить хотя бы символические знаки уходящих духовно-нравственных ценностей. В XX веке практическая значимость коновязи равна нулю, но Исхак Натхо (отец писателя) настоятельно ее устанавливает перед своим новым домом в новом современном поселке со словами: «Сын мой, это не просто коновязь. Она теперь имеет гораздо более

глубокий смысл для любого адыга. Это знак гостеприимства. Любой, кто видит ее, проходя мимо, будет знать, что он — желанный гость в этом доме в любое время» [Натхо, 2018, с. 28].

Далее приведем эпизод, красноречиво свидетельствующий о высшей точке сакрализации коня в адыгской концептосфере, как в реальном, жизненном измерении, так и в духовном. В разделе, который называется «1933 год», автор описывает трагические события, связанные с тотальным голодом, охватившим почти всю территорию Советского Союза. Историографическая ценность романа Натхо заключается в том, что он показывает адыгейское «преломление» этой трагедии, адыгейские формы и методы выживания людей в экстремальных условиях. Он описывает леденящие душу истории, когда колхозник «получал несколько сот граммов зерна за один трудодень», а за малейшее воровство его могли объявить «врагом народа», «капиталистическим агентом и сослать в Сибирь». От голода умирали люди. Беда пришла и в семью Натхо — от истощения и развившейся от этого малярии ушел из жизни в 1933 г. и Салех — младший брат писателя. Остальные члены семьи продержались четыре месяца благодаря тому, что глава семейства продал фамильные драгоценности — серебряный кинжал и нагрудные украшения, и на вырученные деньги купил «мешок кукурузного зерна». Но и этого надолго не хватило. Люди питались подножным кормом, «мокрыми кусками макухи из комбикормов в яслях колхозной конюшни» [Натхо, 2018, с. 23]. Вскоре и это стало дефицитом, от голода наряду с людьми стали гибнуть и рабочие лошади.

Современный, рационально мыслящий читатель книги К. Натхо может задаться резонным вопросом: почему умирающие от голода люди в столь трагических обстоятельствах не поедали собственных лошадей, не спасались кониной? Кто бы их за это осудил? Однако ни один такой факт не зарегистрирован в анализируемой книге. Автор с нотками национальной гордости отмечает, что даже в столь экстремальный период адыгейцы не перешли на уровень людоедства, каннибализма, «чего не избежали многие

другие уголки Советского Союза» [Натхо, 2018, с. 24]. В этом же ряду находится тема табуированного отношения к конскому мясу как средству пропитания, судя по роману К. Натхо. Нигде, ни в одном месте автор не пишет, что умирающие от голода люди в его ауле ели лошадей. Лошади и люди умирали одинаково.

Волей судьбы адыгейскому писателю пришлось изрядно поколесить по разным странам. Где бы он не оказывался, он всегда следил за тем, какой имидж о черкесах здесь сложился. Он неоднократно бывал в Иордании. На «иорданских страницах» свой «Автобиографии» К. Натхо приводит примечательный случай, который в его глазах сильно поднимал его этническую самооценку. Микроистория, которую он приводит, называется «Инцидент с золотыми кольцами». В ней речь идет о том, что они с Суад (вторая жена писателя. — *К. Т.*), прогуливаясь по г. Амману, решили зайти в ювелирный магазин и купить себе по золотому колечку в честь недавнего бракосочетания. Они нашли нужный дизайн, примерили, но у кассы выяснилось, что надо сходить в ближайший пункт обмена валют, поскольку расплачиваться нужно не долларами, а иорданскими динарами. Уже на обратном пути встревоженные молодожены обратили внимание на то, что они так с кольцами и ушли из магазина за динарами. По возвращении они начали сильно извиняться за свою оплошность («Какой позор! Вы, наверное, подумали, что мы хотели украсть!»), на что арабский торговец ответил: «Я знал, что вы вернетесь. Я знаю, что черкесы не сделали бы ничего подобного!» [Натхо, 2018, с. 245]. Данный пример мы привели для того, чтобы показать, что К. Натхо на протяжении всей своей жизни отслеживал уровень «черкесской репутации» в самых разных странах, а также функциональную способность адыгского этикета «быть глобальным регулятором общественной практики социума (семьи, рода, племени, этноса)» [Поликультурное пространство Российской Федерации в семи книгах, 2012, с. 59].

На основании исследованного материала можно сделать вывод о том, что тематическим ядром автобиографического романа К. Натхо «В поисках себя» (Воспоминания) является Космо-Психо-Логос исторической родины писателя, территориально заключенный в пределах аулов Хатрамтук и Новый Натухай Краснодарского края (Адыгейская республика). Из историко-временных пластов и увлекательных по содержанию ностальгических ретроспективных сюжетов автор «вылущивает» и репрезентирует следующие важные этнокультурные коды: сдержанность в эмоциях, стоицизм, аскетизм, гостеприимство, соборная помощь (щыхэху), культ коня.

2.2. Коммуникация с русским миром

В первой части второй главы своего диссертационного исследования мы в достаточно автономной форме рассмотрели суть адыгских этноспецифических аксиологем, актуализированных автором. Такой подход был предопределен самим структурным построением автобиографической книги, четко распадающейся на две тематические части, которые условно можно назвать «автохтонно-кавказской» и «эмигрантской».

Данный раздел посвящен эмигрантскому жизнеописанию, весьма обширному по объему: он берет старт с пятой главы романа («Побег») и завершается восемнадцатой главой, где раскрывается специфика многомерной общественной деятельности К. Натхо в Соединенных Штатах Америки.

Можно сказать, что с «Побега» у главного героя начинается череда качественно новых форм коммуникации с миром. В их числе кросс-культурная коммуникация (cross cultural communication), под которой подразумевается «общение между индивидами, представляющими разные культуры» [Жукова, 2013, с. 171]; межнациональная коммуникация (international communication) — «общение представителей разных народов в разных ситуациях, как формальных, так и неформальных» [Жукова, 2013, с. 173]; межличностная коммуникация (interpersonal communication) —

«общение двух коммуникантов, передача информации через диалоги, включающие средства вербальные и невербальные (языки тела, огня, дыма, флажков)» [Жукова, 2013, с. 173].

Прежде всего, покажем русско-адыгейский сегмент межкультурной коммуникации на материале автобиографической книги К. Натхо. Поначалу отец писателя Исхак Натхо, рожденный в середине XIX века, немного настороженно относится ко всему, что связано с русским миром. Такая опаска естественным образом, связана с событиями Кавказской войны (1763–1864), когда Царская армия занималась расширением южных рубежей России путем притеснения горцев. Память об этом была еще настолько свежа, что на окраине родного аула писателя «виднелись следы глубокого канала, когда-то построенного для оборонительных целей» [Натхо, 2018, с. 10].

Здесь сразу отметим, что одна из самых фундаментальных и содержательных монографий на тему Кавказской войны написана современными историками Т.А. Шебзуховой и Е.Г. Берберовой, показавшими достаточно длительный и сложный процесс диалектического превращения «северокавказского фронта в пространство культурного взаимодействия и хозяйственных контактов между русскими и горцами» [Шебзухова, Берберова, 2015, с. 166].

Художественной иллюстрацией к сказанному выступает эволюционное развитие мировоззрения старшего Натхо, который от первоначального неприятия всего русского постепенно переходит к чувству глубокого уважения по отношению к русским учителям, врачам, затем ко всему народу. Трансформацию мыслей Исхака от ксенофобии к «возлюбленной непохожести» проиллюстрируем на трех примерах. Местом прозрения и деконструкции стереотипов для адыгейца становится курортное побережье Черного моря и то не сразу. Сначала контакт с русскими мальчиками налаживает его маленький сын Кадырбек, который быстро усваивает слова «иди», «дай», «на», «здрассти», «спасибо» и рассказывает отцу о том, что на пляже подружился с русскими мальчиками. С этнопсихологической точки

зрения весьма любопытна вербальная реакция отца, у которого с концептом «русский» в первую очередь ассоциируется понятие «опасность». Вот умозаключение, с которым он обращается к сыну: «Ты обладаешь сердцем нарта, но все же, должен научиться быть *осторожным!*» [Натхо, 2018, с. 19].

Далее К. Натхо с огромной эмоциональной теплотой пишет о русской народной целительнице Вере Дмитриевне, которая избавила его отца Исхака от тяжелой формы хронического ревматизма, сохранив ему ногу, которую официальные медики предлагали ампутировать. Как настоящий коммуникативный сдвиг (communicative shift) — «радикальное изменение в практике коммуникации» [Жукова, 2013, с. 168] можно расценивать факт пребывания Кадыра Натхо, как отличника учебы, в Майкопском летнем лагере. Поскольку он оказался единственным этническим адыгом среди персонала и учащихся, ему в скоростном темпе пришлось доводить до возможного совершенства владение русским языком. Здесь он знакомится со многими культурными фреймами русского (европейского) общежития, в частности, с такими, как «воспитатели», «столовая», «утренняя зарядка», «водные процедуры», «ежедневные осмотры врачей», «экскурсии в горы», «тихий час», «футбол, волейбол», «музыкальные конкурсы».

Как показывает автор, в столичном лагере расшатывается и религиозная культура адыгейского мальчика, который до сих пор жил по канонам Ислама. Случилось это в столовой на почве гастрономических запретов. Пару раз в страхе, что ненароком съест свинину, он отказывался от мясных блюд, довольствуясь кусками хлеба и компотом. Его порции с радостью съедает соседский мальчик-христианин, которому стало выгодно любую «аппетитную кулинарию» называть «свининой» и забирать себе. Заметив эту нечестную игру, Кадырбек отошел от соблюдения религиозных норм, и стал есть все подряд.

Как видим, средствами литературного языка К. Натхо описал то, что в лингвокультурологии принято называть «аккультурацией» (acculturation), то есть «процессом и результатом восприятия и вхождения индивида в новую

для него культуру, вследствие чего происходит усвоение фактов, норм и ценностей этой новой культуры» [Жукова, 2013, с. 17]. Дальше — больше. На премиальные от руководства лагеря (пятнадцать рублей) мальчик покупает модную «шапку с козырьком» (бейсболку — *К. Т.*), а также большую буханку белого хлеба. Здесь следует объяснить, что оба приобретения юного курортника были слишком инновационными, даже чужеродными для архаичного адыгейского аула.

Эпизод встречи Кадырбека и его отца Исхака возле ворот родного дома выглядит весьма символично, как идейное столкновение цивилизации и архаики, города и деревни, европейского и кавказского. Почему хозяин дома буквально рассвирепел, увидев сына с бейсболкой на голове и буханкой белоснежного хлеба в руках? Мы выше отметили, что головной убор для горца — один из самых сакральных предметов. То же касается и хлеба, но в представлении архаичного горца традиционный, берущий начало от предков хлеб — округлой формы, печется на сковороде и по цвету он не кипельно-белый. Городской же хлеб, иначе его называли «заводской» или «николаевский» (в честь царя Николая) тяготел к прямоугольной форме и выпекался в чугунных формах. Два столпа кавказской культуры (шапка и хлеб) были десакрализованы сыном Исхака. Во всем этом отец семейства увидел угрозу ассимиляции (*assimilation*). По мнению ученых, это «процесс, в результате которого члены одной этнической группы утрачивают свою первоначально существовавшую культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой они находятся в непосредственном контакте» [Жукова, 2013, с. 20].

Финал этой истории: бейсболку отец срывает с головы сына и выбрасывает под забор, к хлебу же он не притрагивается, поскольку это слишком сакральный предмет. И напоследок, пристально глядя в глаза сына, он произносит: «Сынок, не пытайся стать русским! В противном случае не будешь ни русским, ни адыгом!» [Натхо, 2018, с. 40]. В этих словах усматривается тревога пожилого черкеса за сохранение каждым народом на

земле своей этнокультурной идентичности, чтобы индивиды не были полуносителями своих родных языков или «Иванами, не помнящими родства» в погоне за модой, за другими «престижными» языками. Философ Х.Г. Тхагапсоев в своей статье «Диалог русской и кавказских культур как механизм культурогенеза» характеризует 1930-е годы как период, когда «в кавказские этнические культуры активно проникают элементы российской культуры, прежде всего — из мира материальной культуры, техники и технологии, архитектуры и жилища, костюма и бытовых удобств. При этом заимствуются и усваиваются не только сами предметные артефакты (например, многокамерные дома с печным отоплением, крытые железом), но и их русские наименования, которые ассимилируются в местные языки (их лексику) — часто без каких-либо трансформаций, например, «самовар», «бричка», «стол», «ложка», «пряник», «суд» и др. [Тхагапсоев, 2012, с. 129].

Из романа К. Натхо можно почерпнуть много примеров, свидетельствующих о преодолении взаимного противостояния и постепенном сближении кавказской и русской культур. Первый пример: самое почетное место в доме Исхака Натхо занимает большой русский самовар («мама приходила с дымящимся самоваром и с только что приготовленными щаями или халюжами») [Натхо, 2018, с. 29]. При этом самовар никак не мешает старейшинам сидеть за столом и рассуждать про своды адыгэ хабзэ и петь пшинатли от имени нартских героев.

Второй пример связан с принятием кавказцами русских или русифицированных имен в свой по-новому складывающийся национальный антропонимикон. Автор пишет, что накануне Второй мировой войны (1937 г. и 1939 г.) у него родились две племянницы — Аслангуаш и Нафсет. «Мы все были в большом восторге от рождения в семье девочек, особенно мама. Теперь племянниц моих зовут русифицированными именами — Ася и Нюся» [Натхо, 2018, с. 32].

Среди русских страниц романа «В поисках себя» видное место занимает образ Вани, всеми своими чертами напоминающего известного

персонажа из русских народных сказок своей «непотопляемостью» в опасных ситуациях, умением противостоять враждебному миру, вылезать «сухим из воды». Одновременно теми же чертами он напоминает героя европейского плутовского романа. Благодаря занимательному приключенческому сюжету, острому конфликту, бытовому комизму и счастливой концовке драматическая история Вани может квалифицироваться как отдельная микрновелла внутри большого романа. История такова: Кадырбек и русский «веселый молодой человек с блестящими голубыми глазами» познакомились на улице по поводу взаимовыгодного обмена. От Ивана — трофейные немецкие кожаные сапоги, от Кадырбека — копченый сыр и жареная курица. Подростки крепко подружились, часто встречались в основном в адыгейском доме.

По сюжету, вскоре всех сельчан потрясло известие о том, что немецкие офицеры на краю аула установили виселицы и собрались публично казнить «несколько русских шпионов», в числе которых был и Ваня. Автор весьма натуралистично описывает сцены экзекуции — стон, крики, судороги повешенных, контрольные выстрелы в голову, плач женщин. Всю эту донельзя трагическую атмосферу неожиданно для всех разряжает Ваня, который посмотрел «в глаза немецкого командира около секунды», затем «ударил его по лицу со всей силы», «сбил его», «бросился к каналу», «скрылся за ближайшим деревом», «побежал зигзагами от одного дерева к другому», «направился на юго-запад» [Натхо, 2018, с. 56]. В поэтологическом отношении здесь следует отметить характерный для стиля К. Натхо «каскад динамичных глаголов», подчеркивающих героизм и удачливость отважного русского храбреца. По сюжету, немецкие фашисты так и не нашли Иванушку, но его нашел Кадырбек, который посоветовал другу отыскать надежное убежище до конца оккупации и на прощание отдал ему свои четыреста рублей.

Поскольку родной аул Кадырбека в период Великой Отечественной войны стал «горячей точкой», где попеременно власть переходила от

фашистских захватчиков к советским (и наоборот), то угроза быть повешенным или расстрелянным нависла и над шестнадцатилетним подростком Кадырбеком. Немаловажным импульсом к побегу от страшного места становится и трагическая смерть матери у него на глазах от артиллерийского снаряда. Во время своих бесчисленных водных переправ, пеших переходов, железнодорожных переездов Кадырбек многократно убеждается в том, что бескорыстное гостеприимство — характерная черта не только кавказских народов, но и русских.

С топографическими и хронологическими подробностями автор описывает, как осенью 1943 г. на одной из крымских железнодорожных станций под названием «Челбаса» его, раненого, на несколько дней приютила «добрая русская семья», как хозяйка с жалостью смотрела на его «забинтованную голову, руку», «помогла принять ванну», «постирала бинты», «кормила-поила» [Натхо, 2018, с. 90]. Таких эпизодов много. При этом адыгейский писатель запечатлевает в романе не только «крупные картины добра», но даже мимолетные встречи. К примеру, по дороге в Каменец-Подольский на станции «какой-то старик наклонился надо мной и предложил большое яблоко и кусок черного хлеба» [Натхо, 2018, с. 90].

Человеку свойственно в минуты наибольшего отчаяния в качестве спасительной психотерапии прибегать к произведениям искусства, фольклора, литературы. В этом случае срабатывает логическая схема «Ничто не вечно под луной!» и индивид на подсознательном уровне в архивах памяти ищет сходные бытийные сценарии, показывающие, что он — «не первый, и не последний», на чью долю выпадают такие испытания. Примечательно, что в опаснейший период пребывания К. Натхо в «Итальянском лагере для перемещенных лиц», откуда сотрудники «Чрезвычайного Комитета» по требованию И.В. Сталина могли в любой момент репатриировать его «с полным пренебрежением к человеческим страданиям», он вспоминает строки русской народной песни с чувством легкого «черного юмора»:

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет,
Унылую песню заводит,
Про Родину что-то поет.
Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землею закрыт,
А брат твой печально в Сибири
Давно кандалами гремит!

[Натхо, 2018, с. 123]

Фрагмент русской народной песни наделяет «бродягу» Натхо чувством эмоциональной разгрузки, очищает его сознание от бесполезных тревог и дает возможность на рациональном уровне начать искать выход из сложившейся смертельно опасной ситуации. У него был один выход — бежать.

В «русском» разделе данной диссертационной работы считаем необходимым рассмотреть вопросы, связанные со статусом и деятельностью Толстовского фонда «Tolstoy Foundation» в США, и, более того, немного подкорректировать общепринятое представление об этой благотворительной организации. Согласно источникам, названный фонд был в свое время создан по доброй воле младшей дочери классика русской литературы Александрой Львовной (1884–1979) в г. Валли-Коттедж, в штате Нью-Йорк с целью оказания помощи русским эмигрантам, «для сохранения и развития лучших традиций русского искусства, истории и мысли, и в целом, лучших гуманитарных идей русской культуры» [Иванян, 2001, с. 696]. Фонд был зарегистрирован 15 апреля 1939 г. На территории Фонда имеются аграрная ферма, православный Храм Преподобного Сергия Радонежского и Дом престарелых. Толстовский фонд называют в эмигрантской среде «Мостом надежды», «Убежищем», «Гаванью», «Островом счастья».

В автобиографическом романе К. Натхо можно встретить много важной информации о репутации и деятельности Толстовского фонда. Научная ценность ее заключается в том, что это информация «из первых рук» от очевидца, свидетеля, актанта, который многократно встречался с сотрудниками этой организации и зафиксировал в мемуарных фрагментах свои объективные впечатления. Первый и главный вывод, который можно сделать после знакомства с этими текстами, заключается в том, что «толстовцы» помогали не только русским гражданам-переселенцам, они не делили эмигрантов по национальному признаку, их милосердия хватало на всех, в том числе, на черкесов и представителей других народов Кавказа.

В разделе «Представитель черкесских беженцев», автор совершенно однозначно утверждает: «В начале 1950-х гг. Толстовский фонд в Нью-Йорке, в сотрудничестве с другими организациями США, оказывал поддержку безработным российским беженцам и нуждающимся на Ближнем Востоке, помогая их эмигрировать в Америку. В рамках этого проекта получалось также войти в контакт с нашими черкесскими беженцами в Иордании и в Сирии. Наиболее видные представители Толстовского фонда, которые прибыли в Амман и провели там некоторое время, связавшись с нашими черкесскими беженцами, были князь Теймураз Багратион и госпожа Татьяна Шауфуз, ближайшая подруга Тамары Толстой — дочери Льва Толстого и главы Толстовского фонда в США» [Натхо, 2018, с. 176].

В другом месте автор пишет про «приятную русскую леди, которая прибыла из Европы», связалась с К.И. Натхо, открыла небольшой офис Толстовского фонда в Аммане и начала контакт с черкесами и русскими беженцами в Иордании. Спустя несколько недель, она завоевала любовь и уважение всех беженцев в Иордании и была создана превосходная «связь между Толстовским фондом и черкесскими беженцами» [Натхо, 2018, с. 177]. О мере человеческого участия толстовцев в судьбе черкесских мигрантов говорит и тот факт, что Елизавета (глава Амманского филиала Толстовского фонда — *К. Т.*) в день получения визы своему подопечному К. Натхо

подарила на память «набор портсигар и кейс из изысканной черной кожи» [Натхо, 2018, с. 178]. И далее она помогала ему снимать жилье в Бейруте до прибытия американского пассажирского корабля. Когда выяснилось, что морское судно сильно задерживается, сотрудники фонда отправили черкесского эмигранта на лайнере в столицу Греции, откуда он уже благополучно добрался до США. Здесь также переселенец не был брошен на произвол судьбы, в Нью-Йоркском аэропорту он был встречен российским представителем Толстовского фонда, который в первую очередь «пригласил его к себе домой, в г. Патерсон (штат Нью-Джерси)» [Натхо, 2018, с. 179].

2.3. Америка в изображении Кадыра Натхо

«Американский» раздел нашей диссертационной работы считаем целесообразным начать с фундаментальных работ Г.Д. Гачева, посвященных Космо-Психо-Логосу США. Как известно, ученый сначала в 1960-е гг. написал свой научный очерк про ментальные особенности американцев в умозрительной форме, опираясь на теоретические работы других авторов, страноведческие очерки, историческую, этнографическую и художественную литературу. В годы перестройки конца XX столетия, когда Георгий Гачев стал «выездным», ему посчастливилось воочию увидеть все, о чем он до этого писал про Америку.

Ученый пишет: «В осенне-зимний семестр 1991 года (сентябрь-декабрь) я преподавал в Весленском университете в США. Я вел два курса: “Национальные образы мира” на английском языке и “Русский образ мира” для славистов по-русски» [Гачев, 2008, с. 283]. Далее раскрывая суть своего страноведческого исследования, он отмечает: «Мои наблюдения имеют особенную цель: проникнуть в систему ценностей американской цивилизации в сравнении с российской, понять по деталям быта и поведения те координаты и ориентиры, какими руководствуются люди в обыденной жизни, их религиозные и философские значения и смыслы, хотя люди могут и не подозревать о них» [Гачев, 2008, с. 283].

Далее, чтобы не перегружать диссертационный текст, в краткой форме выделим те специфические черты, культурные коды, которые, по мнению Георгия Дмитриевича, дают верное представление об этой стране.

Первое. «Съезд народов», «собираемость иммигрантов», «Ноев ковчег микронародов» [Гачев, 2008, с. 179] — такие определения дает ученый населению Соединенных Штатов Америки, имея в виду полиэтнический, поликультурный и полиязычный характер исследуемой страны.

«Страна тинейджеров» [Гачев, 2008, с. 184] — второе оригинальное определение, которым Г.Д. Гачев характеризует Америку, тонко подметив, что изначально в эту страну отправлялись молодые, бесстрашные, энергичные, сильные люди авантюрного склада характера, любители приключений, открытые всему новому, неизведанному. Правоту ученого в данном случае можно подтвердить многочисленными текстами американских авторов (М. Твен, Дж. Сэлинджер, У. Фолкнер), где протагонистами являются именно представители молодого поколения при полном отсутствии или малозначительной роли людей старшего поколения.

«Отсутствие культа корней», «любви к отеческим гробам» [Гачев, 2008, с. 190] — так же в качестве третьей характерной черты американцев выделяет Г.Д. Гачев, ссылаясь на поэтический сборник У. Уитмена «Листья травы» и роман Дж. Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки». По Гачеву, факт десакрализации исторических корней показан названными авторами посредством двух ключевых образов — «травой с коротенькими, микроскопическими корнями» (У. Уитмен) и «домо-мобиле», «доме-на-колесах» (Дж. Стейнбек).

«Архетип Колумба» [Гачев, 2008, с. 200] — четвертая черта, тоже одно из оригинальных определений Г.Д. Гачева, который подчеркивает выраженные мобильные способности типичного американца.

Речь идет об отсутствии страха перед новыми дорогами, новыми креативными идеями, даже если они связаны с немалым риском. Напрямую с

«архетипом Колумба», по мнению Г.Д. Гачева, сопряжены и такие культурные коды, как «self-made man» (самосделанный человек), «self-reliance» (опора на самого себя), которые имеют прямой логический выход на метакод «американская мечта», «питающий в человеке самоуверенность, оптимизм и право на успех» [Гачев, 2008, с. 200].

Ученый любит сравнивать различные этнокультурные или религиозные установки. Свой ход мыслей он начинает с концепта «Желание», который в евразийских традициях фигурирует как отрицательное понятие с явным негативным оттенком: «Если хочешь освободиться от страдания, перестань желать чего-либо и воздержись от действий. Это воззрение — антипод по американскому: как раз усилиями труда побивается морока страдания, его анемия и уныние» [Гачев, 2008, с. 199]. Наиважнейшей и культовой мифологемой в американской культуре Г.Д. Гачев называет «Желание», на самом деле, являющееся «мотором, стимулом, импульсом Труда» и в качестве литературных примеров приводит заголовки следующих литературных произведений: «Трилогия Желания» Т. Драйзера, «Трамвай "Желание"» Т. Уильямса и «По ту сторону Желания» Ш. Андерсона [Гачев, 2008, с. 200].

Таким образом, мы перечислили все семь основные «постоянства» американского «Психо-Логоса» (по Гачеву), продиктованные особенностями географического расположения страны, историей ее открытия (Колумбом и Америго Веспуччи), сложившимися на этом континенте национальными, культурными традициями.

Далее все сказанное считаем целесообразным спроецировать на страноведческий опыт адыгейца Кадыра (Кадырбека) Исхаковича Натхо (1927–2021), который точно так же, как Г.Д. Гачев имел привычку фиксировать все увиденное, ценное в культурологическом отношении. Оба писателя практически одногодки (Гачев на два года моложе Натхо). У обоих был опыт постижения американской культуры, но опыт был разнокачественным, поскольку Георгий Дмитриевич большей частью в

теории, умозрительно исследовал «колумбово племя», лишь однажды в конце XX века выбравшись за океан как приглашенный российский профессор для работы в Весленском университете со студентами по проблемам своих этнологических разработок.

Совсем другой путь был у Кадырбека Натхо. Исторически так сложилось, что кавказские автохтонные народы сильно отличались своей приверженностью идее сакральной географии, стремлением жить там, где находятся «могилы предков». Первым сильным деконструктором этой идеи стали события, связанные с Кавказской войной, породившей такое социально-миграционное явление как «мухаджирство», когда целыми семьями, фамильными родами, селениями люди стали срываться с родных мест и эмигрировать в страны Ближнего Востока, а некоторые и дальше. К этим тектоническим сдвигам в региональной географии добавились инициативы «культурных революционеров» 1917 года, которые стали перекраивать по-своему усмотрению расположение исторически сложившихся аулов, районов, областей.

Первую трагедию переселения К. Натхо пережил в пятилетнем возрасте. Он пишет: «Я еще не успел изучить все улицы и окрестности Хатрамтука, когда весной 1931 года был вынужден покинуть аул вместе со своей семьей и остальными жителями. Я чувствовал себя вырванным с корнем беспомощным ростком, подхваченным сильным течением, несущимся против моей воли все дальше и дальше от моего родного Хатрамтука, с которым не хотелось расставаться. С тех пор я часто задавался вопросом, не оказал ли этот факт предопределяющее влияние на ход моей жизни» [Натхо, 2018, с. 13].

Приведенный факт первой межселенной миграции вскоре показался подростку Кадырбеку чуть ли не детским капризом, поскольку дальше на его долю выпали гораздо более страшные испытания, связанные с немецко-фашистской оккупацией их нового места жительства, трагической гибелью матери от разрыва артиллерийского снаряда на глазах у подростка, чехардой

в смене властвующих группировок, где без особых разбирательств его могли расстрелять и свои, и враги. В свои неполные 16 лет подросток на свой страх и риск то пешком, то на попутных транспортных средствах преодолевает огромные расстояния по маршруту — Крым, Украина, Австрия, Иордания, Ливан. Конечной точкой для него стали Соединенные Штаты Америки.

Далее считаем необходимым изучить процесс адаптации К. Натхо к американской действительности, посмотреть, насколько его жизненная практика вписывалась или не вписывалась в те культурные универсалии, которые установил Г.Д. Гачев в результате своих аналитических исследований.

«Я прибыл в Соединенные Штаты Америки в конце 1956 г.» [Натхо, 2018, с. 181] — с этих слов К. Натхо начинается американский раздел своей автобиографии. Ему уже было 29 лет, тинейджером его уже нельзя было назвать, но и в «старики» еще рано было записывать. От первопоселенцев Америки, естественно, он очень сильно отличался тем, что попал не на голое место, а в гостеприимный дом радушных хозяев в г. Патерсоне. Большинство его доброжелателей в новой стране были «старыми иммигрантами» черкесского происхождения, которые попали сюда в самом начале XX века.

«Тесен мир», «тесны культурные коридоры мира» — в полном соответствии с этими народными поговорками, сплошь и рядом находились знакомые, которые знали родителей Кадырбека, его деда, бабушку, других близких по горизонтальным и вертикальным линиям родства. Перечислительный ряд его этнических соплеменников, живущих в США, получится довольно длинный (Черим Сообцоков, Каладжерий Ехутль, Ибрагим Натхо, Хуако Касей, Мишеост, Хусейн Хабаху, Джанчерий Упчежого, Фатима Шерстлуко, Руслан и Эдик Бжассо, Кучук Натырбов, Азраил Шипшев, Фагат Казанов, Керим Кушмезок, Гирей Кадыр, Джевад Индрис, Джабар Тлепцериш, Лейла Кулиева, Басель Стас, Али Кулиев, Бжигано Мелечхан, Бедир Кардан, Мажда Хильми, Хайреддин Вороков,

Аскер Чесебий, Исса Тхаркахо) в Соединенные Штаты Америки в конце 1956 г.» [Натхо, 2018, с. 193].

В качестве условного примечания здесь хотелось бы отметить, что при перечислении семейных списков «американских черкесов» среди их детей уже встречаются «американизированные» имена, типа, Макс, Шарлотта, Принц, Кэролайн, свидетельствующие о начавшемся процессе ассимиляции.

В этом плане у Кадыра Натхо в отличие от «первой волны» эмигрантов была мощная «подушка безопасности». Но, известно, что любой, даже самый милосердный родственник бездельника терпеть долго не будет, если тот не устроится и не начнет самостоятельно зарабатывать на жизнь. С этим у Натхо выявилась большая проблема, связанная с тем, что он еще во время работы в качестве железнодорожника в г. Аммане в результате несчастного случая сильно повредил левую руку вплоть до плеча. Случай был настолько серьезным, что хирурги даже предлагали юноше ампутировать руку. Таким образом, перед своими новыми заокеанскими друзьями он предстал с загипсованной рукой. Как отмечает автор, не прошло и трех дней, как ему пришлось сполна вкусить сущность американской ментальности, когда кто-то из новообретенных приятелей с ноткой «черного юмора» во всеуслышание сказал: «Почему Кадыр приехал с одной рукой сюда, где мы с трудом можем зарабатывать на жизнь двумя руками?» [Натхо, 2018, с. 182].

Согласно нашим исследованиям, в случае с К. Натхо действовали три разноисточниковых вектора, которые помогали ему преодолевать сложнейшие препятствия: собственные усилия (на уровне «Я-есмы»); поддержка кавказской диаспоры; спонсорская помощь социально-гуманитарных фондов США. Яркий тому пример: в итоге Кадырбеку сделали весьма сложную операцию в специализированной клинике. Морально и частично продуктами питания его поддерживали черкесские соотечественники. Когда руководство госпиталя выставило счет (6.000.00 \$) за операцию, малоимущий пациент предложил в счет оплаты поработать у них лифтером, однако, в итоге в решение проблемы вмешались добрые силы

в лице руководства социального фонда больницы и долг пациента был погашен.

Про трудоголизм американцев писали многие этнографы, культурологи, в том числе, Г.Д. Гачев. В этом контексте можно отметить неумный характер К. Натхо, который, судя по его автобиографичному роману, никакой работы не чурался. В его условной «трудовой книжке» могли бы быть зафиксированы следующие освоенные им специальности: тракторист, электрик, садовник, сторож, посудомойщик, железнодорожник, почтмейстер, лифтер, сантехник, слесарь, бухгалтер, контролер.

Усердный и трудолюбивый Кадырбек не стал ждать, когда у него заживет плечо, с одной «действующей» рукой он устраивается на работу в качестве уборщика территории, прилегающей к государственному «Дому престарелых» (г. Уэйн). Одной рукой он умудряется выполнять всю необходимую работу. Впечатленный его ответственным отношением к труду, менеджер вскоре назначает его ассистентом сантехника и удваивает ему зарплату. Человеку с внутренней установкой на «self-made-man» вскоре удается найти гораздо более высокооплачиваемую работу в одном из «лучших, старых и самых дорогих ресторанов Нью-Йорка под названием «Колония Ресторан» [Натхо, 2018, с. 192]. О степени ответственного подхода Кадырбека к новой работе говорит тот факт, что «сложно было запомнить сотни названий различных блюд, алкогольных напитков и их цен, которые к тому же варьировались от обеда до ужина», поэтому он все данные записывает в тетрадь и дома выучивает их наизусть, чтобы «доказать боссу, что он способен справиться с этой работой» [Натхо, 2018, с. 192].

Примечательно, что К. Натхо параллельно на бумаге фиксирует и свои наблюдения за спецификой американской ментальности. Конкретно в данном случае он отмечает два любопытных факта. Первый — рестораном руководили сами хозяева, отец и сын, работая шесть дней в неделю по пятнадцать часов в сутки. «Такой режим способствовал их обогащению: они приобрели виллы в Штатах, в Италии и Сицилии, но у них не было времени,

чтобы насладиться этим». И далее: «в часы “пик” владельцы заведения не считали зазорным для себя бегать, разносить блюда вместе с официантами и бригадирами» [Натхо, 2018, с. 193].

Еще одна весьма немаловажная деталь в контексте кросс-культурных явлений: при приеме Кадырбека Натхо в ресторан на работу хозяин просит разрешения называть его «Джо» [Натхо, 2018, с. 192]. Сначала кавказцу показалось даже забавным носить такое лихое ковбойское имя. Но со временем он все больше и больше начинает задумываться о проблеме потери здешними черкесами своего этнического колорита. Он дружит со всей диаспорой, вхож во все дома старых эмигрантов, «которые покинули свою родину во время большевистской революции и приехали в США в 1924 году через Турцию» [Натхо, 2018, с. 193]. Он видит, что многие из них «состоят в смешанном браке», их дети уже практически не владеют родным языком, «родителей, похоже, не слишком беспокоит проблема ассимиляции, постепенно, но неуклонно приближающая черкесов всего мира к грани исчезновения как этноса. Вся община чувствовала себя беспомощной перед лицом этой опасной проблемы» [Натхо, 2018, с. 201].

На этом фоне в голове Кадырбека Натхо зарождается настоящая «американская мечта» — сделать все возможное, чтобы сохранить культуру своего этноса. Раз ему и другим эмигрантам не суждено по разным причинам вернуться к своим отеческим корням, то почему бы эти корни не взрастить здесь, за океаном, в стране, суть которой составляет «конгломерация переселенцев» из самых разных уголков планеты?

К. Натхо мыслит широко и под понятием «диаспора» он подразумевает не только этнических черкесов (кабардинцев, адыгейцев), но и представителей других кавказских народов, вплоть до грузин. Поскольку «языковые числители» у всех были разные, то поначалу инициаторы (адыгейка Фатима Натырбова, чеченец Асланбек Асланбеков, балкарец Асланбек Шакман, карачаевец Али Бутай) решили за основу взять общий «знаменатель» — национальные танцы. «Танцы могли вселить в юные

сердца некоторую национальную гордость и любовь к нашим предкам, своему народу, стране и культуре» [Натхо, 2018, с. 201] — пишет автор. «Желание» требовало реализации целого комплекса конкретных дел, и они были сделаны: «местными властями г. Патерсона был выделен специальный зал без оплаты», были найдены два профессиональных учителя по национальным танцам (Ибрагим и Саид Таймазовы), первые тридцать ребят из числа эмигрантов приступили к овладению искусством кавказского танца. Как отмечает К. Натхо, «был сделан небольшой шаг, который пробудил в душах этих маленьких созданий генетическую память, любовь к культурному наследию своего народа, гордость за принадлежность к нему» [Натхо, 2018, с. 202].

Особое место во всем автобиографическом романе К. Натхо занимает раздел «Черкесы в Нью-Йорке», где автор крупным планом изображает яркую, сильную и влиятельную личность Фатимы Натырбовой (Фатима Ханум), которая «превратила свою гостиную в черкесский традиционный *хачеи*» и фактически занималась воспитанием и перевоспитанием «беженцев-новичков» [Натхо, 2018, с. 193]. Она была щедра и гостеприимна до чрезвычайности, но при этом жестко пресекала у молодых черкесов все случаи нарушения норм национального этикета.

Приведем два примера. По кавказским обычаям, если в помещение вошел новый человек, всем остальным принято обязательно встать в знак уважения. Однажды некий Хаджемет Негуч остался в расслабленном, полулежащем состоянии, когда в дверях появился гость. Фатима Ханум публично обрушилась на него с гневом: «Почему ты лежишь, как вол? У тебя нет костей, чтобы поддержать свое тело?» [Натхо, 2018, с. 193]. Всякого, кто не соблюдал этикет, она в прямом смысле «унижала» до уровня животного, о чем свидетельствует и другой красноречивый пример, связанный с молодым человеком, который пришел к ней в гости «с жевательной резинкой во рту». Критическая реакция Фатимы была мгновенной: «Я никогда не видела черкеса, жующего как корова» [Натхо, 2018, с. 194]. При этом женщина была

убеждена, что имеет полное право таким суровым образом воспитывать молодых людей, поскольку она «их всех считала своими детьми» [Натхо, 2018, с. 194].

Из дарованных ему судьбой 94 года жизни 65 лет Кадыр Натхо прожил в Соединенных Штатах Америки, оттого в его биографическом романе наибольшее количество страниц и глав посвящено США. Автор постарался всю свою заграничную жизнь структурировать по трем взаимосвязанным главам: «В Соединенных Штатах Америки», «Моя деятельность в Соединенных Штатах», «Общественная деятельность в Соединенных Штатах». Между ними есть тематические вкрапления, где рассказывается о визите К. Натхо в Турцию, в Иорданию, о паломничестве в Мекку. Самые трогательные страницы посвящены посещению кавказской прародины в апреле 1983 года, спустя сорок с лишним лет. Получалось, что он покинул родной дом в 16 лет, а возвратился в возрасте 56 лет.

В четырнадцатой главе («Моя деятельность в США»), состоящей из 19 небольших разделов, автор делится с читателем своими новыми достижениями, связанными с приобретением типографии. Надобность в ней была велика, поскольку автор загорелся желанием «издавать черкесский журнал, чтобы познакомить молодежь с историей, культурой, традициями народа, пробудить у нее интерес к сохранению родного языка, к возрождению национальной гордости» [Натхо, 2018, с. 213].

К. Натхо был горд, когда в собственной типографии в 1969 г. ему удалось выпустить в свет сборник авторских сказок «Old and New Tales of the Caucasus» («Старые и новые сказки Кавказа»). Брошюра получила широкое распространение среди диаспоры, устно и письменно читатели высказывались о ее важном воспитательном потенциале. Подчеркивалось, что книга знакомит черкесскую молодежь с традициями, культурой, историей предков. В исследуемом нами автобиографическом романе приводится высокая оценка именитого американского врача черкесского происхождения, который на публичной презентации отметил: «Сборник

"Старые и Новые предания Кавказа должен храниться в каждом черкесском доме, как Коран!» [Натхо, 2018, с. 216].

Вдохновленный первой удачей, К. Натхо в итоге при содействии целой группы единомышленников в 1978 г. издает первый номер журнала «Черкесская звезда» («Circassian Star») на родном и английском языках. Ключевым словом «просветительский» можно назвать данный номер, где члены редколлегии разместили следующие актуальные, ознакомительные материалы: «Черкесский алфавит: первый урок», «Черкесская культура в США», «Введение в черкесскую историю», «Кавказ — родина черкесов», «Археология в Черкесии», «Воспитание», «Черкесские предприниматели», «О брачном контракте».

Судя по представленному в книге фотоснимку, обложка журнала носит весьма привлекательный и этноориентированный характер: на ней изображена танцующая пара в национальных нарядах и стильный вегетативный орнамент, напоминающий природу Кавказа.

Рассылкой журнала в разные географические точки мира, где проживают черкесы, занимался лично сам К. Натхо. Экземпляры «Черкесской звезды» с почтением были приняты сотрудниками «Публичной Библиотеки Нью-Йорка», «Библиотеки Конгресса», а также преподавателями и студентами Колумбийского университета [Натхо, 2018, с. 222].

Из всех откликнувшихся в наибольшей степени редактору (К. Натхо) запомнился молодой человек, чистокровный американец Брюс Дуглас Макей, который под впечатлением от прочитанных материалов, вознамерился написать «диссертационный труд про историю и культуру черкесов» [Натхо, 2018, с. 224].

Следующий большой издательский успех автора был связан с тем, что его роман «Николас и Надюша» (Nicholas and Nadiusha) также был издан в его персональной типографии. Критиками в основном отмечается ярко выраженное этноцентрическое начало произведения. К примеру, вот один из отзывов: «Хотя ведущие герои этого интересного и драматичного романа

названы русскими именами, черкесский героизм просматривается “красной нитью” от начала и до конца в книге этого молодого черкесского автора». Другой критик, подчеркивая безупречный английский язык автора и антивоенную направленность «Николаса и Надюши», отмечает: «Молодой черкесский автор, выучивший английский после того, как приехал в эту страну, пишет замечательно на не родном языке книгу, где он описывает психологические и нравственные последствия войны для людей лучше, чем любой врач» [Натхо, 2018, с. 228].

Возникает вопрос: чем объяснить бесстрашие К. Натхо перед новыми, весьма амбициозными проектами? Думается, здесь произошло интересное наложение адыгского аскетичного, волевого воспитания на чисто американскую самоуверенность, подпитанную доктриной «self-made-man».

В редкие минуты бессилия и скепсиса, К. Натхо вспоминал, как зимой в корпусе для военнопленных в Италии (г. Пиза) они с другом завели себе привычку: «проснувшись рано утром от холода, принимать холодный душ в общественном санузле, а затем бегать вокруг лагеря до тех пор, пока не согреемся» [Натхо, 2018, с. 129]. Практически с одной рабочей рукой (левая рука так и осталась малоподвижной) он брался за любую работу, открывал любые кабинеты со своими инновационными творческими предложениями.

После открытия собственной типографии в 1970 году, у К. Натхо зародилась грандиозная идея создания в г. Нью-Йорке специализированного научно-исследовательского института, где в концентрированной форме хранились бы всевозможные книжные, журнальные, рукописные источники о культуре, истории, языке, традиции и фольклоре черкесов. Инициатор проекта намеревался поддерживать плодотворные научно-творческие контакты с аналогичными заведениями в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Абхазии. Свою типографию писатель готов был поставить на службу институтских потребностей в переиздании забытых и полузабытых книжных раритетов. На коллег, друзей, юристов-советников программа К. Натхо произвела сильное впечатление, но все же они

единогласно перекомендовали кавказскому энтузиасту умерить пыл и для начала открыть «Институт черкесского обучения» (освобожденный от налогов) в г. Уэйн, штат Нью-Джерси [Натхо, 2018, с. 233].

Предтечей института стала «Воскресная школа для детей», открытая в начале 1980-х годов. Первый набор составил свыше тридцати учащихся. Сразу нашлись и преподаватели, которые на волонтерской основе начинают обучать детей основам адыгского этикета, технике национальных танцев. По духу и по избыточной энергетике Кадыр Исхакович напоминал французских энциклопедистов эпохи Просвещения, которые брались за все подряд с установкой: «Мы знаем, что такое свет и знаем куда его направлять!» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 823]. Ему очень хотелось самому выступить в роли учителя родного языка. С этой целью он прежде всего исследует все виды учебников, которые когда-либо издавались на Северном Кавказе — в Нальчике, Майкопе и Черкесске, но ни один из них не удовлетворил его «из-за избыточной пропаганды о Ленине, Сталине и Коммунистической партии» [Натхо, 2018, с. 253]. Более-менее его запросам отвечал «Учебник родного языка», изданный в Кабардино-Балкарии специально для контингента черкесских детей, проживающих в Иордании.

По рассказам очевидцев, «К. Натхо чувствовал себя невероятно счастливым, когда заходил в класс, где его ждали дети, чистые черкесы и черкесы-полукровки, которые хотели знать родной язык» [Архив Тхакаховой К. С.]. И учитель очень старался оправдать их надежды, настолько старался, что сам принимался за разработку методики преподавания основ черкесско-адыгского языка для начинающих.

Конспективным планом своего первого урока автор делится на страницах автобиографической книги и объясняет, что считал целесообразным процесс обучения, прежде всего, начать с местоимений. Чтобы сразу вызвать живой интерес детей к данной части речи, он сочиняет складный, легко запоминающийся текст в речитативной форме. Ниже приведем его целиком:

Сэ	Я,
Уэ	Ты
Сэри сы адыг	И я -черкес,
Уэри у адыгэщ,	И ты — черкес,
Сэ си ани адыгэщ,	Моя мать — черкешенка,
Уэ уи ани адыгэщ,	Твоя мать — черкешенка,
Сэ си ади адыгэщ,	Мой отец — черкес,
Уэ уи ади адыгэщ,	Твой отец — черкес,
Ахэр ди нэщ, икИ ди псэщ,	Они очень дороги нам,
Сэри уэри дызэкъуэщ,	Ты и я — брат (и сестра)
Ди бзэм деджэу дыублэнщ,	Мы начнем учить наш язык,
Дыадыгэу дыпсэунщ!	Истинными черкесами будем жить.

Табл.№ 1. [Натхо, 2018, с. 253]

Стих, прежде всего, интересен с этнолингвокультурологической точки зрения, поскольку ключевыми в нем являются личные и притяжательные местоимения «я», «ты», «мой», «твой» и «наш», заключенные в единую объединяющую концептосферу «семья». При этом понятие «семья» семантически может быть расширено до понятия «народ». В заключительных рифмованных строчках содержится главная дидактическая, философская мысль о нерасторжимой взаимосвязанности языка и этноса. Думается, строчкой «Истинными черкесами будем жить», звучащей как девиз, К. Натхо хотел выразить свое огромное оптимистическое желание, чтобы в «великолепной мозаике» микронародов США нашлось достойное место и для черкесской, кавказской диаспоры.

В этом контексте со ссылкой на монографию литературоведа и культуролога М.В. Тлостановой следует отметить, что на протяжении многих лет между ассимиляционистами и плюралистами дебатруется вопрос о том, какая из метафор больше подходит для характеристики США — «плавильный котел» или «салатная миска»? По мнению первых, политика

Соединенных Штатов ориентирована на «центростремительное, унифицирующее начало в развитии национальной культуры» [Тлостанова, 200, с. 73], вторые же выступают против ассимиляции и ратуют за относительную самостоятельность различных субкультур внутри большой страны, которые не растворяются и не расплавляются, а сохраняют свои формы, примерно, как «самостоятельные ингредиенты внутри салатницы» [Тлостанова, 200, с. 72].

Судя по автобиографической книге кавказского (адыгейского) писателя Кадыра Натхо, который значительную часть своей жизни провел в США, американские власти не препятствуют диаспорам сохранять и развивать свои этнические культуры. Об этом свидетельствует практика выдачи квот инициаторам постройки Центра Черкесской Культуры в штате Нью-Джерси. Не было также ограничений и в издательстве художественных и исторических книг, посвященных проблемам Северного Кавказа. Косвенным тому доказательством является и деятельность профессора, лингвиста Джона Коларуссо (р. 1945), который, по свидетельству К. Натхо, неоднократно получал гранты «от правительства США на создание «Черкесско-Английского словаря» и на перевод «Черкесских нартских легенд и пшинатлей»

Религиозная культура. Г.Д. Гачев в своей книге «Ментальности народов мира», рассуждая о месте религии в космо-психо-логосе американца, приводит примечательный эпизод из автобиографии Конрада Хилтона (1887–1979) — американского предпринимателя, основателя всемирно известной сети отелей «Хилтон». Он первым в истории гостиничного бизнеса ввел в практику систему градации отелей по «звездочной» маркировке. Суть эпизода, поразившего Гачева, заключается в том, что Хилтон-пуританин, по совету родителей, всю жизнь подчинялся двум главным заповедям: «Молись и Трудись» («Pray and Work») и в итоге достиг больших вершин в отечественном и мировом бизнесе.

Далее возникает вопрос: а какое место в жизни К. Натхо занимала религиозная культура? Юные годы писателя, судя по его биографии, пришлось на разгар пионерского движения, воспитывающего детей в духе лозунга «Религия — опиум для народа». Семья его придерживалась мусульманской веры, отправляющей базовые религиозные обряды нелегально или полулегально в условиях Советской власти. Вот характерный отрывок из его книги: «Мои родители совершили омовение, задернули шторы и, убедившись, что никто не сможет их увидеть, тайно помолились в комнате» [Натхо, 2018, с. 27]. В первом разделе данной диссертационной главы мы показали, что даже запрет «не есть свинину (сало)» для советского школьника Кадырбека был настолько категоричным в курортной столовой, что он пару раз отказывался, а в третий раз переступил через пищевой запрет и стал есть ее наряду с русскими мальчиками.

В зрелом возрасте под влиянием соотечественников, прибывших в свое время в США по ближневосточному транзиту (Сирия, Иордания, Турция), он серьезно начинает относиться к вопросам религиозной культуры.

И заповедь американских пуритан «Молись и Работай» оказалась близкой его мировоззренческим установкам и ни коим образом не противоречащей доктринам Корана, исламской религии в целом. В связи с этим у К. Натхо и его кавказских коллег зарождается идея при Черкесском центре в штате Нью-Джерси построить мечеть для того, чтобы прихожане могли отправлять богослужения. Для реализации этого «священного проекта» [Натхо, 2018, с. 293] требовалось немало финансовых средств, вследствие чего ему пришлось совершить настоящее «фондоповышающее» [Натхо, 2018, с. 303] деловое турне по нескольким восточным странам. Описанию этой проблемы посвящена вся первая часть восемнадцатой главы, маркированной множественными географическими названиями, отражающими географические передвижения общественного деятеля и писателя К. Натхо: «Поездка в Саудовскую Аравию и Кувейт для сбора средств», «В Саудовской Аравии», «Свободное время в Иордании», «В

Кувейте», «Поездка в Арабские Эмираты для сбора средств», «Абу-Даби», «Дубай», «Бахрейн», «Наша вторая остановка в Стамбуле». В указанном разделе нашли отражение и экономические проблемы, с которыми инициатор строительства мечети в г. Уэйн штата Нью-Джерси сталкивался во время турне: «Первый кредит банка», «Работа по проблемам квоты», «Ипотечный кредит» и др.

На стр. 305 автобиографического романа автор приводит свои достаточно убедительные доводы необходимости средств: «Я подчеркнул, важность мечети и центра, которые могли бы вместить дневной образовательный центр для ребят и воскресную школу для наших детей, где мы могли бы учить их родному языку, религии, истории, культуре и традициям. Также это было бы местом, где они вместе с родителями всегда могли бы встречаться с адыгами из других регионов и стран, включая Россию, развивать дружбу с ними и учиться поддерживать друг друга. Если мы не будем продвигать такие центры для ассоциации, будущее наших адыгских детей в США будет мрачным, они неизбежно растворятся в пуэрториканском, итальянском или еврейском кварталах, в которых они живут. Это то, что мы пытались предотвратить в Соединенных Штатах Америки. Чего бы это ни стоило, нам необходимо достроить мечеть и центр» [Натхо, 2018, с. 305].

В итоге стараний срабатывает закон «с миру по нитке», и, благодаря колоссальному энтузиазму К. Натхо и его сподвижников, удастся завершить строительство Мечети и Центра Черкесской благотворительной организации. Для наглядности автор на страницах своего автобиографического романа размещает фотографию аккуратного архитектурного комплекса, состоящего из двухэтажного здания Центра и примыкающей к нему трехэтажной Мечети с минаретом, а также указывает адрес: «Штат Нью-Джерси, г. Уэйн, Манчестер Роуд, д. 383, Мечеть и центр Черкесской благотворительной организации» [Натхо, 2018, с. 314].

Продолжая тему религиозного дискурса в романе, отметим, что в мае 1994 г. сбылась еще одна мечта четы Натхо. Они с супругой Суад совершили паломничество в Мекку. Мотивация: они хотели выразить «благодарность Всемогущему Богу за крепкое здоровье, счастье и достаток, которыми Он их так щедро наградил» [Натхо, 2018, с. 345]. В свойственной ему писательской манере, он, как летописец, подробно описывает бытовые условия, режим пребывания каждого дня в священных местах, обряды, впечатления от посещения могилы Пророка Мухаммада [Натхо, 2018, с. 345]. Бесспорно, этот эпизод вызывает в памяти читателя столь чтимый в США ежегодный День Благодарения, берущий начало с 1621 года, когда первопоселенцы, пригласив на трапезу индейцев, благодарили Всевышнего за сохраненные жизни, удачное пересечение океана, за надежду на счастливую жизнь в новой стране. На наш взгляд, такого рода культурно-исторические параллели говорят о наличии большого количества универсалий между разными народами на Земле.

Автомобиль. Завершая «американский раздел» автобиографического романа К. Натхо, следует отметить еще один важный культурный концепт, который нашел место одновременно в страноведческой книге Г.Д. Гачева и в мемуарах адыгейского писателя. Речь идет об автомобиле, который «для миллионов людей стал символом статуса, тщательно оберегаемой зеницей ока, фамильной драгоценностью» [Бауэр, 2000, с. 344].

По остроумному замечанию Г.Д. Гачева, некогда популярный в Америке «cow-boy» (ковбой) неожиданно превратился в «car-boy», «man-in-a-car» — «человека в машине». Колоссальную роль в насыщении мирового пространства автомобилями сыграл американский промышленник и рационализатор Генри Форд (1863–1947), который изобрел конвейерный способ изготовления «железных коней». Г.Д. Гачев называет американцев «перпетум мобиле», то есть людьми, «заведенными на вечное движение» и вот как он объясняет первопричину такого их состояния: «Завод переселенчества как начался с переселения в Новый Свет, так и продолжает

работать уже там. Американцы легко снимаются с места, кочуют, вечные эмигранты-иммигранты и в самой Америке» [Гачев, 2008, с. 192].

В полной мере всем перечисленным характеристикам отвечает и жизненная модель адыгейского американца Кадыра Натхо. Невзирая на так до конца и не вылеченную левую руку, в 1970 году в возрасте 43 лет он сумел на «отлично» окончить курсы вождения и приобрести себе автомобиль «Вольво» вместе с добротным гаражом недалеко от своего дома. «Собственный автомобиль, типография и арендованный гараж для моей машины в городе Нью-Йорке подняли мой дух, дали мне почувствовать, что я проделал значительный путь, и мы начали предпринимать поездки в выходные дни в Северную часть штата Нью-Йорк, Лонг-Айленд, Нью-Джерси, Коннектикут и так далее» [Натхо, 2018, с. 224].

Полагаем, американский культ машины сказался на том, что отдельный раздел в автобиографическом романе писателя многозначительно называется «Первый собственный автомобиль».

Онтологический статус К. Натхо. В 2003 г. в г. Ставрополе состоялась Международная научная конференция «Антропоцентрическая парадигма в филологии». Организатор форума Л.П. Егорова в своей вводной статье с примечательным названием «Гамбургский счет антропоцентрического литературоведения» приветствует «возвращение филологов к антропоцентризму после многолетнего увлечения структуральной поэтикой и напоминает, что «наука о литературе антропоцентрична по определению: объект ее исследования — художественная литература, которую называют человековедением; и что антропоцентризм есть воззрение, согласно которому человек — центр (или центральное звено) и высшая цель мироздания» [Антропоцентрическая парадигма в филологии, 2003, с. 3].

Данная исследовательская практика была поддержана и продолжена В.М. Головкин, предложившим «концепцию системной стратификации» в изучении человека. Под «стратой» в данном случае подразумевается один

конкретизированный статус человека. Антропоцентристы предлагают отказаться от исследования «человека вообще», «сузить человека» и сосредоточить внимание на «экзистенции живого индивида» с учетом его возраста, пола, этнической принадлежности, историко-культурного контекста жизни, образования, состава семьи, философского и эстетического мировоззрения, рода деятельности, хобби. Вся эта «цветущая сложность» [Леонтьев, 1992, с. 20] в максимальной степени обретает полновесную репрезентацию в жанре автобиографического романа, поскольку сам жанр обязывает писателя раскрыть «душу нараспашку». Мету объективного и субъективного в этом жанре сознательно или интуитивно определяет сам автор. Задача же критика или литературоведа — определить по концепции «системной стратификации»: к какому типу личностей принадлежит данный автор? Ответ на этот важный вопрос онтологического порядка мы обнаруживаем в монографии английского историка и антрополога Арнольда Джозефа Тойнби «Постижение истории». Отметим, что суть всей антропологической философии Тойнби составляет две фундаментальные концепции — «Уход-и-Возврат» и «Вызов-и-Ответ».

В первом случае автор свою концепцию строит на том, что в целом поступательное развитие всемирной цивилизации основывается на постоянном Вызове неких сил, провоцирующих достойный ответ с обратной стороны. В качестве иллюстрации А.Дж. Тойнби приводит множество примеров, связанных с генезисом египетской, шумерской, андской, минойской, майянской цивилизаций, где каждый раз некое Зло играет положительную роль, стимулируя народонаселение к принятию Вызова, подготовке достойного Ответа и итоговому переходу на качественно новый цивилизационный уровень развития.

По мнению автора, индивидуальная жизнь человека также подвержена закону «Вызов-и-Ответ», учитывая, что, начиная с сознательного возраста, каждая личность ежедневно и ежечасно вынуждена давать ответы на возникающие перед ним вопросы, вырастая в собственных глазах и в глазах

общества. Тот же драматический закон единства противоположностей, столкновения протагониста и антагониста определяет сюжет множества философско-художественных текстов в мировой литературе. А. Тойнби приводит следующие примеры: Яхве и Змей («Книга Бытия»), Господь и Мефистофель («Фауст» Гете), Артемида и Афродита («Ипполит» Еврипида) [Тойнби, 2002, с. 114]. При этом автор совершенно логично предупреждает автора о существовании трех видов «силовых Вызовов». Первый вид, который Дж. Тойнби называет «чрезмерным» или «избыточным», может морально и физически уничтожить противника.

Второй тип Вызова («энергетически слабый») может в силу своей малоэффективности, остаться незаметным для противоположной стороны. «Наибольшее стимулирующее воздействие оказывает вызов средней силы» [Тойнби, 2002, с. 179] — констатирует автор и присуждает этой разновидности «силы» типологическое название «оптимум» [Тойнби, 2002, с. 186].

Если всю эту вышеизложенную антропологическую концепцию А. Дж. Тойнби спроецировать на автобиографическую исповедь К. Натхо, то можно сделать закономерный вывод о том, что многотрудная судьба адыгейского писателя все же была достаточно милосердной и укладывалась в рамки «средней силы» или «оптимума». Бесспорно, на его долю выпало большое количество страданий морального и физического порядка (война, смерть матери на его глазах, вынужденный разрыв с исторической родиной, производственная травма левой руки, образовательный дефицит, ностальгия по родной этнокультуре).

На все перечисленные вызовы молодой человек, ориентированный на кавказский культурный код «стоицизма» и американский принцип «self-made-man», достойно реагирует и в итоге обретает следующие «плюсы»: высокий уровень резистентности, сопротивляемости по отношению к невзгодам, овладение несколькими иностранными языками (английский, турецкий, арабский) вдобавок к «родным» — адыгейскому и русскому;

компенсация недостатков образования в нескольких американских высших школах по экономике и художественному творчеству. Ностальгию по родной этнокультуре К. Натхо с лихвой восполнил созданием в США Центра Черкесской культуры с прилегающим к нему зданием мусульманской Мечети, а также его главной гордостью — студией национальных танцев. Полагаем, еще более значимой формой компенсации ностальгических чувств в рассматриваемом случае стало многожанровое литературное творчество писателя — проза, публицистика, авторские сказки, труды по истории черкесского народа, а также серия адыгских хрестоматий. В знак пополнения актива достижений К. Натхо подчеркнем, что многие книги из перечисленных дисциплин издавались в его собственной типографии в Нью-Йорке.

Британский историк А. Тойнби об этом не пишет, но от себя к его концепции «благотворности вызовов» хотелось бы добавить один немаловажный штрих. По нашему наблюдению, личности, прошедшие суровые духовные и физические закалки в рамках «Вызовов» и «Ответов», как правило, обретают экзистенциальное долголетие. Конкретным тому примером является и судьба К. Натхо, который прожил полноценных 94 года при напряженной физической, умственной и творческой активности.

Примечательным фактом в биографии адыгейского писателя-эмигранта является то, что до ухода из жизни он успел вернуться на историческую родину. Обстоятельства, связанные с его возвращением на Северный Кавказ, куда он на протяжении четырех десятилетий не мог приехать по сложным социо-политическим причинам, также напрашиваются на культурологическую интерпретацию в рамках другой, не менее интересной доктрины А. Тойнби под названием «Уход-и-Возврат». Теоретик пишет: «Уход позволяет личности реализовать свои индивидуальные потенции, которые не могли бы найти выражения, подавленные прессом социальных обязательств, неизбежных в обществе. Уход дает возможность, а может быть, и является необходимым условием духовного преображения; но в то же

время преобразование лишено цели и смысла, если оно не становится прелюдией к возвращению преобразенной личности в общество, из которого она удалась. Возвращение есть сущность всего движения, равно как и его окончательная цель» [Тойнби, 2002, с. 276.].

Далее автор приводит многочисленные примеры человеческих судеб с опорой на мифологические, фольклорные и литературные источники, повествующие о том, как «некое роковое дитя», в прямом или переносном смысле сброшенное в бурное море жизни, после многостраничного, «драматического сюжета», «уже возмужавшее и закалившее свой дух в горниле выпавших на его долю испытаний, возвращается во всем блеске силы и славы на родину, в свои владения» [Тойнби, 2002, с. 281].

Типологически сходная ситуация получилась с Кадыром Натхо. «Визит на Родину» — так называется семидесятая глава рассматриваемой книги. Перечислим красноречивые названия разделов, по которым можно судить об эмоциональном состоянии писателя-эмигранта, а также о плотности его «расписания» на исторической родине, о торжественных, теплых встречах с родственниками, для которых приезд Кадырбека через 40 лет стал настоящей сенсацией: «Мечта и страх», «В гостинице «Россия», «В краснодарском аэропорту», «В доме брата», «Дань уважения родителям», «Старейшины», «Гости из Нальчика», «Юридические процедуры», «Воспоминания с друзьями», «Посещение Катиной матери», «Встреча с Ибрагимом Кобле», «У Фени Тлибзу», «Гости из Майкопа», «Знакомство с Володей», «Прощальная вечеринка».

«Возвращенческая» глава начинается с ностальгических признаний: «С тех пор, как я покинул свою родину, моим самым большим желанием было вернуться на место моего рождения и увидеть моих родственников и друзей, чтобы обнять их и вновь почувствовать, хоть на короткое мгновение, знакомое тепло и связь, которые могут формироваться только с детства» [Натхо, 2018, с. 257].

Сложность своего эмоционального состояния, похожую на впервые им проявляемую «само-жалость», автор измеряет средствами числовой поэтики: «Мы с женой прибыли в Москву 20 апреля 1983 г., возбужденные и оба наполненные страхом и счастьем, после сорока лет отчуждения — нет, сорока лет и двадцать семи дней, если быть точным!» [Натхо, 2018, с. 257]. Дотошность в числах вместе с восклицательным знаком показывают глубину его погружения в самую сущность трагического удела «вынужденного» эмигранта.

По нашему наблюдению, в содержании всей семнадцатой «кавказской» главы доминирует тема фамильно-родственных связей, затем — круг друзей, и на третьей очереди — официальные лица (радио, газеты, представители различных министерств Адыгеи и соседних республик). Остановимся на некоторых фрагментах, полнее раскрывающих суть черкесских, и в целом, кавказских обычаев, в косвенной форме попавших на страницы «Воспоминаний».

«Не ходить в гости с пустыми руками» — этот неписанный этический закон с ранних лет «прошит» в сознании любого горца. Из-за этого закона в таможенном пункте Московского аэропорта у четы Натхо возникли проблемы. Вот, что «американцы» везли в подарок многочисленным кавказским родственникам: «полдюжины голубых джинсовых брюк, четыре кожаных дамских пальто, два стереопроигрывателя, несколько пар обуви, свыше десятка шелковых чулок, шарфы, полдюжины шерстяных шалей и так далее» [Натхо, 2018, с. 258]. Пассажиры попытались объяснить, что все эти вещи — не для продажи, это подарки для родных и друзей. «Мы не могли приехать с пустыми руками после такого длительного отсутствия» [Натхо, 2018, с. 258]. Очевидно, выделенный нами культурный код оказался близок и русской ментальности, благодаря чему в итоге все таможенные проблемы с подарками помогла решить «ласковая средних лет русская женщина с приятным лицом» [Натхо, 2018, с. 258].

Особой экспрессией чувств и взвихренностью сознания отмечены страницы, где описывается дальняя дорога до малой родины, сначала на самолете до краснодарского аэропорта, затем на машине до отчего дома, где теперь проживала семья старшего брата писателя.

В лингвостилистическом плане эмоциональные «качели» проявляются в использовании большого количества риторических вопросов («Смогло ли время развести меня с ними?» «Узнают ли мои друзья меня, и я их?»), множеством восклицательных знаков, повторов («сорок лет! Сорок лет!»), эмоционально заряженными речевыми отрезками («не мог заснуть», «выкурил несколько сигарет», «сердце мое забилося быстрее» и т. д.).

С геолокационной, урбанистической точки зрения любопытно отметить недооценку «американцем Натхо» достижений российской, кавказской цивилизации. Часто выражение «к моему удивлению» встречается в его письменной речи. Именно с этой преамбулой он отмечает, что «брусчатая дорога стала асфальтовой», «большое болото за ней полностью высохло», «на дорогах много автомобилей», «аул превратился в процветающий населенный пункт»; «много кирпичных частных домов с железными крышами», «люди начали жить в достатке» [Натхо, 2018, с. 261–262].

Судя по роману, весь период пребывания на исторической родине Кадыр Натхо не столько отдыхает, сколько работает по «методу включенного наблюдения» за своими соплеменниками 1990-х годов, отмечая соотношение нового и традиционного в их поведении. Те, в свою очередь, тоже присматриваются к Кадырбеку, желая определить меру родного и иностранного в нем. Особенно показателен в этом плане пример, связанный с рассадкой гостей в отчем доме. Присутствующие во главе с тамадой были в легком замешательстве от сложившегося противоречия: с одной стороны, весь этот праздник был затеян ради «великого Кадыра Натхо», которого родня не видела 40 лет, а с другой стороны, по законам адыгского этикета, он не должен был сидеть за одним столом со своим старшим братом Наджибом, тем более по правую руку от тамады. Путем тонких дипломатических

переговоров эта проблема была урегулирована. Отмеченная заминка, в первую очередь, порадовала Кадырбека, который убедился в том, что его соплеменники по-прежнему свято чтят этический кодекс черкесского народа. Те, в свою очередь, тоже порадовались, что их «американский родственник» помнит все нюансы своих исконных национальных обычаев. Кардинально новое, что он увидел на столах «новых адыгейцев» — алкогольные напитки, в виде разных сортов «водки» [Натхо, 2018, с. 263, 266, 270], распитием которых сопровождается каждое застолье с многочисленными тостами, благопожеланиями.

Второй день кавказский гость тоже остается в пределах родного селения, отдает дань уважения покойным родителям на кладбище, молится за них, читает суры из Корана, посещает памятник односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне, сельский клуб, родную школу [Натхо, 2018, с. 266]. Самые проникновенные слова автор находит для того, чтобы описать свой визит домой к любимой учительнице Фене Тлибзу, которая с огромной радостью узнает своего одаренного ученика и произносит знаменательные слова о том, как она боялась, что ее «застенчивый мальчик будет потерян где-то в этой жестокой войне!» [Натхо, 2018, с. 275]. Вся дальнейшая история пребывания К. Натхо в Адыгее развивается в полном соответствии с теоретическими раскладками А.Дж. Тойнби «Уход-и-Возврат», когда чествования героя от круга ближайших родственников переходят к более широким кругам друзей, собратьев по перу и официальных лиц. Народ как будто, действительно, ликует от того, что «застенчивый мальчик не только не потерялся на войне», но сумел реализовать свои врожденные творческие способности, приобрести новые навыки, сделать очень многое для сохранения, развития и популяризации адыгского языка и культуры во всем мире.

Многие знакомые, друзья детства говорили об этом ему в лицо. Вот характерный отрывок из раздела «Воспоминания с друзьями»: «Мы увлеченно, перебивая и дополняя друг друга, рассказывали разные эпизоды

из нашей жизни 30-х годов, свидетелями и участниками которых были. И я поймал моих друзей на том, что они мифологизируют обычные поступки, которые мы совершали, а из меня делают человека-легенду. Вероятно, это связано с тем, что я покинул наш аул и жил далеко от них сам, без посторонней помощи, смог устроить благополучную жизнь» [Натхо, 2018, с. 270].

Далее начинается настоящий период «паломничества» к дому, где расположились Кадыр Натхо и его жена Суад. В разделе «Гости из Майкопа» автор рассказывает, как в один из дней ему довелось принимать в своем гостевом сельском доме Казбека Шаззо — «доктора филологических наук, профессора, эксперта по мировой литературе, литературного критика, писателя и Хамида Беретаря — известного адыгского поэта». Собравшиеся гуманитарии в основном речь вели о том, что «наши люди», нацеливая своих детей быть успешными, делают упор на иностранных языках, в результате чего «молодежь забывает родной язык, перестает идентифицировать себя с культурой своего народа» [Натхо, 2018, с. 276]. Проблемы оказались сходными, что в кавказских диаспорах США, что в образовательном пространстве Северного Кавказа. Как водится, собеседники ждали заключительных слов «мудреца Кадырбека Натхо» и он, подытоживая итоги своеобразного «семинара», констатировал: «В таком случае, мы должны винить в этом не Советскую систему, а наших педагогов, поэтов, писателей, в чьи обязанности входит способствовать воспитанию любви ко всему национальному, заинтересовать в сохранении и укреплении нашего языка, традиций и культуры» [Натхо, 2018, с. 277].

Поддерживая и развивая мысли А.Дж. Тойнби, отметим, что статус беженца, в итоге вернувшегося на родину «победителем», «триумфатором», в случае с К. Натхо соплеменники подчеркивают марками престижных автомобилей. Сам писатель всегда обращает внимание на эту деталь. К примеру, в разделе «Поездка в Майкоп с друзьями» он считает важным отметить, что приятель заехал в село за ним и его женой «на своей белой

«Волге» и они ехали «под звуки оживленной адыгской музыки, хлопая в ладоши в такт музыке, пели, шутили и смеялись. Мы чувствовали себя счастливыми. Здесь надо сказать, что в то время ездить на белой «Волге» в Советском Союзе было достаточно престижно» [Натхо, 2018, с. 278]. За время пребывания в столице Адыгеи ему понравились «дома в ряд, напоминающие Вашингтон» [Натхо, 2018, с. 278], первомайская демонстрация, где выделялись «этнические группы, одетые в красивые национальные костюмы» [Натхо, 2018, с. 280], пресс-конференция с адыгейскими журналистами, где автору пришлось опровергать многие стереотипные представления об Америке. Из негативного: он вновь обратил внимание на культ алкогольных напитков во время застолий, особенно на невиданную им прежде привычку молодых адыгов с присказкой «от нашего стола — к вашему столу» передавать бутылки именитому гостю и его друзьям [Натхо, 2018, с. 285].

Следует подчеркнуть, что с возвращением К. Натхо на родину «вернулись» и его художественные творения. «Мой роман “Отчужденные” — русский перевод романа “Николас и Надюша”, который был недавно опубликован в Майкопе, продавался в помещении театра, и люди, которые приобретали его, стояли в очереди, ожидая моего автографа» [Натхо, 2018, с. 334] — отмечает писатель, которого стали приглашать на встречу со школьниками, студентами, любителями современной литературы в районные и городские библиотеки.

«Звездным драматургическим часом» для К. Натхо стал день 28 апреля 2009 г., когда в Национальном театре Республики Адыгея состоялась премьера его пьесы «Медея» при полном аншлаге. Представление имело большой успех, в средствах массовой информации (газеты, радио, телевидение) широко освещалось данное культурное событие, которое фактически на качественно новый уровень переводило адыгейское сценическое искусство. Автору был настолько дорог его театральный опыт, что в своей документально-автобиографической книге он разместил шесть

фотоснимков, где запечатлены портреты действующих актеров, сцена из спектакля, программка, фасад Национального драматургического театра и образец пригласительного билета.

Апофеозом «триумфальной славы» [Тойнби, 2002, с. 281] К. Натхо на Кавказе стало награждение его медалью «Слава Адыгеи». Наградной знак он получил 30 апреля 2009 г. в Доме Правительства из рук Главы Республики Аслана Тхакушинова за культурные, творческие заслуги перед Отечеством. Писателю было вдвойне приятно, что Президент в своей поздравительной речи счел необходимым особо отметить его сценический успех: «Это динамичная трагедия. Классика! Спасибо за создание такой отличной драмы для адыгов!» [Натхо, 2018, с. 380].

«Резонансное добро», «цепочка добра» — важнейшие понятия общекавказской коммуникативной культуры, обязывающей каждого члена этноколлектива быть пожизненно благодарным тому человеку, который однажды совершил альтруистический поступок по отношению к тебе, то есть интересы ближнего поставил выше своих собственных интересов.

Кадырбек Натхо знал, что в трагические военные и послевоенные годы, осложненные транс-эмигрантскими перемещениями из страны в страну, он бы никогда не выжил, если бы на своем пути не встречал добросердечных людей, которые совершенно бескорыстно предоставляли ему ночлег, пищу, материальную помощь, одежду, адреса волонтеров, поддерживали советами и окрыляющими словами.

При чтении автобиографического романа К. Натхо складывается впечатление, что всю эту колоссальную «концентрацию добра» в его душе он всеми возможными силами и средствами пытается возратить миру, нуждающимся людям, когда сам уже твердо встал на ноги в г. Нью-Йорке, имея свой дом, автомобиль, прибыльный бизнес, возглавляемый им Черкесский культурный центр, надежных партнеров.

Судя по материалу исследуемой книги и по воспоминаниям его друга Газия Кушуковича Чемсо, дом Натхо был «местом паломничества

нуждающихся соотечественников, недавно прибывших в США, ни времени, ни средств он не жалел для них» [Натхо, 2018, с. 380]. С ним солидарен и Министр культуры Адыгеи Адам Тлецери, отмечающий, что «нет адыга, побывавшего в Соединенных Штатах Америки, с которым Кадыр Натхо не встретился бы, не помог и не пригласил в гости к себе домой, и среди них — наш Президент!» [Натхо, 2018, с. 380].

Кадырбек Натхо всегда отдавал себе отчет в том, что теплую атмосферу гостеприимства любого дома создает хозяйка, вследствие чего в мемуарах он благодарит свою супругу Суад, «которая без ссылки на усталость, недомогание, другие причины, всегда поддерживала» его с «удовольствием и гордостью, была приветлива с каждым из родственников, друзей» и подчеркивает, что он «был счастлив принять у себя дома всех, кто приходил, обращался с просьбой» [Натхо, 2018, с. 381].

Естественно, когда К. Натхо с женой оказались на Кавказе, начинала работать уже «третья цепочка добра» в том смысле, что все когда-то облагодетельствованные «американцем» люди искренне стремились отплатить ему добром здесь. Многие состоятельные земляки в качестве почетных гостей приглашали Кадырбека и Суад на «ресторанные торжества» с участием талантливых деятелей науки и культуры (писатель и критик Казбек Шаззо, режиссер Нальбий Тхакумашев, актеры театра и др.). Как показывает писатель, застолья, как правило, постепенно превращались в интересные концертные программы, где исполнялись песни на родном языке, декламировались стихи, ставились театральные мизансцены комического характера. «Гвоздем» программы, как правило, являлись величальные, остроумные тосты, большинство которых начинались со слов «Когда я был гостем Кадыра и Суад Натхо в Нью-Йорке» [Натхо, 2018, с. 365].

Как верх «апофеозного текста» во всем романе выглядит сорок третий раздел последней главы с названием «Президент Республики Адыгея Аслан Тхакушинов в «Лесной сказке». В разделе повествуется история посещения главой республики четы Натхо, которые летом 2007 г. отдыхали в одном из

самых респектабельных санаториев края под названием «Лесная сказка». Торжественный характер описанию придает несколько пафосный стиль с использованием особых выражений, подчеркивающих высокий статус мероприятия: «необычная новость», «охрана Президента», «проверка состояния безопасности в санатории», «впечатляющий полицейский кортеж», «сирена», «черный лимузин» [Натхо, 2018, с. 366]. Атмосфера суеты передается автором путем использования целого каскада излюбленных им «динамичных причастий и глаголов», имеющих отношение к поведению директрисы заведения: «ошеломлена», «ворвалась в наш коттедж», «крайне возбужденная», «бросилась прочь», «простояла в тени деревьев несколько часов в ожидании Президента» [Натхо, 2018, с. 366]. При чтении этой истории складывается впечатление, что общей суете не поддается только сдержанная по своей природе, глубоко верующая супруга героя Суад, которая спокойно стала высоким гостям предлагать «что-то поесть или выпить» [Натхо, 2018, с. 366].

Отдельный контингент почитателей личности К. Натхо составляли, судя по книге, родители тех «кавказских тинэйджеров», которые по учебно-образовательным причинам, по программе «Work and Travel» или по зову «амбициозного сердца» оказывались в окрестностях Нью-Йорка и получали существенную отеческую поддержку от К. Натхо. Яркий пример такого попечительства описывается в разделе «Жанна Кушхова — наша гостья»: черкешенку из Нальчика супруги Натхо приняли у себя дома, всячески помогали ей в учебе и трудоустройстве. Итог — умная, энергичная девушка в 2007 г. «окончила юридическую школу, сняла квартиру в верхней восточной части Манхэттена в Нью-Йорке и стала работать в качестве международного налогового консультанта в одной из аудиторских фирм» [Натхо, 2018, с. 354]. Аналогичная история содержится и в разделе «Сэтэнай» — наша гостья» [Натхо, 2018, с. 350].

Среди «паломников» были и те, чьим родственникам К. Натхо в США помогал с врачами, с лекарствами, с организацией размещения больных в

соответствующие клиники [Натхо, 2018, с. 268]. Об этом повествуется в разделе «Гости из Нальчика».

Перестроечные 1990-е годы стали периодом проведения всевозможных форумов, связанных с национальным вопросом. Первый из них состоялся в 1990 г. в Кабардино-Балкарском государственном университете с участием представителей разных стран. Это была Всесоюзная конференция, посвященная проблемам мухаджирства. Предстояло найти обоснованный ответ на главный вопрос: «Люди с Кавказа оставили свою историческую родину по собственной воле или они были вытеснены царской Россией в результате Кавказской войны?» [Натхо, 2018, с. 318]. По воспоминаниям К. Натхо, у делегатов не было единого мнения по этому вопросу.

Вторая проблема, которую он здесь же освещает, касается статуса национальных языков. Кадырбек Исхакович обратил внимание на то, что исключительно все местные докладчики на конференциях выступают на русском языке, который непонятен иностранным гостям. Писатель внес рациональное предложение, чтобы каждый билингв, выступивший на русском языке, суть своего доклада в краткой форме резюмировал на общепонятном черкесском языке для иностранных гостей-адыгов.

Автору данной диссертации приятно осознавать, что Кадыр Натхо встречался со студентами и преподавателями КБГУ, рассказывал о том, что в США имеется созданный им и его единомышленниками Черкесский культурный Центр с собственной студией национальных танцев, футбольной командой, классом родного языка и мусульманской мечетью» [Натхо, 2018, с. 319].

Самое активное участие К. Натхо принимал и в следующих форумах — «Первом Черкесском конгрессе в Нальчике» (1991), Международном Черкесском конгрессе в Краснодаре» (1994). Примечательной особенностью последнего мероприятия было то, что в нем активное участие принимали: губернатор Краснодарского края (Н.И. Кондратенко), мэр г. Краснодара (В.А. Самойленко) и артисты Кубанского казачьего хора. Добрыми словами

повествователь вспоминает руководителей края, которые, по предложению К. Натхо, организовали этнокультурную экскурсию в «шапсугские аулы г. Сочи». Здесь автора поразили три вещи: «на фасаде каждого дома было изображение фамильной тамги» [Натхо, 2018, с. 347], «в Шапсугии сохранилось Священное дерево, возраст, которого исчисляется несколькими столетиями» [Натхо, 2018, с. 348], а также обещание губернатора-казака подарить К. Натхо земельный участок, «если тот пожелает переехать сюда» [Натхо, 2018, с. 348].

По воспоминаниям Г.К. Чемсо, «везде, где бы не присутствовал К. Натхо он всегда высказывал самые рациональные предложения, был ярким, харизматичным оратором, обладал феноменальной памятью, свои выступления приправлял щепоткой доброго юмора, его невозможно было не слушать. Он был настоящим полиглотом, на конгрессе всех поражал легкими переходами от русского языка к английскому, с арабами свободно изъяснялся на арабском, но чаще всего говорил на родном языке, которым владел блестяще. Очень любил подкреплять свои мысли пословицами и поговорками разных стран. Мне даже кажется, он специально собирал оригинальные афористические выражения. Таков был мой друг» [Архив Тхакаховой К. С.].

Выводы второй главы:

1. Роман К. Натхо можно назвать автобиографическим эпосом, учитывая органическое соединение в нем фактов индивидуальной и коллективной биографий на базе взаимодополнительности.

2. Поликультурный характер романа «В поисках себя» определяется наличием в нем трех основных дискурсивных линий, ориентированных на постижение Космо-Психо-Логоса адыгейцев, русских и американцев (а также, частично, итальянцев, турок и арабов), находящихся в постоянном полилоге через личность единого повествователя.

3. Доминирующей в проанализированном романе является рельефная линия родной культуры. Ее квинтэссенция запечатлена в

авторском афоризме «Дыадыгэу дыпсоунц!» («Будем жить как адыги!»). Суть афоризма, звучащего как метакод, поддерживается в тексте серией этнокультурных кодов из области тонко разработанного адыгского этикета (мужество, аскетизм, честь, гостеприимство, аталычество, соборная помощь, уважение к старшим, культ коня, исторически сложившиеся гендерные конструкты).

4. Кросскультурные пересечения К. Натхо с миром русской культуры нашли отражение в серии следующих фреймов: «посттравматический синдром Кавказской войны», «культурная революция», «просвещение», «учитель», «врач», «самовар», «новый дресс-код», «христианство», «новая гастрономия», «русифицированные имена», «друг Ваня», «Толстовский фонд», «переводы текстов на русский язык».

5. Прием компаративного соотнесения «американистики» К. Натхо со страноведческой работой Г. Д. Гачева «Америка» позволил выявить общность следующих культурологов: «архетип Колумба», «страна тинейджеров», «съезд народов», «self-made-man», «pray and work», культ автомобиля. Сам факт успешной реализации Кадыром Натхо своей «великой мечты» о постройке в Нью-Джерси «Центра Черкесской культуры» подтверждает действенный характер американской концепции мультикультурализма, отрицающего гомогенность «плавильного котла» и поэтизирующего «салатницу» как символ полиэтнических общностей. Во второй главе также рассмотрены онтологические формулы А. Дж. Тойнби «Вызов-и-Ответ» и «Уход-и-Возврат» с результативной проекцией на автобиографию адыгейского писателя.

ГЛАВА 3. МАЛАЯ ПРОЗА И ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ОПЫТ

К. НАТХО: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

3.1. Авторские сказки

В 2003 г. в Магнитогорске состоялась Международная конференция «Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе». Учеными рассматривался целый комплекс вопросов, связанных с общетеоретическими проблемами интертекстуальности, типологией интертекстуальных отношений, механизмами интертекстуальности, разновидностями интертекста, а также понятиями «явная и неявная интертекстуальность», «прецедентный текст», «текст-предшественник», «гипертекст», «интекст», «текст-основа» и др.

Отталкиваясь от материалов данного форума, рассмотрим особенности интертекстуальных переключек в произведениях К. Натхо. В силу биографического фактора писатель рано стал «глобалистом». Встречая на своем длительном переселенческом пути представителей самых разных этнических культур, он из раза в раз убеждался в общности человеческого мышления, в сходстве большинства онтологических, архетипических аксиологем, которые могут различаться только по форме языкового выражения, по выборке образных средств. В многочисленных глоссариях, которыми он сопровождает свои художественные произведения, автор путем автоперевода подчеркивает общее и особенное, универсальное и уникально-этническое. Самый яркий тому пример: русское «хлеб-соль» — приветственная, величальная формула русского народа, имеющая в коммуникативной культуре адыгейцев чуть-чуть другой кулинарный оттенок «соль-паста» (щыгъу-пIастэ). Как видим, «соль» как инвариант сохраняется, даже на первое место выдвигается, но вместо «хлеба» используется концепт «паста», обозначающий «плотную кашу из пшена и манной крупы». Кстати, на «иорданских» страницах своего мемуарного романа «В поисках себя» К. Натхо указывает, что самой консервативной, «непотопляемой» частью

национальной культуры в условиях диаспор, по его наблюдению, остается кухня. Он описывает, как в Аммане чеченские переселенцы угощают его «гелнишем», состоящим из «мамалыги, кусков отварного мяса и чесночного соуса» [Натхо, 2018, с. 246].

Интертекст активно проявляет себя на уровне теологем, заимствованных почти всеми северокавказскими народами из арабского языка. Знаком «избыточной интертекстуальности» отмечен эпизод, где описывается временное пристанище разноплеменных мусульман в итальянской провинции Санта-Мария-ди-Леука, которые на несколько сохранившихся у них «турецких золотых монет» покупают себе провизию перед началом Священного месяца Рамадан, чтобы суметь выдержать время поста. Здесь же в примечаниях автор знакомит читателя с основными столпами мусульманской религии: «Рамадан — завтрак до рассвета», андез — омовение; намаз — молитвенный обряд с особыми соматическими телодвижениями. Здесь же автор приводит теологему «нэчмаза» — адыгский термин для обозначения месяца Рамадан [Натхо, 2018, с. 121]. Естественно, «пост» как абстрактная категория, имеет свои разноконфессиональные модификации (христианская, буддийская, иудейская и т. д.), обусловленные различиями в религиозных доктринах. Таким образом работает в художественной системе К. Натхо взаимодействие универсального и локального, всемирного и этнического.

В этом же теологическом ряду находятся и пословицы/поговорки, которые автор часто вкладывает в уста своих разноязычных героев, но при этом высвечиваются общечеловеческие константы. Приведем некоторые из них: «Необходимость — мать изобретательности» [Натхо, 2018, с. 60], «Вместе работать — легко, вместе кушать — вкусно» [Натхо, 2018, с. 26]. «Сделай добро и брось в воду» [Натхо, 2018, с. 73], «Сытый и голодный не понимают друг друга» [Натхо, 2018, с. 181].

По нашему наблюдению, сам автор тяготеет к сочинению и собственных «философем» на основе жизненного опыта. По стилистике он

подражает древним, но по лексике отражает современные реалии. Вот образец такой модернизированной дидактической единицы «Если у вас есть один доллар, Вы стоите один доллар, если у вас ни гроша, то Вы ничего не стоите» [Натхо, 2018, с. 157]. И другие: «Шансы приходят неожиданно и в то время, когда они наиболее необходимы» [Натхо, 2018, с. 163]. «Надежда — это то, что заставляет нас жить» [Натхо, 2018, с. 174].

Емким словом «кроссы» или словосочетанием «языковые кроссы» мы обозначаем примеры многочисленных интернациональных и интертекстуальных пересечений в творчестве К. Натхо. Вот яркий пример «языкового кросса» — «бригадир Юра — адыгоговорящий грек» [Натхо, 2018, с. 45]. Чуткий к явлениям фоносемантики, К. Натхо подмечает и особенности национальных акцентов. Так, для дагестанского эмигранта Салеха (бывшего вузовского преподавателя математики) непривычно «безвоздушное, беспросветное соединение двух согласных, поэтому вместо “плюс” он говорит “пилус”, собственно, почему за ним и закрепилась кличка “Пилус”» [Натхо, 2018, с. 123].

В рамках лаконичного текстового сегмента К. Натхо интегрирует семантически связанные элементы, используя четыре языка из различных генетических групп. Старик-переселенец на своем родном адыгейском языке обращается к молодежи со словами «Сиасланхэр!» («Мои львы!»), далее приводит арабскую цитату из Корана на латинице (Ahtaris min ahsantoo ilueyhieee!), сопровождаемую русским переводом: «Остерегайтесь малознакомому попутчику рассказывать свои секреты, он может использовать их против Вас» [Натхо, 2018, с. 129].

Здесь самое время четко определить, на каких языках говорил сам К. Натхо. Доподлинно известно, что он говорил на адыгейском, русском, арабском, английском. Насчет итальянского языка наши информаторы не смогли дать однозначного ответа, но мы его обнаружили в «Автобиографическом романе», где автор, касаясь одного инцидента, происшедшего с ним в Неаполе, пишет: «Я сказал им по-итальянски, что

подниму камень до уровня моей груди, если они заплатят десять тысяч лир» [Натхо, 2018, с. 122].

К интересным явлениям кросс-культуры мы относим и следующий эпизод из названной книги, где «черкес Борис Кoble на мандолине (итальянский струнный музыкальный инструмент — *К. Т.*) играл зажигательную черкесскую мелодию» [Натхо, 2018, с. 122].

Где бы К. Натхо не находился, у него была привычка сравнивать, сопоставлять различные этнические миры на предмет климатических особенностей, флоры, фауны, подмечать общее с родной Адыгеей.

Одни из самых экзотических страниц его книги посвящены периоду работы добытчиком мрамора в пустыне (Иордания). При этом К. Натхо успевает замечать «необычного вида грызунов с белыми пушистыми шариками на хвостах. С любопытством этнографа он описывает также манеру жителей пустыни строить себе жилища, с соблюдением законов эргономики в условиях зноя: «Они быстро начали собирать камни и, ставя их один на другой, построили дом с двумя окнами и дверью на вершине холма. Оставленное в середине дома отверстие и закрепленный на нем кусок холста для крыши заработали по законам пустыни — дом начал протягиваться свежим и бодрящим воздухом, движимый мощным вентилятором» [Натхо, 2018, с. 164].

Автор показывают читателю, что интертекстуальные переключки действуют не только по горизонтальным линиям, но и по вертикальным. Примечательно в этом плане подмеченное К. Натхо явление настоящего «архитектурного палимпсеста»: на территории современного г. Аммана (Иордания), находятся развалины Древнеримского Амфитеатра — под названием «Аль-Мудереж-аль-Романи» [Натхо, 2018, с. 152]. Такая переключка веков.

На страницах своего автобиографического романа К. Натхо приводит еще один интересный пример кросс-культуры, который имеет прямое отношение к тематике настоящей главы. Речь идет о чистокровном грузине

(Баба Таташвили), беженце из Советского Союза. Он обожал французскую культуру, закончил курсы журналистики в Париже, и теперь жил в Иордании (г. Амман), «давая частные уроки французского языка студентам». На его примере автор показывает читателю тот случай, когда некий индивид в силу своих профессиональных предпочтений может «влюбиться» в чужую культуру до такой степени, что на сознательном и бессознательном уровнях перенимает ее модели поведения. Вот как писатель рисует образ «офранцузенного» грузина Таташвили: «Баба был не только хорошо образован и начитан, это был человек, привыкший вести культурный образ жизни, поэтому должен был иметь хороший ужин — в комплекте с вином, мясом и салатом, по крайней мере, раз в неделю, даже если ему придется брать деньги в долг» [Натхо, 2018, с. 161].

В художественном арсенале К. Натхо такого рода кросс-культурных примеров немало. Но все же над ними всеми в количественном отношении доминируют истории про сильнейшую «инерцию этнического», означающую в сознании эмигрантов постоянное томление по исконной родине, по «кавказскому детству, по запахам национальной кухни».

О кухне. Согласно этнологическим исследованиям Г.Д. Гачева, у каждого народа на земле, при всем многообразии кулинарных композиций, всегда имеется некое «титульное блюдо», которое может быть прочитано и как культурологический текст. С этой точки зрения сам ученый проинтерпретировал «русские блины», «гамбургер» американцев, «макароны» итальянцев, еврейскую «мацу» и др. В приведенном гастрономическом ряду находится и общеадыгское, черкесское блюдо «гедлибже» — курица в сметанном соусе. Писатель показывает приверженность своих этнических соплеменников, живущих за границей, к блюдам из мяса домашней птицы. Эмблематичным в данном контексте выглядит эпизод из «Воспоминаний», где шестеро адыгских «ученых мужей», взяв за экономическую единицу» одну курицу, обсуждают вопросы социального благополучия в разных странах: «Для того, чтобы есть курицу

каждый день, твоя семья должна иметь 364 курицы. В те дни (советское время — *К. Т.*) даже колхозные и государственные фермы в округе не имели 364 кур» [Натхо, 2018, с. 169].

Все эти описанные нами интертекстуальные, поликультурные явления в полной мере обнаруживают себя также и в малых жанрах прозы писателя, в частности, «Старых и новых преданиях Кавказа» (*Old and New Tales of the Caucasus*). Автор был очень благодарен издателям «Гарри и Роману», которые в 1969 г. «в Нью-Йорке помогли ему опубликовать эту книгу» [Натхо, 2018, с. 220], написанную с целью весь мир познакомить с фольклором кавказских народов, транслировать молодежи ценности морально-духовного порядка. Язык сказок — американский вариант английского языка. Сборнику предпослан текст посвящения: «To my dear wife Anne, who always enjoys listening to my endless stories of the Caucasus» (Моей дорогой жене Анне, которая всегда с наслаждением слушает мои бесконечные рассказы о Кавказе) [Natho, 1969, с. 3]. Композиционно книга состоит из небольшого Введения и семи авторских сказок. На русский язык все тексты переведены Фатимет Хуако.

В предыдущей главе мы отметили, что Г.Д. Гачев считал Америку «страной тинейджеров» [Гачев, 2008, с. 184]. Поддерживая и развивая мысль Гачева, подчеркнем, что полной противоположностью данного «возрастного» культурного кода является Кавказ — географическая точка, где, наоборот, абсолютизируется приоритет «аксакалов» — представителей старшего поколения. При знакомстве со сборником сказок складывается впечатление, что К. Натхо выступает в роли примирителя, своеобразного парламентаря, который органично соединяет в текстах восточное и западное, старое и молодое, архаичное и инновационное. Эти кросс-культурные качества проявляются в выборке персонажей, художественных образов, конфликтных моделей, языковых средств.

О своем эстетическом принципе «культы старости» автор заявляет с первых страниц сборника, озаглавливая текст Введения словосочетанием

«Old Hatoukh» («Старый Хатух»). В данной номинологии усматривается дань своим предкам, традиционной черкесской культуре и даже малой родине писателя, судя по созвучию двух слов «Хатух» и «Хатрамтух».

Важна и авторская характеристика героя, который изображается как человек с «возвышенным духом», «колоссальной физической силой», «благожелательным выражением лица», «умными голубыми глазами», «непревзойденной мудростью». Несмотря на свой «столетний возраст», Хатух работает «ночным сторожем сельской фермы, является знатоком и восхитительным рассказчиком древних историй» [Natho, 1969, с. 3].

После того, как автор подобными высокопарными выражениями воздал дань уважения старцу, он «включает» в себя американца и полностью переводит внимание на «тинейджеров» — адыгейских ребят, которые целой ватагой после школьных занятий бегут к «дедушке Хатуху», чтобы в очередной раз послушать его диковинные истории. При этом автор всегда использует местоимение «мы», давая понять, что он сам тоже является живым свидетелем и участником «сказковедческих уроков» почтенного старца.

«Американское» начало сказки проявляется и в том, что старик не может просто так начать рассказывать, перейти к своим повествованиям. Он сначала устраивает целое «шоу», пытаясь выяснить, кто же из мальчиков не сегодняшний день «самый быстрый», «самый прыгучий» или «самый сильный в борьбе». С возгласами «You are a champion» определяется лидер, триумфатор дня, которому и дается право выбрать из богатого фольклорного репертуара старика любимую историю. Автор страноведческой книги «Эти странные американцы» С. Фол с нотками юмора пишет: «Американцам очень важно быть самими-самыми. Победа — основа американской психологии». И далее со ссылкой на футбольного тренера В. Ломбарди, автор уточняет: «Победа — это не самое главное. Это единственное главное» [Фол, 1999, с. 97].

«Первый признак рассвета» («The First Sign of Dawn») — так называется первая сказка в анализируемом сборнике. В ней содержатся несколько важнейших культурных смыслов на тему цивилизационных пересечений Запада и Востока, взвешенного отношения к традиционным и инновационным ценностям, жизни и смерти.

Лейтмотивом сказки является универсальный, известный во всем мировом фольклорном пространстве сюжет о том, «почему раньше стариков сбрасывали с горы». Данный сюжет настолько популярен, что он входит в знаменитую классификацию сказочных сюжетов Аарне-Томпсона под определенным номером. Суть натховской версии заключается в том, что старику Бадиноку пришло время уйти из жизни. По этому поводу, как было принято у шапсугов, устраивается пир на весь мир: режутся жертвенные бараны, готовятся ритуальные блюда, поются оды в честь героя. Ожидаемая смерть воспринимается не как трагедия, а как красивый, закономерный обычай проводов достойно прожившего свою жизнь в мир иной. В разгар праздника на пир является «всешапсугский» князь Дзепш, который торжественно объявляет о том, что свою единственную и любимую дочь он отдаст замуж за того, кто утром следующего дня первым заметит на небесах первые знаки рассвета и объявит об этом толпе, собравшейся на дворцовой площади.

По сюжету, амбициозный по своей природе сын старика (Камби) «был крайне заинтригован обещанием князя, вследствие чего сильно торопился поскорее выполнить свою миссию — сбросить отца со скалы и поучаствовать в конкурсе на первое лицезрение завтрашнего рассвета». Проницательный отец, по лицу прочитавший причину нервозности своего сына, обращается к нему с таким монологом: «Сын мой, ты можешь сбросить меня сейчас со скалы так, как я это сделал с твоим дедом. Но прежде, чем ты сделаешь это, послушай моего совета. Когда пойдешь на объявленное собрание ждать рассвета, ты увидишь, что каждый наблюдает за Востоком. Не присоединяйся к ним. Посмотри в противоположную сторону, на Запад, в

направлении неба. Когда ты увидишь облака, частично освещенные, объяви о том, что ты увидел первый признак рассвета» [Natho, 1969, с. 6].

Логическим завершением данной сюжетной линии является то, что молодой человек, ошеломленный гениальным умом, прозорливостью своего отца, передумывает сбрасывать его со скалы, тайком возвращает к себе домой и прячет на чердаке как ценного, мудрого знатока ответов на все бытийные вопросы.

Отдельного внимания заслуживает анализ фрагмента о «первых признаках рассвета». Автор весьма подробно описывает как «ночью Камби присоединился к своим шапсугским соплеменникам, собравшимся перед дворцом. Как предсказал отец, все дружно стояли лицом на восток. Он же развернулся строго в обратном направлении и начал пристально наблюдать за облаками, плывущими высоко в западном небе. Спустя какое-то время он обнаружил сквозь сумрак раннего рассвета полосу красного света на облаках» [Natho, 1969, с. 6] и торжественно объявил об этом всем присутствующим. Весьма символично звучат хвалебные слова князя, который по достоинству оценивает интеллект юноши, который, преодолев стереотипы прямолинейного мышления, пришел к оригинальному «решению искать первый признак рассвета в западном направлении в то время, как все остальные делали это в противоположной стороне» [Natho, 1969, с. 7]. Таким образом, сын Бадинокко выигрывает главный «приз» — дочь князя и безмерно счастлив по этому поводу.

Проблема взаимовлияния восточной и западной цивилизаций всегда вызывала и продолжает вызывать интерес многочисленных ученых и художников. Среди них — В. Радлов, Н. Марр, Ф. Эрдман, В. Струве, Н. Конрад, И. Крачковский и многие другие. Из художников, в первую очередь следует назвать британского писателя-неоромантика Редьярда Киплинга с его знаменательными строками «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вовеки им не сойтись!» [Киплинг, 1989, с. 275]. Особый взгляд на указанную проблему озвучил казахский поэт Олжас Сулейменов,

отметивший, что «нет Запада и Востока, есть только восход и заход Солнца» [Сулейменов, 1976, с. 62].

Полагаем, сам К. Натхо неоднократно думал о своем месте в истории мировой культуры, о категориях «запад» и «восток» в художественном сознании кавказских писателей, о взаимосвязи этой дихотомической пары в его индивидуальном творчестве. Полагаем метафорическое умозаключение старика Бадинок о том, что первые признаки «восточного рассвета» можно увидеть, если посмотреть в обратном направлении на Запад, было концептуально весьма близко мировоззрению самого адыгейско-американского писателя (Натхо), который с юных лет был способен прозревать восточное в западном и западное в восточном. Человек, которому довелось жить в ряде европейских стран (Австрия, Италия) и восточных (Турция, Иордания), а также на территории многоликого Кавказа, естественно, обладал достаточно широким сознанием и воочию видел бесконечные интертекстуальные переключки между культурными артефактами и духовными ценностями Востока и Запада.

Метафора «первые признаки рассвета» в анализируемой сказке характеризует саму суть цивилизационного прогресса в «шапсугском обществе», где люди перестали истреблять стариков, научились уважать их, адекватно воспринимать их ценные уроки. То, что сделал Камби (не сбросил в пропасть отца) — это был Вызов социуму. А. Тойнби пишет: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [Тойнби, 2002, с. 126].

Второй важный вопрос, который решается в указанной сказке, связан с эстетикой смерти. Бадинок в одном из своих ретроспективных рассказов воспроизводит стародавние времена, когда «черкесы были бессмертны». После достижения ста лет, их тела начинали развиваться в обратную сторону в направлении младенческого возраста, постепенно обретая при этом качество ребенка и заставляя окружающих удовлетворять их инфантильные

нужды. Неуклонный процесс минимализации, редукции продолжается до эмбрионального размера, до зародышей, которых надлежало помещать внутрь тыквы. Сами тыквы развешивались по стенам домов и приходилось ждать, «пока крохотные тельца, превратившись в тонкую энергию, улетят в небеса» [Natho, 1969, с. 8]. Как показывает автор, переизбыток «бессмертников» сильно усложнял жизнь молодых людей, которые обязаны были уделять постоянное внимание своим многочисленным прародителям. В итоге, лучшее, что человечество придумало, это сбрасывать стариков со священной горы.

В художественной интерпретации К. Натхо, мудрому старику Бадиноку, великий Князь в виде исключения за его мудрость готов был даровать бессмертие и право миновать участи быть сброшенным со скалы. Но герой не принимает такого дара и добровольно уходит из жизни. На наш взгляд, сильной стороной сказки «Первые признаки рассвета» является иллюстрация автором на фольклорном материале целесообразности философского закона «отрицание отрицания», согласно которому процесс развития носит поступательный характер: все старое естественным образом должно отмирать, уступая место новому и так до бесконечности. Это правда и объективный закон бытия всего органического мира, который образным языком поведал миру Кадыр Натхо.

При чтении сказки «Первые признаки рассвета» обращает на себя внимание используемая автором практика занимательной этимологизации архетипических антропонимов с точки зрения адыгейского (черкесского) языка. Приведем несколько примеров: «Зевс» — Дза Еовс, что значит «строитель оружия». «Титан» состоит из двух греческих слов, означающих «отец» (тиат) и «мать» «тиан» и др. По мнению К. Натхо, «Каф Кауз» — черкесская версия слова «Кавказ» и означает она на языке адыгов «пост проводника». Подразумевается, что путники, возвращающиеся домой, в качестве ориентира использовали снежную вершину Эльбруса, которая виднелась вдалеке и высоко над горизонтом».

В примечаниях к сказке К. Натхо приводит трактовку и самоназвания черкесского народа «адыги». Он расщепляет данный этноним на две части А-Дига и предполагает, что «на ранней стадии черкесы поклонялись Солнцу и восклицали: А, Дига! Из-за этого они получили свое собственное имя Адыга, означающее «Почитатели солнца» [Natho, 1969, с. 10]. Подобные интерпретации (включая этнографа Г. Рогава) существуют в пространстве фольклорной этимологии и в целом они органично вписываются в языковой мир фольклорной поэтики.

«Скала Кунчука» («Konchuk s Cliff») — так называется следующая сказка К. Натхо. По своим жанровым признакам она может быть отнесена к типу романтических сказок, в которых любовь провозглашается как самая высшая ценность во всечеловеческой аксиологической картине мира. При этом К. Натхо, в свойственной ему художественной манере, обозначая топос, пишет не о «тридевятом царстве в тридесятом государстве», а конкретизированно описывает поликонфликтную ситуацию между древней Черкесией и Азовским княжеством.

Первопричиной конфликта становится алчность, жадность, самомнение человека, в данном случае Азовского князя Кунчука, который прибыл в гости к черкесам и на празднике, организованном в его честь, и увидел Прекрасную Нафисет — «средоточие красоты, сверкающей подобно луне среди звезд [Natho, 1969, с. 11]. Восхищенному богатому иностранному гостю окружающие тут же дают понять, что девушка уже засватана и официально является невестой храброго рыцаря по имени Кунчук.

Азовского князя, убежденного в том, что «все на свете можно купить, даже любовь», данное извещение никак не смутило и он решает покорить сердце красавицы драгоценными подарками — наутро к ее дому караванами было доставлено «много рулонов вельвета, парчи, бумажной ткани в рубчик, китайского шелка» [Natho, 1969, с. 11].

Дальнейшую динамику сюжета определяет тема предательства: ближайший друг Кунчука, подкупленный Азовским князем, входит в доверие

девушки и под видом умыкания ее в желанный дом возлюбленного, на самом деле, передает ее группе чужестранных всадников, которые «со скоростью молнии» пересекают степь и доставляют ее во дворец навязчивого князя.

С этногендерной точки весьма ценны страницы, посвященные описанию мужества женщины, которая, поставив на алтарь жизни любовь, несколько ночей обороняется от ненавистного мужчины при помощи своего «маленького кинжала», угрожая князю при малейшей попытке приблизиться к ней «проткнуть себе горло» [Natho, 1969, с. 12].

Далее следует описание ожесточенных батальных сцен возле княжеского дворца, где завязывается кровопролитный бой между «шестью сотней азовских воинов» и «тридцатью кунчуковскими всадниками» [Natho, 1969, с. 14]. Эпичной выглядит финальная картина, где Кунчук и Нафисет, потерявшие в ожесточенной битве всех своих верных союзников-односельчан, оказываются на вершине высокой скалы, наподобие морского утеса. Читатель сказки может оценить благородство мужчины, который в экстремальный момент предлагает своей любимой женщине (в одиночном порядке) сдаться врагам и тем самым спасти свою жизнь. Но сами художественные законы столь высокоэпического текста «не позволяют» сделать этого героине. В итоге адыгейские «Ромео и Джульетта», крепко взявшись за руки, бросаются со скалы вниз «в штормящие морские волны» [Natho, 1969, с. 14].

С этнокультурной, кросс-культурной точек зрения здесь важно посмотреть на символику финала. В мировой литературе много произведений, где добровольная физическая кончина юноши и девушки знаменуют абсолютную ценность любви. Достаточно вспомнить многочисленные ближневосточные поэмы, трагедии, сказки с антропоцентричными названиями, типа «Тристан и Изольда», «Лейла и Меджнун», «Бузджигит и Зулейха», «Шахстане и Гариб», «Тахир и Зухра», западноевропейские «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта», «Гамлет и Офелия» и многие и другие, где герой и героиня в знак протеста против

условных «Монтекки и Капулетти» добровольно уходят из жизни. По Ю. Бореvu, высшим смыслом трагических концовок является «расширение возможностей человека, разрыв тех границ, которые исторически сложились, но стали тесными для наиболее смелых и активных людей, одухотворенных высокими идеалами. Трагический герой прокладывает путь в будущее, он взрывает устоявшиеся границы, он везде на переднем крае борьбы человечества, на его плечи ложатся наибольшие трудности» [Борев, 1988, с. 77].

Анализ концовок всех такого рода лиро-эпических народных поэм и авторских драм, в полном соответствии с триадной концепцией Г.Д. Гачева «Космо-Психо-Логос», может показать, насколько финальные сцены ухода из жизни влюбленных героев детерминированы Космосом (в гачевском понимании), т. е. ландшафтом, биосредой, экосистемой. Показательно, что шекспировские герои Ромео и Джульетта выпивают яд из склянки, то есть вспомогательным средством их ухода в потусторонний мир становится некая жидкая субстанция (яд). В карачаево-балкарском фольклоре бытует историческое предание о том, как в период нашествия полчищ Хромого Тимура на Кавказ семеро сестер, взявшись за руки, бросаются со скал в глубокое ущелье, лишь бы не стать жертвами иноземных захватчиков. Кстати, среди микротопонимов Кабардино-Балкарской республики до сих пор сохранилось название географического объекта — «Къязан кетген къызла» («Девушки, сбросившиеся со скалы»). Думается, в целом на всех кавказских литераторов при выстраивании локуса действия решающую роль играет Главный Кавказский хребет, в разной степени касающийся территориальных владений каждой из северокавказских республик. Но на Кавказе есть и два моря — Черное и Каспийское, которые также в концептуализированном виде входят в структуру литературных произведений. Как мы видим по анализируемой сказке «Скала Кунчука», для художественного сознания К. Натхо органичным оказался синтез двух природных стихий — горного и морского.

Одной из самых интересных и оригинальных по постановке острофилософских проблем является сказка **«Бораз и Гошмаф» («Boraz and Goshmaf»)**. Ее анализ начнем с того, что черкесским коллективным разумом издревле в рамках народной этики прописан каждый миг, каждый шаг индивида в социальной жизни: как себя вести дома, в семейной жизни, со старшими, с младшими, с противоположным полом, с коллегами; на празднике, на свадьбе, на похоронах, в гостях; что делать в той или иной затруднительной ситуации и т. д.

Кабардинский культуролог и философ Х.Г. Тхагапсоев в своей монографии «Поликультурное пространство Российской Федерации» данной проблеме народной экзистенции посвятил целый раздел под названием «Кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации». Касаясь конкретно черкесов, он считает, что вся социально-коммуникативная практика черкеса подчинена законам так называемой лектонической цивилизации (от слова «лектон» /лат/ус — изреченное). Ученый пишет: «Данный тип коммуникации тем и характерен, что, как бы компенсируя отсутствие писанных законов, общими усилиями всего социума непрерывно переводит регулятивные потенции «горских кодексов (хабзэ, намыс, адет, нумус) в операционально-функциональную деятельность социума и индивида. Более того, ритуализированный характер данного типа коммуникации в значительной мере восполняет отсутствие письменности» [Поликультурное пространство Российской Федерации, 2012, с. 66].

К названной работе можно добавить и фундаментальный труд кабардино-черкесского этнолога Б.Х. Бгажнокова «Адыгская этика», где системно и поэтапно рассмотрены все структурные компоненты традиционной соционормативной культуры, в числе которых человечность, почтительность, разум, мужество, честь, совесть, репутация, в подтипах еще описываются и такие моральные принципы, как долг, благотворительность, чувство меры, самоуважение, доблесть.

Автор настолько стремится быть всеохватным, что в свой каталог включает и всевозможные другие этические маркеры, которые можно назвать «безэквивалентными» в стихии русского языка. Это такие экзотично звучащие выражения, как «тэмакъ кІыхъ» («длинное горло», означающее сдержанность в проявлении гнева), «псапэ» (благое дело во имя спасения души), «гукъэкІ» (нравственное воспоминание) и др. [Бгажнокова, 1978, с. 96].

Но практическая жизнь показывает, что реальных нестандартных историй намного больше и они чаще всего не попадают на страницы научных этнологических и этнографических изданий. Ученые стыдливо обходят их стороной, в отличие от писателей, которые оказываются намного смелее и не боятся выставить на всеобщее обозрение «неудобные, неприличные проблемы». В мировой литературе одним из таких художников следует считать колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса, лауреата Нобелевской премии. В своем романе «Сто лет одиночества» он перечисляет все виды «грехопадений» потомков Адама и Евы, которые чреватые концом света (война, забвение родных языков, экологические коллизии, десакрализация Бога, дефицит любви). При этом на первое место он ставит такой человеческий порок, как «инцест», «кровосмешение».

В самом начале романа главный герой Хосе Аркадио Буэндия весь свой род и потомков предупреждает о табуированности близкородственных браков. По сюжету маркесовского романа, представители шестого поколения Аурелиано и Амаранта нарушают табу, в результате чего у четы рождается ребенок с пороссячьим хвостиком и следом происходит Всемирный потоп и наступает Конец света. Вдумчивыми читателями и критиками названный роман справедливо назван «романом предупреждения» [Кучукова, Берберова, Хадзиева, 2023, с. 105].

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что К. Натхо первым в адыгейскую (черкесскую) литературу ввел тему инцеста, как антропологическую проблему. «Бораз и Гоцмаф» — так называется его

рассказ (предание), где весьма оригинальное преломление обретает данная проблема. Сразу отметим «технические» характеристики произведения. Сюжет его носит ярко выраженный бинарный характер. В нем присутствуют две параллельные линии — мужская и женская. Другая особенность текста — его отягощенность двумя ретроспективными историями, которые как будто зеркально глядятся друг в друга. Местом действия является Кавказ (Адыгея), время действия — период Кавказской войны с хронологическими интервалами между «прошлым и настоящим» в десять лет.

Повествование начинается с того, что самый доблестный герой Черкесии Бораз впадает в глубокое уныние, разочаровывается в жизни, полностью изолируется от людей. Огромная толпа поклонников Бораза уже вторую неделю сидела у его ворот, жаждала его счастливого вызволения, но все было тщетно. Мужчина хотел уйти из жизни и причину его необычного поведения никто не знал.

По сюжету, путь к сердцу отшельника, нацеленного на «уничтожение собственной бесцельной жизни» [Natho, 1969, с. 16], находит столетняя женщина, по имени Гоцмаф. Из-за уважения к ее возрасту двери своего дома он открыл, но оставалась еще более сложная задача, связанная с тем, чтобы он ей открыл и свою душу.

Далее Гоцмаф действует как тонкий психолог, даже психотерапевт, умело чередуя различные способы воздействия. Сначала она вызывает к его сыновней, мужской чести, требующей с уважением выслушать слова женщины, которая годится ему в бабушки. Пытаясь достучаться до его рыцарского «подсознания», она первым делом прибегает к поговорке с иппологическим содержанием: «Даже заимствованная лошадь дарится должнику ради женщины!» [Natho, 1969, с. 16]. Далее для Гоцмаф важно было подчеркнуть свое желание быть единомышленницей страдальца, ее готовность вместе с ним искать путь к спасению из ловушки, в которой тот оказался. Поэтому она адресует ему следующий посыл в виде народного изречения «Одна голова может быть мудрой, но две головы иногда мудрее».

Эти слова подействовали на Бораза отрезвляюще, он окончательно убеждается в том, что Гошмаф — не оппонент его, а союзница. И, наконец, вершиной ее коммуникативного успеха в беседе с глубоко травмированной личностью становится момент, когда она «vice versa» кардинально меняет статусы и выставляет себя как пострадавшую, остро нуждающуюся в поддержке Бораза. Ее слова: «Я видела немало зверств войны, грабежей и резни. Страх, который я все еще испытываю из-за всего этого, все еще непередаваемо силен — сильнее, чем ты, можешь себе представить. Позволь мне излить этот страх. Ты — единственный, Бораз, кто сможет понять меня» [Natho, 1969, с. 16].

После этих слов «грубого и сурового мужчину» как будто подменили, и он сам добровольно начинает изливать свою душевную боль «подруге по несчастью». Суть его откровений заключается в следующем. Когда сыну исполнилось двадцать лет, Бораз решил своими подвигами больше не заслонять храбрые качества сына, дать ему возможность прославиться в народе. С этой целью он прерывает «свою приключенческую жизнь», пытается заняться мирными домашними делами. Однако такая размеренная, однообразная жизнь буквально «иссушала его изнутри». Тогда для встряски своего упаднического духа он, предварительно поговорив со своей всепонимающей женой Сурет, женится во второй раз на молоденькой принцессе Ундине, с которой приобретает столь необходимые ему «свежие силы, дух и радость» [Natho, 1969, с. 17].

Здесь в рамках кросс-культурных исследований следует чуть подробнее рассмотреть значение универсального архетипического образа «Прекрасная дама» в его адыгейском преломлении. Как известно, сам образ зародился в Средние века в западноевропейской культуре. Появилось целое направление рыцарей-трубадуров, которые выбирали себе из высшей знати некую Прекрасную Даму, посвящали ей свои воинские подвиги и воспевали ее в своих стихах и песнях. По мнению специалистов, образ женщины служил стимулом для постоянного самосовершенствования рыцаря, на

алтарь своей высокой любви он постоянно должен был возлагать подвиг за подвигом. Еще одна интересная деталь: первопричину появления образа Прекрасной Дамы теоретики средневековой литературы видят в том, что к этому времени в христианской картине мира на передний план выдвинулась фигура Девы Марии и именно с ней увязывается образ Прекрасной Дамы.

В анализируемой новелле К. Натхо мы видим адыгейский этно-маркированный вариант западноевропейского образа Прекрасной Дамы. Напомним, это был период Кавказской войны, вследствие чего Ундина отчасти из-за патриотических соображений и в то же время по природе своих женских амбиций требует от своего мужа побольше «героических подвигов».

«Изо дня в день она просила меня отправиться на войну. Она объясняла, что может меня любить, только видя мои героические действия ради нее и с ее именем на устах» [Natho, 1969, с. 18] — признается Бораз своей мудрой собеседнице. Судя по его дальнейшему рассказу, мужчина попал в крайне затруднительное психологическое положение: с одной стороны, по сложившимся в его национальной среде обычаям, он не должен был «состязаться в доблести со своим сыном», а с другой, ему очень сильно хотелось доказать любимой молодой жене, что он — настоящий герой, крепкий духом и телом, способный на великие подвиги ради нее.

Дальше по рассказам Боразы, разворачивается история, которую можно назвать «подвигом ради подвига», поскольку романтически настроенный рыцарь поставил себе цель — «попасть в замок князя Тмутараканского на реке Дон, убить его и принести его золотую саблю любимой Ундине» [Natho, 1969, с. 18]. Такой набор псевдоромантических клише показывает абсурдный характер первоисточника многих несчастий, когда из-за женских капризов гибнут молодые люди.

Кульминационным в рассказе становится момент, когда счастливому Боразу, чувствующему себя триумфатором после овладения саблей Тмутараканского князя, неожиданно преграждает путь группа вооруженных всадников. Итогом словесных перепалок стало решение биться «один на

один». Со стороны всадников выходит молодой рыцарь, и они с Боразом, как два равнодостойных соперника, сражались целый час. История Боразы заканчивается словами: «Мой враг был мертв. Перед тем, как я снова сел на лошадь, мое сердце потребовало от меня взглянуть на лицо этого доблестного рыцаря. Я вернулся и приподнял его шлем. Это был мой сын!» [Natho, 1969, с. 18].

Печальная исповедь Боразы завершается тем, что он перевез тело родного сына к себе на родину, похоронил его под дубом во дворе. Логические выводы, которые проистекают из его рассказа, сводятся к следующим дидактическим принципам: во всем должно быть чувство меры, старость нужно уважать, гордыню следует умерить, потакание капризам молодых женщин чревато трагедиями. И, наконец, самый главный вывод: войны по сути своей несут только горе народам и каждому отдельно взятому человеку. Война — настолько многоликое, страшное и переменчивое в своих направлениях Зло, что ее смертоносное дуло неожиданно для отца может оказаться нацеленным на собственного ребенка, как и случилось в трагической истории с черкесским рыцарем.

Далее настает черед столетней женщины-адыгейки по имени Гоцмаф рассказать свою историю многострадальному Боразу. Ее история также тематически связана с трагедией Кавказской войны (1763–1864). В духе русских кавказоведов уровня Л.Н. Толстого здесь повествуется о зверствах войск Царской Армии на территории современной Адыгеи: «Они убили многих наших жителей, обстреливали наши дома. Наши силы начали истощаться, и тогда мы побежали прочь в ближайшие леса. Там я внезапно вспомнила, что оставила дома своего маленького сына» [Natho, 1969, с. 19]. По сюжету, обезумевшая от горя мать кидается искать своего семилетнего мальчика и вскоре обнаруживает его бездыханное тельце «на остроконечном шесте изгороди». Благодаря искусной целительнице, ребенок остался жив, «но на его спине сохранился глубокий шрам» [Natho, 1969, с. 19].

Через несколько лет случилась еще одна, гораздо более ожесточенная атака, в результате которой большинство жителей аула погибли, оставшаяся часть была захвачена в плен. Среди пленниц оказалась и Гошмаф, которую выкупил богатый, знатный русский помещик, у которого кавказская горянка стала работать в качестве горничной. Благородный мужчина, высоко ценивший «честность и набожность» своей работницы, с самыми добрыми побуждениями захотел помочь ей создать полноценную семью и выдал ее замуж за своего молодого слугу черкесского происхождения, который говорил по-русски, но «знал несколько слов диалекта своей матери [Natho, 1969, с. 20].

По рассказу Гошмаф, она в своем супруге всячески поддерживала интерес к родному языку, обычаям, «традиционной черкесской сдержанности». Прошли годы, у гармоничной пары подрастают трое «прекрасных мальчиков». Далее по сюжету, глава семейства серьезно заболевает, ему следовало искупаться в ванне с целебными травами, жена вызывается помочь, он сначала, как истинный гордый кавказец, отказывается принять эту помощь. Но настойчивая жена все же принимается мыть своего супруга и в совершенно шоковом состоянии на его спине обнаруживает крупный шрам, по которому она узнает в нем собственного сына, с которым из-за войны она была разлучена изрядное количество лет.

В мировой культуре, в кинематографическом искусстве, в фольклоре разных народов можно встретить множество аналогичных историй людей (детей), которые в результате трагических обстоятельств были разлучены и по каким-то сохранившимся знакам (медальон, колечко, браслет, особый шрам) через много лет узнают друг друга. В ряду этих историй находится и рассказ К. Натхо, отличающийся экстраординарной, непоправимой проблемой, связанной с инцестом. Ни в одном из «лектонических предписаний», ни в одном из кавказских этикетных сводов не прописаны руководства к действию невольных фигурантов кровосмешения.

Их первым порывом было самоубийство как способ раз и навсегда покончить со всеми трудностями. Однако от этого шага их уберегло чувство ответственности за детей. Второй шаг — обращение к представителю духовной инстанции. В рассказе К. Натхо указывается Шоген, но до конца остается непоясненным, это служитель мусульманской религии или христианской, поскольку «шогенами» в домусульманскую эпоху в черкесском мире называли православных священников.

То, что не прописано ни в адыгейской этике, ни в общекавказской нравственной философии насчет инцеста, устами своего героя-священнослужителя, пытается донести К. Натхо следующими словами в адрес «невинно виноватых» соучастников греха: «Разорвите брачные отношения, живите вместе и доносите до детей все, что даст вам Бог. Что прошло, то в прошлом. Нет расплаты, которая могла бы стереть этот проступок. Но вы должны растить детей. Позвольте им иметь чистую совесть, избавив их от ужасной правды. Благородный Бог простит вас и даст вам силы стоять лицом к жизненным обстоятельствам. Избегайте грехов в будущем и учитесь жить с болями прошлого!» [Natho, 1969, с. 20].

Устами сказительницы Гошмаф данная истина была транслирована от священника к Боразу, который из всего услышанного и испытанного им самим, сделал единый жизнеутверждающий вывод о том, что следует жить дальше, «отпустив» то, что произошло не по твоей вине, и неся ответственность за то, над чем ты властен сегодня». Ключевое слово здесь — «ответственность» [Natho, 1969, с. 21].

По сюжету, Гошмаф и Бораз, обменявшись своими «зеркальными историями», самоисцелились, подружились и обрели душевный покой.

Прежде чем поставить «точку на анализе данного рассказа, считаем необходимым отметить ключевую философскую идею, на которой держится все повествование. Это константная для всего творчества К. Натхо идея разорванных исторических, культурных, фамильно-родовых корней, которые и становятся причиной страшных социальных явлений, наподобие инцеста

или непреднамеренного чадобийства. А если еще глубже заглянуть в причинно-следственные отношения процессов, то всему виной является война.

«Удача неудачника» («The Luck of the Unlucky») — так называется следующая сказка К. Натхо, написанная в художественных традициях плутовского романа. Допускаем мысль о том, что сказка была сочинена на одном из мастер-классов его американского учителя по литературным техникам Брюса Муди, который обучал своих подопечных «стилистике различных литературных жанров» [Натхо, 2018, с. 202].

Известно, что данная разновидность прозаического жанра впервые зародилась в Испании на стыке культурных эпох Возрождения и XVIII века. Исторические корни плутовского романа видятся «в распаде патриархальных связей, в кризисе гуманизма, социальные же корни — в появлении огромного количества деклассированных элементов в Испании, а затем и в других западноевропейских странах» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 749]. Сюжетно-композиционный строй плутовских текстов, как правило, определяется серией приключений главного героя, где он раз за разом обводит вокруг пальца доверчивых людей, и судьба никак его за это не наказывает. В роли главного героя обычно выступает человек лишенный родственных связей, сирота, сирота, бродяга, жертва войны или несчастного случая. Герой противоречив в том плане, что с одной стороны, он вызывает восхищение своей удалью и бесстрашием, а с другой — читательское осуждение из-за его аморальных поступков ради материальной выгоды.

Вся перечисленная нами «плутовщина» европейских экспериментов в американской культуре обрела свое специфическое преломление в виде «фронтирного фольклора» [История литературы США, том II, 1999, с. 387]. Ослабление философии пуританства, неумная жажда быстрого обогащения, отсутствие законов, культ силы привели к появлению в американском фольклоре «несколько главных типов: ловкий изворотливый янки, продувная бестия, хвостун из пограничной глухомани» [Литературная энциклопедия

терминов и понятий, 2003, с. 1155]. Специалист по истории американской литературы А.В. Ващенко к этому списку добавляет и таких типажей, как «краснобай, фантазер, сверхъестественный силач, твердый орешек, бахвал, пройдоха» [История литературы США, том II, 1999, с. 387], чьи истории постепенно складывались в единый жанр американских «небылиц» (tall tale).

«Удача неудачника» — оригинальный итог художественного эксперимента К. Натхо, который в небольшом тексте попытался соединить этнокультурные традиции американцев и черкесов. Сам заголовок сказки, построенный на стилистической фигуре оксюморона, размывает границы между реальностью и фантастикой, выглядит как парадокс и тем самым вписывается в жанровые рамки «небылицы».

«Американскость» сказки проявляется в огромном желании главного героя Пазада быстро и необременительно обогатиться. Бросаются в глаза также следующие паттерны американской антропоцентрической литературы: «Он искал волшебную формулу процветания», «он тайком вступил в соревнование с соседями» [Natho, 1969, с. 22], «у него был захудалый коттедж» [Natho, 1969, с. 23].

На кавказское происхождение автора «намекают» следующие элементы текста: «Пазад хотел приобрести новую черкеску и своего собственного коня», «Он взял свою астраханскую шляпу», «не пересекает дорогу женщине» и т. д. По некоторым признакам можно думать, что действие происходит на Кавказе, по другим — в Америке, такое смешение реалий позволяет квалифицировать «Удачу неудачника» как кросскультурное произведение, объединяющее два континента.

Биографический фактор («Пазад был сиротой») роднит героя с западноевропейских плутовских романов. Первый из трюков, который герой ловко проворачивает, связан с женщиной, которая недавно потеряла своего сына. Пазад, представившись посредником между «адам» и «небесами», вызывается помочь женщине переправить ее недавно умершего сына в сферу «парадайза» (рая). Простодушная, доверчивая мать с радостью и

благодарностью за услугу обманщику отдает пятьдесят золотых монет и столько же передает «сыночку на тот свет», одолжив необходимую сумму у соседки.

Сияющая и счастливая женщина о своей «удаче» рассказывает мужу. Тот, будучи не столь легковверным, как его супруга, на быстром коне с плетью в руках бросается догонять афериста. Пазад, заметив погоню, обманным путем у встреченного в поле пахаря забирает его плуг и изображает из себя невинного, честного землепашца. При этом он успел напугать пахаря словами: «Этот бешеный всадник поклялся убить всех лысых мужчин в мире. Я слышал о нем в деревне. Беги в лес, взбирайся на дерево, прячься и спасай свою шею. А я попашу здесь вместо тебя до тех пор, пока он не проскачет мимо» [Natho, 1969, с. 24]. Таким образом, искусный манипулятор честного пахаря заставил залезть на дерево, своего преследователя перенаправил к пахарю, укрывшемуся на дереве, сам же, пока двое невинных разбирались друг с другом, ловко ускакал домой на похищенной лошади с двумя мешочками золотых монет.

У плутовской сказки К. Натхо две логические концовки. Одна из них комичная, основанная на здоровой самоиронии мужчины, который дал плуту обвести себя вокруг пальца. На вопрос жены: «Где твой скакун и твоя плеть?», он, отчасти подыгрывая ей, и, отчасти смеясь над собственной наивностью, отвечает: «Этот бедный мужчина не мог бы достичь ада до заката. Он не успел бы передать нашему сыну золото. Поэтому я отдал ему моего коня и плеть и велел скакать быстрее, не упуская возможности достичь небес» [Natho, 1969, с. 25]. Вторая концовка исполнена в стиле «happy end»: «Пазад построил новый дом, женился на своей любимой, приобрел коня, черкеску и зажил счастливо» [Natho, 1969, с. 25].

Американско-кавказскими интертекстуальными переключками отмечена и следующая сказка К. Натхо, «**Шанс мальчика-пастуха**» («**The Shepherd Boy s Chance**»). Из кавказского здесь — географическое указание на место действия (под склонами Кавказа») [Natho, 1969, с. 30],

иппологические мотивы, культ коня. Американский налет чувствуется на актуализации образного поля «американская мечта» через следующие микрообразы — «конь его мечты», «мой шанс», «не прекращал мечтать», «хочу, чтоб этот конь был моим». В том же образном ряду находится и мелодия «Доблесть», которую на флейте играет юный герой, нацеленный на победу.

По сюжету, храброму, целеустремленному мальчику удастся заарканить желанного коня, взобраться на него. Какое-то время он находится на пике счастья, представляя, что он — рыцарь, стадо овец — его войско, лес — вражеский отряд. Однако в разгар победоносного сражения ветки сбрасывают мальчика с высоты летящего коня на землю.

В этот кульминационный момент перед глубоко опечаленным героем появляется Судьба в облике старой, доброй, мудрой женщины и преподает ему два важных душеспасительных урока. Первый — она обращает внимание на то, что мальчик во время падения с коня вывихнул плечо. Она его вправляет. Во-вторых, она пресекает мальчика, который все время причитал «Мой конь, мой конь!», со словами «Прекрати мечтать, сыночек! В этом мире больше нет ни одной такой вещи, о которой можно было бы сказать “мой”. Слово “наш” заменяет слово “мой” и никто больше не может обладать чем-либо» [Natho, 1969, с. 31].

Приведенный монолог старой женщины может иметь амбивалентную интерпретацию. С одной стороны, в этих противопоставлениях «единичное и множественное» может прочитываться концепция Соединенных Штатов — «единство множеств». А с другой, здесь содержится аллюзия на идеологию колхозного строительства в Советском Союзе, когда все индивидуальное отбиралось у частных собственников во благо общественного, коллективного. В пользу данной версии говорит и переводческий буквализм (Ф. Хуако) — «пастух коллективного хозяйства» [Natho, 1969, с. 30]. Подытоживая, можно сказать, что автор в этой сказке подчеркивает философскую идею о том, что «мы» — важнее, чем «я».

Нельзя сбрасывать со счетов и автобиографический дискурс при анализе данной сказки. Полагаем, текст написан в госпитале, где писателю была сделана серьезная операция на левом предплечье. Если с этой точки зрения читать сказку, то она обретает иносказательный смысл, связанный со сложной судьбой самого К. Натхо, который, казалось бы, благополучно решил все свои эмиграционные проблемы («поймал коня»), легко одолевал новые жизненные задачи («рубил лес»), но в результате несчастного случая сильно повредил левую руку. Таким образом, сказка «Шанс мальчика-пастуха» является интертекстуально «плотным» произведением, вобравшим в себя четыре тематические линии — идеология США, исторические реалии Советского Союза (колхоз), ностальгический кавказский лейтмотив и факт из автобиографии К. Натхо.

В такой же иносказательной форме написана сказка **«Бештау и Джинны»** (**«Beshtau and the Genies»**), двояко прочитывающаяся как с конкретно-исторической точки зрения, так и с общефилософской. Здесь наблюдается «взаимоналожение» культурных кодов, связанных с реалиями советской эпохи 1930-х годов, кавказского этномира («Кавказские горы, Бештау, Пятигорск, джинны, кинжал»), а также мотивами и чувствами писателя-эмигранта. В этом смысле К. Натхо можно назвать «писателем, творящим синтез между разными отсеками мировой культуры» [Гачев, 1995, с. 411].

Сюжетное ядро авторской сказки «Бештау и Джинны» составляет драматическая история о том, что молодой человек по имени Бештау, уроженец Кавказа, однажды сходил на вечеринку, где он провел прекрасное время с друзьями и «с хорошенькой Жансет», которая весь вечер играла на музыкальном инструменте [Natho, 1969, с. 27]. Юноша и так был безмерно счастлив, но на обратном пути домой ему суждено было на горной дороге встретить еще одно счастье в виде огромного «бриллианта размером с куриное яйцо» [Natho, 1969, с. 26].

Обрадованный герой приносит драгоценный светящийся камень к себе домой и прячет в укромном месте. Однако с этого момента начинается серийное нашествие на его дом «черных джинов», которые с угрозой убийства требуют отдать им найденное сокровище. Стойкий юноша долго до поры, до времени стойко держится, обороняется от злых низших сил при помощи своего кинжала. Но вскоре его силы иссякают, он от усталости под утро засыпает, но внезапно просыпается от сильнейшей боли, все вокруг оказалось охвачено огнем, «его черкеска и брюки пылали». На его крики прибегают домочадцы, соседи, помогают потушить пожар. Придя в себя, Бештау начинает искать свой бриллиант, но он бесследно исчез.

Нам неизвестно, был ли К. Натхо знаком с эстетикой «магического реализма» колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса (1927–2014), но в своих произведениях он нередко описывает «сверхъестественные аспекты» сакральной картины мира. В данном случае мы имеем в виду образ джинов. Это наименование духов в мусульманской религиозной традиции, где они подразделяются на добрых и злых, враждебно настроенных против человека. В своей автобиографической книге К. Натхо приводит несколько преданий о встрече его односельчан с джинами. А в одном случае описывает собственные впечатления от встречи с джином: «Как-то я упросил своих родителей взять меня с собой в город. Мы отправились в дорогу рано утром, когда еще было темно. Отдохнувшие за ночь лошади шли в хорошем темпе довольно долго. Вдруг они резко остановились, испуганно фыркая. Отец пытался заставить их идти дальше, понукая и подстегивая кнутом, но лошади стояли как вкопанные и не могли тронуться с места. “Должно быть, мы задели треножник джина”, — сказал папа, а мама начала шептать молитву. После молитвы путники миновали опасный участок дороги и двинулись дальше» [Натхо, 2018, с. 12].

Абсолютно в духе Габриэля Гарсиа Маркеса, адыгейский писатель в своей поэтике «магического реализма» от метафизического пласта переходит к историческому и пишет следующее: «Не знаю, насколько можно верить

слухам, но позже говорили, что некоторые черные машины, называемые “черными воронами”, заменили этих джиннов, когда большевики пришли к власти, свергнув царский режим. Однако они, в отличие от джиннов, появлялись в населенных пунктах вдруг ночью, спокойно останавливались перед домами влиятельных в обществе людей, без предупреждения и без всякого объяснения забирали их. Чаще всего эти люди исчезали бесследно [Натхо, 2018, с. 12].

Проведенный нами анализ показывает полисемантический характер истории с джиннами в сказке «Бештау и джинны». На самом «низовом» уровне джинны здесь остаются в народных верованиях и означают существ, которые охраняют сокровища и клады «древних Кавказских земель». На историко-политическом уровне конкретно, применительно к судьбе К. Натхо и его современникам черные джинны, отобравшие у главного героя сокровище, его бриллиант символизируют репрессивные силы страны, которые у многих оклеветанных, невинно осужденных советских граждан «отбирали Родину».

И, наконец, третью расшифровку финального образа, «пылающего в огне» Бештау — главного героя, мы связываем с внутренней болью эмигрантов, которые изнутри сгорали от тоски по родной земле.

«Среди оружейного грохота» («Between the Clash of Arms») — так называется седьмое по счету произведение, вошедшее в сборник К. Натхо «Старые и Новые сказки Кавказа» («Old and New Tales of the Caucasus»). По теме, по тональности, по жанровым характеристикам, оно сильно выбивается из всей подборки. В отличие от предыдущих текстов, изобилующих фольклорной образностью и чудесными мотивами, «Лязги оружия» полностью лишены мистики и сверхъестественного. Это реалистическое повествование о суровых днях оккупации Краснодарского края, Адыгеи, конкретно родного села К. Натхо немецко-фашистскими оккупантами.

Историческая ценность рассказа обусловлена фигурой повествователя — самого Кадырбека Натхо, который был очевидцем описанных событий в

пятнадцатилетнем возрасте. Это частный случай, проливающий свет на ход народной и даже всемирной истории во время Второй мировой войны, которая в разных географических точках по-разному проявлялась и преломлялась в трагических судьбах ни в чем не повинных людей. Здесь в рамках художественных параллелей кратко отметим, что одно из самых пронзительных произведений о духе сопротивления адыгейского народа фашистским захватчикам в 1943 г. создано Нальби Куеком. Это рассказ «Танец Мешвеза» [Куек, 2002], типологически близкий рассматриваемому тексту.

В анализируемом рассказе К. Натхо также воспроизводится достоверная, реалистическая картина военного времени с множеством подробных деталей. Место действия носит довольно замкнутый характер — это частное домовладение Исхака Натхо (отца писателя), временно превращенное в медсанчасть, куда доставлялись раненые советские бойцы с окрестных округов. Хозяйка дома вместе с дочерьми в большом котле варят кукурузный суп, в мисках разносят его раненым бойцам. На долю Кадырбека также выпадает много заботы — бегать к роднику за водой, на тачке привозить дрова из леса, доставать корм для кормилицы-коровы. «Зеркальное отражение доброты» — так можно назвать философию подростка, который убежден, что если он будет помогать выжить здешним солдатам, то и его старшим братьям — «Каплану и Аслану, которые с 1941 находятся в Красной Армии, кто-нибудь поможет в далеком краю» [Natho, 1969, с. 33].

Относительно спокойная, размеренная жизнь в доме Натхо неожиданно кардинально меняется в негативную сторону, из-за того, что немецкая сторона берет реванш и начинает обстреливать весь аул. Завязывается ожесточенная битва. Обилие «военной лексики» передает суть смертельно опасной атмосферы: «пулеметы на холме», «бомбежка», «взрывы пуль», «артиллерийские снаряды», «с именем Сталина». Автор воссоздает в рассказе «звуковой пейзаж» войны с помощью специальных фоносемантических сочетаний — «трр», «тттт», «тап», «тап», «тап».

В автобиографическом романе «В поисках себя» К. Натхо очень коротко без подробностей констатирует факт трагической гибели своей матери во время войны в собственном доме. В рассказе же «Среди лязга оружия» он воссоздает без утайки все объективные обстоятельства ухода матери из жизни. Из-за того, что дом Натхо обстреливался, по настоятельной просьбе матери, стар и млад, в том числе, и раненые, лежали на полу, ожидая окончания критического периода. В минуту затишья мать слышала жалобный голос русского солдата, который подобрался к окну и просил о помощи. Женщина, движимая материнским инстинктом, молниеносно выскочила во двор, но тут же на пороге была сражена вражеской пулей.

Дальнейшее повествование связано с тем, что вскоре из-за превосходящей силы фашистов, советские бойцы вынуждены были отступить. Дом Натхо теперь заняли немецкие оккупанты. Они заставили местных жителей в срочном порядке вырыть канавы, куда были сброшены все тела погибших. Смертельно раненная мать Натхо, так и не приходя в сознание, через сутки скончалась. Эмоционально очень сильно окрашены страницы, где рассказывается о том, как подросток Натхо про всю мусульманскую процедуру похоронного обряда спрашивает у отца (из-за болезни ног он самостоятельно уже не мог ходить), необходимые молитвы у изголовья усопшей прочитала соседка. Поскольку сельское кладбище в этот период оказалось «запретной зоной», мать писателя была похоронена «в саду, позади дома» самим Кадырбеком Натхо. По воспоминаниям друзей, автор испытал большое эмоциональное потрясение при написании данного рассказа о матери. Его слова — «вместо чернил я использовал собственные слезы» [Архив Тхакаховой К. С.].

3.2. «Легенда о великом похищении»: от войны к межкультурным контактам

Обзор всемирной истории человечества показывает вековечность конфликтов между людьми, борьбу, интриги, вражду, распри и войны самого

разного масштаба от локальных до глобальных. На рубеже XX–XXI веков усилиями современных отечественных и зарубежных ученых сформировалась самостоятельная научная дисциплина «Конфликтология», изучающая теоретические основы науки о конфликтах, сущность и динамику конфликтного противоборства, типологию конфликтов, пути разрешения конфликтных ситуаций. Весь комплекс этих вопросов изучается соответствующими специалистами в проекции на историю, философию, юриспруденцию, военное дело, социологию, этнологию, психологию.

На сегодняшний день издано множество учебников по вопросам конфликтологии. Среди них следует выделить труды А.Я. Анцупова «Конфликтология» (М., 1999), М.С. Вершинина «Конфликтология»: конспект лекции (СПб., 2000), Н.Ф. Вишнякова «Конфликтология: учебное пособие», (Минск, 2002), И.Е. Ворожейкина «Конфликтология: учебник» (М., 2000), Ч. Ликсон «Конфликт: 7 шагов к миру» (СПб., 1997) и т. д.

К этому следует добавить всевозможные психотренинги, игры, упражнения, а также культурные «ассимиляторы» этнического взаимодействия, разработанные ставропольскими учеными В.Н. Галяпиной и Т.В. Поштаревой в монографии «Этнопедагогические и этнопсихологические аспекты профессиональной педагогической деятельности» (Ставрополь, 2004).

В продолжение темы следует отметить, что не остаются в стороне от разработки проблем решения конфликтов и писатели, которые образным, художественным языком моделируют весьма приближенные к реальности конфликтные ситуации и пути их урегулирования. Одним из самых показательных произведений в этом отношении является «Легенда о великом похищении» К. Натхо.

Проблемно-тематическое поле указанного произведения имеет прямое отношение к событиям Кавказской войны (1763–1864), когда «продвижение Царской России к новым геополитическим границам сопровождалось столкновением различных культур, сильно отличавшихся друг от друга»

[Шебзухова, Берберова, 2015, с. 4]. Авторы процитированного нами источника, взяв за основу понятие «фронт» как термин и как историко-культурный феномен, сумели показать, как в результате усилий здравомыслящих сил с обеих сторон (русской и кавказской) данный термин вместо конфронтационной линии постепенно стал обозначать «пространство межкультурного взаимодействия, коммуникации различных идентичностей» [Шебзухова, Берберова, 2015, с. 9].

Русские писатели-кавказеды в лице А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.А. Бестужева-Марлинского, А.И. Полежаева, А.В. Дружинина в своих произведениях выстраивают действенный культурный мост между Россией и Кавказом, соединяют полярности, подчеркивают историческую важность евразийского диалога. У каждого из перечисленных выше авторов есть здравомыслящие герои-протагонисты, которые способны встать над противоречиями и думать «поверх конфликта» в целях «уменьшения несогласия» между противоборствующими сторонами. Все завышенные нами выражения принадлежат К.К. Султанову, который в своей монографии с примечательным названием «От дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог», рассуждая о трагедии Кавказской войны, и, обращаясь к литературным текстам с «обеих сторон», показывает наличие незаурядно мыслящих людей, способных мыслить «поверх взаимной неприязни» [Султанов, 2007, с. 114].

И один из них — легендарный и исторически достоверный персонаж Л.Н. Толстого Хаджи-Мурат в одноименном романе. Как отмечает К.К. Султанов, «сама судьба незаурядного горца парадоксально актуализирует идею бесперспективности затянувшегося насилия и, следовательно, неизбежности диалога, не только отталкивания, но и сближения культурных миров» [Султанов, 2007, с. 114].

С типологически сходной философско-художественной концепцией создана «Легенда о великом похищении» К. Натхо. Суть самой легенды

заключается в том, что черкесам, всем представителям кавказских народов уже было невыносимо лицезреть беспредел творимой на линии фронта жестокости. Самой одиозной фигурой в этом плане считался генерал Засс Григорий Христофорович (1797–1883), с именем которого были связаны суровые сцены Кавказской войны, беспощадное нарушение всякой военной этики. На этом фоне в фольклорном сознании кавказцев стали зарождаться полулегендарные истории о том, как горсточке отважных черкесов в отместку за злодеяния удалось похитить единственную, любимую дочь кровожадного генерала. Вот как об этом пишет сам К. Натхо: «Больше всего на свете в детстве я любил рассказы о нартах и подвигах героев Кавказской войны. На мой взгляд, лучшим рассказчиком был Хапатуко Тлебзу. Его яркое образное изложение истории, использование интересных подробностей, особое мастерство как повествователя, переносили слушателей во времена описываемых событий, делали их участниками батальных сцен. На всю жизнь запало мне в душу предание “Адыгэмэ инэрал Засс ипшъашъэ кызыэрахъхыгъар” (“Похищение адыгами дочери генерала Засса”), рассказанное Хапатуко. Я не раз слышал это предание и не только от него. Вариации мало чем отличались друг от друга, хотя имена героев, совершивших похищение, иногда варьировались, кроме одного — Харцизов Али» [Натхо, 2019, с. 5].

Писатель пытается дать ответ и на главный вопрос: «Было ли на самом деле такое похищение?» Его ответ: «Сейчас, на 92-ом году жизни с огромным житейским опытом, допускаю, что было такое похищение, и его совершали реальные герои черкесского сопротивления». Далее автор приводит исторически достоверные факты, когда горцами в целях прекращения войны похищались и более значимые фигуры, чем дочь генерала, к примеру, генерал-майор, наказной атаман Кубанского казачьего войска А.Г. Кухаренко или разведчик, барон Ф.Ф. Торнау. Пытаясь убедить скептиков, автор приводит русскую пословицу «Дыма без огня не бывает» и ее адыгский аналог «Без ветра и былинка не шевелится» [Натхо, 2019, с. 6].

Примечательно, что первоначальный вариант произведения был написан на английском языке и издан в США под названием «The great abduction» («Великое похищение»). Русская версия, выпущенная в свет в Майкопе в 2018 году, носит немного беллетризованный характер, дополнена несколькими новыми эпизодами и называется «Легенда о великом похищении».

Жанровую номинацию в данном случае считаем дискуссионной, поскольку произведение содержит в себе типологические черты как легенды, так и исторического предания. Как известно, легенда — это «жанр сказочной прозы, фантастически осмысляющей события, связываемые с явлениями живой и неживой природы, миром людей (племена, народы, отдельные личности)». Сюда подходит и следующая характеристика «легенды», имеющая отношение к «социально-утопическому мотиву текста», «мечте народа о справедливом общественном устройстве», «призыве к действию» и «фигуре избавителя от социальных бед» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 433].

В то же время «Великое похищение» можно назвать и преданием, поскольку это «жанр сказочной прозы с установкой на историческую достоверность». «Основное назначение предания — сохранять память о национальной истории». Тема предания всегда общезначима, конфликт — национальный либо социальный, персонажи — представители государства, нации, конкретных классов или сословий». Специалистами отмечается также «локальная приуроченность» действия предания к определенной территории», «концентрация событий вокруг исторических деятелей, представленных в идеальном свете», «наличие сводных, контаминированных сюжетов»; «прямая авторская характеристика главного героя в самом начале произведения» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 795].

Все приведенные нами признаки исчерпывающе характеризуют «Великое похищение» как род синтетического произведения, являющегося одновременно историческим преданием и народной легендой.

В своем «Предисловии к русскому изданию» К. Натхо дает ответ и на такой часто задаваемый ему вопрос: «Зачем ворошить прошлое?». Со ссылкой на статью сотрудника Психологического института Российской академии образования В.Н. Сокурова, он пишет: «Необходим катарсис (психологическое очищение) — повторное сжатое, насыщенное проживание прошлого. Для этого важно дать народу правдивую информацию, а не загонять вглубь последствия этнической травмы» [Натхо, 2019, с. 7].

«Поверх конфликта». Данное емкое выражение, использованное К.К. Султановым для характеристики повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», в точности подходит для обозначения основной философской идеи, анализируемой «Легенды о великом похищении».

В полном соответствии с законами жанра исторического предания, К. Натхо свое произведение начинает с характеристики главного героя. «Алецук Берзек — мужественный от природы, энергичный и инициативный молодой человек, воспитанный и закаленный в сражениях аталыком Тугужоко Кизбечем. Уже в юношеском возрасте он до того окреп физически и духовно, что представлял собой образец черкесского воина с развитым чувством ответственности, собственного достоинства, ведущий образ жизни в строгом соответствии с Адыгэ Хабзэ. Аталык брал его с собой на значимые народные собрания — хасэ, приучил его слушать, участвовать в обсуждениях и спорах. Все это способствовало расширению кругозора молодого человека, знаний о жизни, формированию навыков, так необходимых, чтобы убеждать и вести людей за собой, достойно представлять собой народ в других обществах. Когда юноше исполнилось шестнадцать лет, аталык подарил ему жеребца одной из лучших пород черкесской лошади бечкан [Натхо, 2019, с. 10].

Ключевым словом во всем приведенном фрагменте повести является термин «аталык». О широко распространенном на Кавказе феномене аталычества писали многие зарубежные и отечественные исследователи (И.Ф. Бларамберг, Ф.Д. де Монпре, Тебу де Мариньи, А.М. Гутов, Б.Х. Бгажноков и др.). Сам термин «аталык» в переводе с тюркского означает «заменитель отца». В своем труде «историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» И.Ф. Бларамберг отмечает, что черкесские князья имели обыкновение чуть ли не с рождения отдавать своих сыновей в чужой дом под покровительство аталыка: «он должен обучать, одевать, кормить своего воспитанника вплоть до того дня, когда тот должен быть возвращен в отчий дом, что, как правило, это бывает не раньше, чем он достигнет возмужания» [Бларамберг, 1974, с. 379].

Этнографы отмечают также, что возвращение воспитанника в родной дом «отличается большим праздником, на который приглашаются все родственники; после праздника аталык щедро вознаграждается и пользуется в семье своего воспитанника такой степени родства, которую никто не в силах подорвать» [Дюбуа де Монпере, 1974, с. 441].

На наш взгляд, социальная практика «аталычества» была крайне необходима многонациональному Кавказу для решения двух глобальных проблем. Во-первых, ранее отчуждение мальчика от родного дома и передача его в чужую семью способствовало его физической и духовной закалке без нежностей и гиперопеки кровных родственников, биологических родителей. Во-вторых, практика обмена детьми навсегда вырабатывала узы сверхбиологического родства между различными родами, фамилиями, социальными группами, сословиями, что в конечном итоге работало на уменьшение вражды и несогласия в этноколлективе, по сути, аталычество — это уникальный механизм миротворчества.

Кадыр Натхо очень подробно с пристальным вниманием к деталям, к этнокультурным реалиям описывает торжественную церемонию

возвращения воспитанника в свой родной дом. На протяжении всего повествования авторское внимание направлено на освещение двух тем — национального своеобразия адыгской культуры и форм **культурного диалога во** всем — между народами, поколениями.

Что касается репрезентации адыгской культуры, то автор с детальной проработкой описывает всю серию древних ритуалов, связанных с возвращением отрока, включая количество его сопровождающих, масти коней, одежду главного героя, одежду предводителя, поведенческие роли каждого участника церемонии, названия национальных танцев и блюд национальной кухни. Нижняя часть каждой страницы повести содержит множество всевозможных экзотизмов, типа «жоконан» — «жена аталыка, воспитывающего пура», «пур-воспитанник», «Инглиз» — Англия, «Батырбыф — Санкт-Петербург», «хатяко — распорядитель празднества», «тлепериш» — название народного танца», «халюж» — «традиционное блюдо адыгской кухни, готовится из теста с начинкой из сыра и зелени» и многое другое.

Здесь же видна и целеустановка населения на культурные диалоги. Ярким тому примером является сам факт, что мальчик из Убыхии воспитывался в Большой Шапсугии и в день совершеннолетия возвращается в отчий край, став «послом мира» между двумя княжествами, двумя фамильно-родовыми объединениями. Любой аталык — это человек транскультурного пограничья, как Алецук, который с рождения принадлежит одновременно не только двум породнившимся семьям, но и двум культурам — убыхской и шапсугской.

Если глубоко призадуматься над вопросами межкультурной коммуникации, то получается, что в древности транскультурные люди настолько высоко ценились, что их «специально выращивали», как в случае с главным героем анализируемой повести. Он с детства говорит на двух наречиях, он принадлежит двум народам, он — носитель двух субкультурных традиций, он — идеальный парламентар в случае

межэтнических разногласий. Монолингв, монокультурный человек работает на сохранение, развитие собственной культуры, в то время как билингв, поликультурный человек — на расширение границ интертекстуального пространства родного языка и литературы.

К. Натхо — та уникальная личность, для которого волей судьбы в метафорическом смысле «аталыком» стала Америка (а до нее — еще и Турция, Иордания), поэтому он, как писатель, всегда держат в голове два вектора — гипервнимание к реалиям родной культуры и одновременно сверхуважительное отношение к диалоговым моделям на уровне языка, кухни, танцев, песен и т. д. Ниже покажем несколько примеров, связанных с идеей «примирения непохожестей». Главой колонны, которая отправляется из Шапсугии в Убыхию, единогласно все назначают человека, который (помимо того, что он старший по возрасту), владеет всеми адыгскими диалектами, и вдобавок еще может свободно изъясняться «на турецком и русском языках» [Натхо, 2019, с. 15].

Второй пример. Как поэтизация всего мирного, гармоничного выглядит в повести национальный танец, где партнеры «синхронно исполняют несколько па, одинаковые по рисунку, но разные по характеру — мужскую и женскую партии. Двигаясь по кругу, они поменялись местами и повторили те же движения» [Натхо, 2019, с. 24]. Второй культурологический вопрос, который здесь поднимает автор: «Можно ли примирить религиозные и национальные традиции? Имеет ли право глубоко верующий мусульманин принимать участие в увеселительном мероприятии?» К. Натхо, придерживающийся принципа «золотой середины», на этот вопрос отвечает устами своего Эфенди Хаджи (священнослужителя — *К. Т.*): «Я и в рай не хочу, если там не танцуют!» [Натхо, 2019, с. 22]. То есть автор, изображающий религиозного сановника с открытым отношением к светским обычаям, считает, что национальная культура, в том числе, парные танцы, где соблюдаются принципы нормативного целомудрия, этики, не могут быть «противными Богу».

«Категорические императивы», случаи пересечения границ также не ускользают от писательского внимания. Коллективный «глаз народа» за прегрешениями строго следит. Ярким тому примером является случай, когда один из танцоров (Шеретлуко) в конце представления по-отцовски приобнял за плечи свою молоденькую партнершу и за этот неприемлемый жест был довольно строго наказан распорядителем танцев (хатияко). Он объяснил нарушителю, что «у нас, убыхов танцор не имеет право брать напарницу за плечи, разговаривать с ней! Нельзя даже задеть кончик ее платья или шарфа» [Натхо, 2019, с. 23].

Далее следует любопытная деталь этнокультурного характера: по приказу хатияко, музыканты играют «специальную песню нетанцевального характера в знак наказания за нарушение правил приличия в танцевальном круге» [Натхо, 2019, с. 24] и одновременно в знак назидания другим мужчинам. Завершается этот этикетный казус тем, что провинившийся танцор «дарит девушке отрез на плате, а ее родителям — породистого коня» [Натхо, 2019, с. 25]. Забегая вперед, отметим, что даже на этом простом, бытовом примере автор показывает, как народом была выработана система урегулирования конфликтов. В данном случае, конфликт разрешается выплатой предусмотренного штрафа «пострадавшей стороне» в лице танцовщицы.

Далее автор переходит к сложнейшей проблематике решения глобального геополитического конфликта, связанного с Кавказской войной. В силу своей художественной интуиции он, в полном соответствии с теоретиками, структурно выстраивает так называемый «треугольник конфликта», вбирающий в себя три стадии: «конфликтная ситуация», «эскалация конфликтного противоборства» и «нормализация отношений» (частичная или полная) [Лукин, 2007, с. 138].

«На пути к зрелости и лидерству» — так называется первая глава, где писатель выводит на литературную авансцену центрального героя Алецука Берзегга. Он стал тем «бурным гением», от которого зависел исход войны.

Полагаем, что на авторскую идею назначить молодого героя, практически «тинейджера» на роль главной фигуры в решении сложнейших политических проблем в регионе, повлиял фактор «американства» К. Натхо.

Примечательно, что до этого писатель успел показать сход аксакалов-стариков, которые также пытались найти способы и методы прекращения войны. Но «старые умы» ничего сверхъестественного, кардинально нового не могли предложить. Они высказывают много мудрых мыслей, но все их мысли носят умозрительный характер, типа «Наши горы, как могут, защищают нас, и мы должны отстоять их для последующих поколений» [Натхо, 2019, с. 26]. Или же в сотый раз поднимают вопрос о необходимости «научиться вести переговоры, и не только с русскими, но и с англичанами, французами, турками» [Натхо, 2019, с. 29]. Стариками предлагаются также идеи «противопоставить» огромному централизованному государству, возглавляемым Царем», [Натхо, 2019, с. 28] другое равновеликое «централизованное государство, когда объединятся адыги, убыхи, абазы и другие народы Кавказа» [Натхо, 2019, с. 27].

Всем этим глубоко гуманистичным по содержанию, но весьма абстрактным по реализации проектам «стариков», молодой ум Алецука Берзегга противопоставляет совершенно неожиданный, инновационный, даже экстравагантный план усмирения жестокого генерала и его верноподданных, «совершавших злодеяния, несовместимые с человеческими понятиями» [Натхо, 2019, с. 27]. Суть его плана заключалась в похищении самого дорогого, что есть у военачальника — его любимой, единственной дочери Катерины. С психологической точки зрения ход мыслей Алецука можно объяснить тем, что сам юноша сызмальства рос в отрыве от родных, в вечном томлении по родителям, поэтому он понимал подлинную важность семейных ценностей.

Мало-помалу инициативный, отважный и решительный юноша объединяет вокруг себя таких же бесстрашных единомышленников, готовых прорваться к военной крепости царского генерала под названием «Прочный

окоп» и похитить его дочь. Попутно считаем целесообразным отмечать некоторые моменты, характеризующие этнопсихологические особенности черкесов, связанные с понятием «святая ложь». К примеру, отправляясь на эту сверхопасную военную операцию, Алецук щадит чувства своей матери и не говорит ей правду, представляя дело таким образом, будто он отправляется в соседнюю Убыхию. Другой случай «святой лжи» также обусловлен заботой о ближних: находясь в гостях, Алецук кушать не хотел, «но оставался сидеть за столом, делая вид, что ест, пока старшие не насытились, поскольку отлично знал, что, если бы он — гость, прекратил есть, старшим пришлось бы сделать то же самое» [Натхо, 2019, с. 44]. Примечателен и другого рода обычай, обусловленный трагическими обстоятельствами войны. Автор пишет: «Погибших за Родину и веру, адыги не обмывали. Поэтому перед сражением или другим рискованным предприятием, где они могли погибнуть, они купались и надевали чистое белье, чтобы можно было, в случае гибели, похоронить, не обмывая» [Натхо, 2019, с. 46].

Следующую главу автор с легким ироническим подтекстом назвал «Не-Прочный Окоп или Похищение дочери генерала». Ирония заключается в том, что, предвосхищая все сложности военной разведывательной операции, К. Натхо «спешит» обрадовать читателя известием об успехах черкесских джигитов. Первую часть главы можно назвать «гимном коню», или точнее, черкесской породе «шолох». «Широкая мощная грудь, позволявшая этим животным дышать глубоко, сухие конечности и прочные копыта в форме чашки, не требующие для ходьбы и бега по каменистым горным дорогам подков, сухая и маленькая голова, длинная и мускулистая шея, прямая спина, резвость и неприхотливость в еде и выносливость — вот неполный перечень характерных качеств этого чудесного создания. Это были красивые лошади, устойчивые в ходьбе и беге, легко, как газели, передвигавшиеся по склонам гор. Они повиновались только своим владельцам, деля с ними любые

трудности, шли навстречу врагу и сражались, составляя со своим наездником единое целое» [Натхо, 2019, с. 47].

Автор не скупится на описание и телепатической связи между лошастью и его хозяином. Каждое движение животного воспринимается как знак, который «прочитывается» человеком. Оттого в тексте встречается много фраз, типа «лошадь предупреждающе шевелит ушами», «Алецул нежно похлопал коня по шее в знак благодарности» [Натхо, 2019, с. 49], «лошадь начал фыркать и бить копытами об землю» [Натхо, 2019, с. 51].

В контексте нашего исследования представляют этнокультурный интерес и некоторые другие знаки, зафиксированные К. Натхо. «Развернуть коня по ходу солнца» — всадническая традиция, выражающая признание и симпатию гостя хозяину в том, что он доволен. А развернуться влево — продемонстрировать обратное, недовольство» [Натхо, 2019, с. 34]. Символика предметов конной амуниции также отмечена автором в анализируемой повести. Вот один из любопытных примеров: «Повесить плетью ручкой вниз — знак того, что у него срочное дело, ему засиживаться нельзя» [Натхо, 2019, с. 41].

Как показывает К. Натхо, казаки, служащие в Царской Армии, и конкретно в данном случае в войсках генерала Г.Х. Засса, такие же искусные читатели иппологических знаков оповещения. Поясним: черкесским кавалеристам, подбиравшимся к «Прочному окопу», пришлось отражать контрнаступление вражеских солдат и при этом, они стреляли исключительно в лошадей, но не во всадников. Согласно авторскому пояснению, это был знак, что черкесы прибыли на территорию русской крепости «с мирной миссией» [Натхо, 2019, с. 52].

По художественной логике повести, знак мира был правильно истолкован противоположной стороной, вследствие чего у ворот крепости, на открытой площади собралась большая толпа любопытствующих, в том числе, и казачьи атаманы, офицеры, солдаты, ногайский мурза (и переводчик) Адельгерий Карамурзин, сам генерал Засс, его телохранители, и

самое главное, его дочь — «непревзойденная красавица Катерина» [Натхо, 2019, с. 56].

Кульминационным является момент встречи черкесов со свитой генерала Засса на площади. Это очень напряженная, конфликтогенная и взрывоопасная ситуация, когда каждая из сторон, скрывая свои истинные намерения, разыгрывает из себя мирных парламентариев. У черкесов сверхзадача — похитить дочь генерала. У вражеской стороны — подыграть гостям и в нужный час перестрелять их. Черкесы для отвода глаз предлагают соперникам устроить состязание в джигитовке на конях.

Знаком скрытого антидиалога, завуалированного враждебного настроения к пришельцам становится «вареная свиная голова на огромном подносе, поставленная перед черкесами». Это была провокация. Генерал Засс отлично знал, что кавказские горцы исповедуют мусульманскую веру, следовательно, свинину не употребляют в пищу, но этим он хотел посмотреть на их реакцию. По художественной версии К. Натхо, черкесы из этой щекотливой ситуации выкручиваются, проявив высокую культуру, сохранив чувство собственного достоинства и не запятнав исламскую веру. На подстрекательский поступок хозяев «гости ответили словами благодарности за гостеприимство и заверениями, что они сыты» [Натхо, 2019, с. 56].

Далее, по сюжету, начинаются состязания между казаками и черкесами, каждый всадник старается блеснуть своим мастерством. Писатель в свойственном ему стиле с использованием большого количества «динамичных глаголов» показывает напряженную атмосферу состязания — «на полном скаку подлетел», «схватил», «скинул с лошади», «бросился», «дернул коня», «налетел сбоку как коршун на добычу», «снял с седла», «поставил головой вниз на свою ногу», «протащил по междурядью», «воткнул обратно в седло» [Натхо, 2019, с. 57].

Крупным планом автором описывает красивую романтически окрашенную сцену, интертекстуально связанную с извечным архетипичным мотивом Прекрасной Дамы: главный герой Алецук Берзег на своем

«сияющем чернотой жеребце подскакал к переводчику Адельгери Карамурзину и громогласно объявил всему народу, что его выступление будет посвящено прелестной дочери генерала Засса» [Натхо, 2019, с. 57]. Катерина настолько сильно была тронута словами «огненного молодого джигита», что тут же, не страшась гнева своего отца, снимает с шеи шелковый шарфик и дарит ему. Представление завершается тем, что после того, как Алецук показал несколько головокружительных чудес эквилибристики на своем скакуне, неожиданно для всех на развороте он резко «схватил дочь генерала, посадил ее с собой на холку лошади» [Натхо, 2019, с. 57] и под прикрытием своих соратников мгновенно скрылся из виду.

Глава завершается известием о том, что через гонца генералу было передано предупреждение о том, что «если генерал по-прежнему будет жестоко обращаться с мирным населением, то он больше никогда не увидит свою дочь» [Натхо, 2019, с. 60].

«Катерина у черкесов: пленница или гостья?» — в виде своеобразного художественного ответа на этот альтернативный вопрос написана следующая глава повести. По сюжету, группа черкесских всадников во главе с основным инициатором Алецуком Берзегом, в первую очередь, русскую девушку привозят в добропорядочную семью дальних родственников. При этом в целях конспирации было принято решение — долго не задерживаться в одном месте, «а перемещать ее из аула в аул» [Натхо, 2019, с. 60].

Здесь сразу отметим, что тема пленения в контексте Кавказского фронта довольно широко представлена в художественной литературе и отрефлексирована во многих научных работах, в том числе диссертациях.

Фронтирная жизнь без пленений не обходилась. Это тоже была своеобразная форма межкультурной коммуникации, взаимопознания представителей разных народов. При анализе повести К. Натхо «Легенда о великом похищении» сразу напрашивается параллель с романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (глава «Белла»). Русский писатель показывает читателю случай, когда кавказская девушка в результате

похищения оказывается в чуждом для нее мире и потихоньку осваивается до такой степени, что даже влюбляется в своего «похитителя» Григория Печорина.

У К. Натхо — ровным счетом наоборот, черкесы похищают представительницу славянского народа. В обоих случаях происходит постепенное вживание пленниц в новую этнокультурную реальность. Писатели-реалисты вводят в текст фигуру переводчика, как необходимое связующее звено между иноязычными коммуникантами на первых порах. У Лермонтова эту роль выполняют Максим Максимыч и татарка-служанка, у К. Натхо — сначала Василий (русский сосед хозяев), приютивших Катерину, затем русскоговорящие черкешенки из Петербурга. По нашему наблюдению, во всех такого рода кросс-культурных произведениях присутствует условный лейтмотив или инвариант: «пленница» (пленник) влюбляется в представителя противоположной этнокультуры. И чаще всего любовь бывает взаимной, ответной. На наш взгляд, тем самым писатели-гуманисты показывают извечное инстинктивное желание здравомыслящих людей противопоставить агрессии, войне позитивную силу любви, способную положить конец милитаристским устремлениям отдельных лиц.

По стилю, по жанру, по идейной концепции «Легенду о великом похищении» К. Натхо можно одновременно назвать антивоенным, утопическим и просветительским произведением. Автор в нем, прежде всего, отражает накал народных чаяний прекратить братоубийственную войну, превратить конфликтогенную, фронтирную линию в зону миротворческих межэтнических и межкультурных контактов. Вслед за своими великими литературными предшественниками (Дж. Байрон, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А.И. Полежаев, А.А. Бестужев-Марлинский, А.В. Дружинин) адыгейский писатель путем реализации условной архетипической матрицы «любовь европейца к дикарке» или «любовь европейки к дикарю» указывает на социальный идеал, основанный на принципе «возлюбленной непохожести» [Гачев, 2018, с. 15].

Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», «художественная утопия — жанр, в котором обязательна фигура рассказчика, посещающего утопическое общество и его проводника» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 1118]. Именно по такой технике построена «Легенда о великом похищении». При этом важно учесть творческую историю «легенды», которая действительно, основывалась на народных легендах, в которых фольклорным сознанием кавказцев интуитивно отражались идеи, связанные с «усталостью от войны», желанием примириться, перейти к уровню взаимопознания, сближения, установить добрососедские мирные отношения.

Художественным сознанием К. Натхо все эти циркулировавшие в народе легенды-предания концептуально оформились и вышли в свет в виде занимательного, поучительного произведения, «пробуждающего добрые чувства». Роль проводника в «Легенде» играет русская девушка Катерина, дочь генерала Засса. Перед этим литературным персонажем стоит сверхзадача — показать истинный лик кавказских горцев, развенчать надуманные неприятелями мифы о «стране дикарей». В определенном смысле она является единомышленницей Эдварда Саида (1935–2003) — американского философа и культуролога палестинского происхождения, который в своем труде «Ориентализм» развенчивает многие деструктивные стереотипы, сложившиеся о Востоке в «западных умах». Во время Кавказской войны тоже находились идеологи, «демонизировавшие» Юг России и горцев, которых, по их мнению, следовало «контролировать», «отучать от дикости» [Захаров, 2014, с. 111].

К. Натхо содержание своей повести смоделировал таким образом, что дочь генерала Засса получает возможность полностью от «А» до «Я» изучить особенности кавказского Космо-Психо-Логоса. Полугодичное проживание в нескольких адыгейских аулах для девушки становится большой школой этнокультурной компетентности. Далее проследим все этапы взаимопостижения обеих сторон. Первоначальная реакция как со стороны

адыгейцев, так и со стороны русской девушки — ступор, загадка, растерянность. Алецук привез Катерину в дом своих дальних родственников. Хозяйка дома сразу подумала о том, что молодой человек умыкнул себе невесту и по традиции в их доме она проживет несколько дней. В этом ее разубедили. Настороженно повела себя и Катерина. Автор использует удачное сравнение — «как лисенок, попавший в сеть» [Натхо, 2019, с. 61]. Характерно, что этот концепт «немота» был использован хозяйкой дома по отношению к русской девушке, которая оказалась «безъязыкой» в чужой среде. «Наверное, она немая, такая красивая девушка» [Натхо, 2019, с. 61] — с сожалением говорит адыгейка Гоцсим.

На выручку приходит русскоязычный сосед Василий, которого адыгейцы на свой манер называют «Уасиль» [Натхо, 2019, с. 62]. Здесь следует отметить, что тема русских переводчиков в кавказоведческих текстах все еще остается абсолютно неразработанной проблемой, заслуживающей самостоятельного исследования. Билингвальный Василий, легко переключающий языковые коды, сначала успокаивает хозяйку на ее родном языке, затем со словами «Здравствуй, сестричка!» обращается к Катерине. Родная речь, неожиданно услышанная в чужом краю, производит сильное впечатление на любого человека. Аналогичной была и реакция Катерины: «Услышав русскую речь, она быстро приподнялась, обняла Василия, прижалась к нему и заплакала, будто нашла своего родственника» [Натхо, 2019, с. 63]. Примечательна и просветительская беседа Василия, которую он проводит с «пленницей», уверяя ее, «что нет причин для слез», «это хорошие люди», «надо слушаться добрую женщину Гоцсим», «ей можно доверять, как матери» [Натхо, 2019, с. 63]. Поначалу ей странно слышать такие речи от русского человека о людях, которых «ее родители называли дикарями» [Натхо, 2019, с. 64]. Вдохновленная покровительством и рекомендациями Василия, девушка впоследствии смелее идет на контакт с добрейшей хозяйкой, которая создает для нее максимально комфортные условия.

Для «любимой дочки Кэтэрин» (так на адыгейский манер она ее называет), новая «мама» достает из сундука красивый женский наряд в национальном стиле, помогает ей помыться после дальней дороги, переодевает ее. Далее в рамках адыгских обычаев, чтобы гостям не было скучно, Гоцсим приглашает в свой дом сельских девушек, «веселых по характеру, умеющих танцевать, петь, шить и заниматься ремеслами». С учетом коммуникативных потребностей Катерины, специально приглашаются в дом две русскоговорящие девушки (Гоцэунай Шеретлуко и Барина Шипше), получившие образование в Санкт-Петербурге. По замыслу автора, они оказались идеальными учителями, которые стали обучать славянку «адыгейскому языку, этикету, манерам, танцам и всему остальному, что должна знать черкешенка» [Натхо, 2019, с. 67].

Весь смысл пребывания Катерины в типичной черкесской среде сводится к тому, что с ее глаз спадает прежняя пелена и она с удивлением обнаруживает наличие у кавказцев тонко разработанного этического кодекса, предписывающего «уважительное отношение к старшим, приветствие входящего в комнату вставанием, обязательное провожание уходящего до порога или за ворота, сдержанность в чувствах и поведении». И далее: «Все, с чем столкнулась Катерина здесь, было для нее непривычным, загадочным, но интересным, вызывало желание узнать больше, понять мировоззрение и философию народа, с которым воюет Империя в лице ее отца и его окружения» [Натхо, 2019, с. 68].

Кавказ многолик, Адыгея также многолика в плане своих этнокультурных особенностей. Отчасти по этой причине, отчасти в целях конспирации, Катерине дают возможность поочередно погостить у бжедуг, абадзехов, темиргоевцев, шапсугов, убыхов. По указанию князя Якуба Ахиджака, «на возвышенном живописном плато над большой равниной» [Натхо, 2019, с. 79] в честь русской гостьи устраивается грандиозный «праздник с играми» — конноспортивными состязаниями и джегу (народные танцы — *К. Т.*). Затрагивая гастрономическую составляющую

народного праздника, автор подробно описывает многочисленные блюда с их названиями на адыгейском языке и комментариями на русском. Писателем подчеркивается и гуманитарный, милосердный склад ума организаторов торжества, по распоряжению которых «десятки подростков доставляли еду на дом немощным и больным» [Натхо, 2019, с. 80].

Центральное место праздничных страниц занимает описание танца Катерины с князем Ахиджаком. Для нее это был своеобразный экзамен на усвоение техники национального танца, непростых этических законов в диалоге с партнером — мужчиной. «Две девушки — хатияко (распорядительницы — *К. Т.*) подошли к Катерине, стоявшей между Гоцэунай Шеретлуко и Бариной Шипшэ, помогли ей сойти с высоких деревянных котурнов, вывели в круг и встали по обе стороны, держа ее под руки. Катерина чувствовала себя неловко, было ощущение, что все смотрят только на нее. Она невольно покраснела, что подчеркнуло очарование и изящество ее вновь обретенной скромности черкесской девушки. Хатияко подвели ее к князю, развернув к нему лицом, и все распорядители, отступив назад, освободили танцевальный круг. Князь предстал перед ней, как подобает его социальному статусу, гордо, приветствовал ее легким кивком головы, приглашая на танец. Они начали танцевать зафак, изящно двигаясь вперед и назад, часто меняясь местами, но не отводя взгляда друг от друга — мужчина открыто, а девушка украдкой. Все наблюдали за танцорами, высоко оценивая их способность выражать черты национального характера в движениях: величие, силу и достоинство адыгского мужчины, и мягкость, грацию и красоту девушки» [Натхо, 2019, с. 82–83].

Легкой, пунктирной линией в «Легенде» прочерчена и любовная линия между главными героями Алецуком и Катериной. Если танец с князем Ахиджаком был для русской девушки своеобразным экзаменом на знание основ черкесского национального танца, то танец с Алецуком становится полусекретной, затаенной демонстрацией их любви, о которой партнеры могли сказать только «лексикой танца». «Алецук, впечатленный тем, как

держится Катерина, выпрямился, обойдя, отсек ее от стоявших за ней девушек, тем самым, как бы сообщив ей, что они в этом пространстве, в этой музыке и в этом танце только вдвоем, наедине друг с другом. Танцующие плавно пошли навстречу друг другу полные грации и достоинства» [Натхо, 2019, с. 76]. Читатель до последнего момента верит в торжество любви молодых, но в то же время сквозь строки прорываются и знаки обреченности их счастья из-за сложных военных, геополитических обстоятельств. В любом случае автор интригу дальнейшего развития взаимоотношений Алецука и Катерины сохраняет до конца произведения.

Между тем основным мотиватором погружения русской девушки в стихию кавказской культуры является любовь к убыху Алецуку. Ради него она учит язык, этикетные нормы, соблюдает обычаи, традиции, осваивает золотошвейное искусство, одевается как адыгейка. Она безмерно счастлива, когда Алецук среди своих бесконечных военно-оборонительных походов находит время для общения с ней, для проявления знаков внимания. Особую надежду внушает ей случай на «последнем финальном забеге лучших всадников», когда Алецук «достиг финишной черты с большим отрывом от своих соперников», подскочил в толпе к Катерине и «протянул ей платок» [Натхо, 2019, с. 85].

Превосходно образованная Катерина из-за жеста с платочком и из-за многих других поступков и качеств, Алецука и его друзей сравнивает с «европейскими рыцарями». Для нее эти люди идеальны, ради них она не просто язык изучает, но занимается и вопросами языкознания, упорствует в «правильном произношении некоторых сложных звуков» [Натхо, 2018, с. 91], задумывается о проблемах словообразования в адыгейском языке. Как апогей достижений Катерины в познании черкесской культуры автор показывает ее стихотворческий талант, умение сочинять и исполнять собственные песни, посвященные любимому человеку. Приведем один из отрывков в переводе на русский язык:

Мое оружие — острые ножницы,
Правила жизни моего возлюбленного — Адыгэ Хабзэ.
Мой дорогой Алецук, идеал моей мечты,
Дай мне надежду на ответную любовь!

[Натхо, 2018, с. 99]

В главе «Любовью не делятся» автор показывает трагическую невозможность счастливого исхода у любовной истории между Катериной и Алецуком. На то оказалось несколько причин. Первая у них связана с тем, что вскоре у Катерины обнаруживается серьезная соперница в лице Сипсы, мастерицы золотошвейного искусства. Деликатная русская гостья из-за этого не перестает любить юного черкеса, но все же делает «шаг назад», щадя чувства Сипсы.

Для того, чтобы понять следующую причину «капитуляции» любви между Алецуком и Катериной, следует перекинуть интертекстуальный мост к эпохе классицизма. Теоретиками классицизма, в том числе, поэтом Н. Буало как основополагающий конфликт нового художественного направления была утверждена следующая бинарная оппозиция «долг и чувство» с вариациями «разум и страсть», «рациональность и любовь». Декартовское «мыслю, следовательно, существую» [Декарт] апологетами классицизма из интеллектуально-философской сферы перенаправляется в сферу этического и каждому здравомыслящему индивиду внушается идея верховной значимости принципа подчиненности личного счастья нормам морали, установленным обществом.

Если посмотреть на череду военных, антивоенных произведений в мировой литературе, можно заметить закон обусловленности этических принципов социума от политической обстановки в стране. В целях усиления оборонительной мощи перестраивается промышленная инфраструктура, а вместе с ней и приоритеты этического кодекса. Идеи патриотизма, государственного служения выдвигаются на передний план, общественные

интересы ставятся превыше собственных. В сознание каждого члена общества закладывается аксиологема «Думай сначала о родине, а потом о себе» [Антология Песня остается с человеком, 1996, с. 75]. Любви фактически нет места в такого рода суровых условиях, она рассматривается как досадная помеха для совершения подвигов и достижения желанной победы. На этот счет приведем характерную цитату из трагедии П. Корнеля «Сид»:

Тот недостойн жизни,
Кто помыслам и славе предпочтет любовь.

[Корнель, 1995, с. 26]

В этом смысле Алецук и Катерина очень «корнелевские» героини. Выше всех этих социально-политических предубеждений стоит пожилая, умудренная жизненным опытом Гоцсим, которая сделала все зависящее от нее для того, чтобы примирить две этнокультурные полярности (русскую и черкесскую): «Я научила Кэтарин нашему языку, обычаям и традициям» [Натхо, 2019, с. 104], «я люблю ее как собственную дочь» [Натхо, 2019, с. 105], «вы должны стать самой счастливой парой в мире» [Натхо, 2019, с. 105]. Через дружбу Гоцсим и Катерины автор показывает женскую солидарность в вопросах дружбы народов, в умении встать над конфликтами. Казалось бы, эти две женщины совсем разные и по возрасту, и по национальности, и по языку, и по жизненному опыту, и по культурным паттернам, но их, по художественной концепции автора, объединяет архетипическое женское начало, вбирающее в себя семейные ценности, культ мира, антивоенное устроение.

Опредмеченным символом глубинной женской солидарности в бытийных вопросах автор избирает «пхуантэ» — старинный национальный сундук Гоцсим, который она хранит со времен своего девчества. Примечательно, что в первый же день знакомства пожилая горянка подводит

свою гостью к сакральному предмету, «корню дома» и «достает из него платья, которое носила в юности». Это — «сае, сделанное из дорогого шелкового материала золотистого цвета», «украшенная золотом круглая шапочка, похожая на юлу», «нижнее белье» [Натхо, 2019, с. 65]. Так же и в день предполагаемой свадьбы «она взяла свой собственный корсет из красной марокканской кожи, что носила в девичестве, помогла ей надеть его под розовое шелковое сае, улыбнулась, любуясь статью молодой девушки, поцеловала ее в щеку» [Натхо, 2019, с. 105].

У англичан, американцев в речевом обиходе имеется расхожее выражение «to be in somebody's shoes», то есть «побывать в чужих башмаках», «примерить на себе чужое мнение, чужой образ жизни». Весь период полугодичного пребывания русской девушки Катерины в краю черкесов можно рассматривать как огромный, бесценный опыт вживания в иноэтническую культуру, полное принятие философии «возлюбленной непохожести». В этом контексте все мотивы, связанные со сменой дресс-кода, использованием в качестве повседневного и праздничного костюма национальной одежды кавказцев, символизируют социальный и даже экзистенциальный идеал здравомыслящих людей заниматься взаимопостижением, отрицанием военных конфликтов, установлением мира между народами.

По художественной логике «Легенды», женщины в лице Гоцсим и Катерины своим поведением, дружбой, практически единым гардеробом «проголосовали» за торжество любви, мира, за скорую свадьбу.

Во всех вопросах, касающихся Кавказской войны, самые нужные логические акценты, на наш взгляд, поставлены К.К. Султановым в его аналитической статье «Поверх конфликта, или быть услышанным». Анализируя повесть «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого, ученый на примере действий главного героя, здравомыслящих персонажей с противоположного лагеря показывает народный порыв к «уменьшению несогласия», «отрицанию монологической доминанты войны», готовность преодолеть

«тяжесть взаимных обид», а также «мощный антивоенный потенциал надэтнической солидарности людей» [Султанов, 2007, с. 117].

Кадырбек Натхо в своих воззрениях на исход Кавказской войны близок к умозаключениям Л.Н. Толстого (и К.К. Султанова), но конкретно в «Легенде» он показывает, что в вопросах миротворчества женщина была на один шаг дальше, чем мужчина. Гендерные отличия налицо. Здесь считаем уместным вспомнить о символике женских миротворческих платков, которые широко описаны в этнографической литературе. Женщина могла кинуть платок между двумя противниками, и они обязаны были примириться. Об этом пишут не только исследователи прошлых столетий, но и современные гендерологи, подчеркивая, что «именно белые платки женщин, брошенные между враждующими сторонами, навсегда и повсеместно стали величественными символами прекращения вражды и ненависти между народами» [Пушкарева, 2013, с. 14].

Как литературный герой, Алецук Берзек в вопросах самоопределения между любовью и долгом находится в типологически едином ряду с героями литературы эпохи классицизма. Вслед за Доном Родриго из трагедии П. Корнеля «Сид» он мог бы повторить:

Но мы не вправе жить,
Когда погибла честь.
Честь у мужчин одна,
Возлюбленных так много.
Любовь забыть легко,
Но честь никак нельзя.

[Корнель, 1995, с. 26]

Как и его французский литературный двойник, Алецук поставлен в довольно сложное психологическое положение, он тоже «предан внутренней войне» [Корнель, 1995, с. 25]. За прошедшие полгода он, безусловно, успел

полюбить русскую девушку, которая ради него стала полностью «своей», «черкесской». Автор глубоко сочувствует герою и в то же время показывает серьезность нескольких факторов, из-за которых он не может создать семью с Катериной. Во-первых, похищая Екатерину, он через парламентариев дал слово генералу Зассу, что вернет ее целой и невредимой, «ни один волосок с ее головы не упадет» [Натхо, 2019, с. 59]. Для него это дело чести. Во-вторых, Кавказской войне не положен конец, люди гибнут каждый день, в один день могут и его убить, вследствие чего Катерина может остаться глубоко несчастной вдовой. В-третьих, Алецук из тех высоконравственных персонажей, которые считают, что ни человек, ни отдельно взятая семья не смогут быть счастливыми в одиночку, пока кругом полыхает пожар войны. Приведем прощальный монолог главного героя: «Кэтэрин, и у меня сердце не каменное. Как я не старался скрыть свои чувства, многие заметили, что и я отвечаю тебе взаимностью. Но поддаться этим чувствам для меня значит изменить своему предназначению — свою жизнь без остатка посвятить борьбе за независимость своей страны. Связать свою судьбой с тобой — это уступка, на которую я не могу пойти. Не сегодня, так завтра я могу быть убитым твоим отцом, или наоборот, он — мной, если будет продолжать гнусные преступления, которые он совершает над моими соплеменниками. И то, и другое для тебя трагедия. Я не хочу, чтобы ты страдала всю жизнь из-за меня. С твоей красотой, с твоим умом и добрым нравом Ты заслуживаешь большего» [Натхо, 2019, с. 108].

Заключительная глава повести носит название «Возвращение Катерины родителям». В ней содержатся несколько важных культурных смыслов, которые в совокупности могут стать мировоззренческим ключом ко всему произведению. Первое, что бросается в глаза, жестокий генерал Засс при встрече с дочерью публично плачет. Такая реакция получает двойное толкование. Сторона кавказских горцев к этому жесту отнеслась предосудительно («плакать, как женщина») [Натхо, 2019, с. 114]. Но с читательской точки зрения — «слезы» могут символизировать

эмоциональное освобождение, смывание боли, катарсис, и, самое главное, появление чистого пространства для новых эмоций. В подтексте повести содержится мысль о том, что через «кристалл слез» генерал Григорий Засс может поменять оптику своего воззрения на горцев, перестанет называть их «дикарями», оценит их благородные качества и ориентированность на установление мирных взаимоотношений.

«Обезоружен, обезоружена» — данный глагол в краткой форме неоднократно встречается в «Легенде о великом похищении». На английском языке в оригинале — «disarmed». Примечательно, что сама Катерина, поначалу злобно настроенная против черкесов, после «пленения» была «обезоружена» их благородством, чистыми помыслами и добросердечием.

После возвращения к себе домой в Прочный Окоп, она теперь сама в прямом и переносном смыслах «обезоруживает» своего отца. В первый раз это происходит в момент, когда мстительный генерал после прибытия дочери домой отдает своим подчиненным приказ догнать и уничтожить черкесских всадников. Дочь тут же выдвигает встречный ультиматум: «Отец, я вот этим маленьким кинжалом убью себя, если что-то случится с теми, кто меня привез обратно, прежде чем они доберутся до своей страны» [Натхо, 2019, с. 115]. «Обезоруженный» такими словами, генерал тут же публично отменяет свой приказ. Катерина Засс, вернувшаяся к сородичам просвещенной и просветленной, делится своими позитивными впечатлениями, рассказывает интересные случаи, запрещает отцу и его окружению называть кавказских горцев «дикарями» [Натхо, 2019, с. 116].

По нашему наблюдению, мотив создания интернациональной семьи в художественном тексте в большинстве случаев представляется как критерий зрелости общества, благополучно пережившего «детскую болезнь» ксенофобии, этноцентризма и перешедшего на качественно высший уровень развития. В «Легенде о великом похищении» любовь между Катериной и Алецуком не получила привычного логического развития. Фронтальные цепи еще намного сильнее, чем узы брака. Но в «мерцательной» поэтике тонкого

стилиста К. Натхо можно уловить «первые признаки рассвета» на этот счет. Речь идет о Василие Никитиче, русском человеке, который давно интегрировался в черкесскую этнокультурную среду, подрабатывает как переводчик и принимает «решение создать семью с черкешенкой» [Натхо, 2019, с. 97].

Завершая данный раздел, следует подчеркнуть практикоориентированную ценность повести К. Натхо в образовательных учреждениях полиэтнической России для обучения молодежи грамоте межкультурного взаимодействия. В принципе, это общемировая проблема. Ставропольские ученые В.Н. Галяпина и Т.В. Поштарева в 2004 году издали свою уникальную монографию в виде «курса лекций» с примечательным названием «Этнопедагогические и этнопсихологические аспекты профессиональной педагогической деятельности». В арсенале ученых среди главных инструментариев названы тренинги в виде «культурных ассимиляторов» и «приемов повышения межкультурной сензитивности». Здесь же авторы, раскрывая историю появления данных методов, отмечают, что «первые культурные ассимиляторы были разработаны в начале 60-х годов психологами университета штата Иллинойс под руководством Г. Триандиса. Они предназначались для американских граждан, взаимодействующих с арабами, иранцами, греками, тайцами. Создатели модели ставили своей целью за короткое время дать обучаемым как можно больше информации о различиях между двумя культурами и остановились на программированном пособии с обратной связью, позволяющем сделать его читателей активными участниками процесса обучения» [Галяпина, Поштарева, 2004, с. 337]. Суть культурного ассимилятора состоит в подборке примеров с наиболее конфликтными ситуациями с обеих сторон и их последующих интерпретаций учащимися с помощью преподавателя-эксперта. Авторы справедливо отмечают, что культурные ассимиляторы являются «эффективным средством передачи информации о различиях

между культурами, облегчения межличностных контактов в инокультурном окружении» [Галяпина, Поштарева, 2004, с. 338].

Мы допускаем мысль о том, что К. Натхо с его повышенным вниманием к вопросам межэтнического взаимодействия вполне мог быть знаком с разработками своего американского «земляка», ровесника и единомышленника Гарри Триандиса (1926–2019). Его труды по кросс-культурной и этнической психологии, на наш взгляд, могли оказать влияние на художественную идею его повести «Легенда о великом похищении».

3.3. «Медей»: трансформация античного протосюжета

Особое место в мировой литературе занимает античная эпоха, воспринимаемая многими художниками как кладезь архетипических культурных матриц, на которые каждый автор может накладывать собственную интерпретацию, актуальную для его времени и для его народа. Имеется целая серия текстов, которые принято называть текстами-донорами, прототекстами, текстами-основами или прецедентными текстами. Чаще всего опознавательными знаками таких «бессмертных» текстов являются антропонимы, образующие заголовочный комплекс — «Илиада», «Одиссея», «Гамлет», «Дон-Кихот», «Мартин Иден», «Госпожа Бовари» и др.

В ряду этих произведений с большим культуротворческим потенциалом находится и трагедия древнегреческого драматурга Еврипида «Медей». При жизни его называли «философом на сцене» [Античная литература. Греция, Антология. ч. 1, 1989, с. 362], но с таким же успехом его могли бы назвать и «психологом на сцене», поскольку автор, в отличие от своих современников, отказываясь от идеализации и героизации человека, стремился показать «темные стороны» его души. С особым успехом ему удалось это сделать в трагедии «Медей», где главным образом изображается «разрушительная страсть женщины, несущей хаос и смерть» [Словарь античности, 1989, с. 340]. Ядром сюжета является история о том, как дочь колхидского царя Медей с помощью волшебного зелья помогла

возлюбленному Ясону овладеть золотым руном, убила своего брата и бежала с аргонавтами в Афины. Когда Ясон полюбил другую, Медея из-за мести убила соперницу ее отца, своих сыновей и на колеснице, «запряженной драконами, уносится в небеса» [Словарь античности, 1989, с. 340].

Главный вывод, который делает А.А. Тахо-Годи, заключается в том, что Еврипид в трагедии «Медея» «раскрывает душу человека, истерзанного внутренней борьбой между долгом и страстью, он показывает этот мучительный конфликт, и, не приукрасив действительности, приходит к выводу о том, что, к сожалению, страсть часто берет верх над долгом» [Античная литература, 1973, с. 150]. При этом следует подчеркнуть, что большое влияние на еврипидовскую концепцию оказала софистика — духовно-воспитательное и философское течение в античной Греции V и IV вв. до н.э. «Одной из важнейших характеристик софистики является тесная связь между теоретическим знанием и практической жизнью, а также переориентация философского исследования с природы на человека, на общество, на правовые отношения, на этику и теорию познания. Сравнительное изучение конституций и законов различных полисов, многообразие возможных точек зрения на одну и ту же проблему является основой релятивистских тенденций в софистике: о любой вещи можно судить двояко, причем с взаимоисключающих позиций» [Словарь античности, 1989, с. 539]. Постулат «человек — мера всех вещей» позволял софистам отрицать божественные законы, всевозможные общественные представления. Считалось, что законы общества не имеют догматического характера и часто бывают обусловлены интересами политического курса, исторического времени, различных социальных групп.

В определенном смысле трагедию Еврипида можно рассматривать как экспериментальное произведение, где автор решил проверить, что будет с человеком, если он будет действовать по принципу «человек — мера всех вещей» без оглядки на общепринятые «категорические императивы».

Проведенный нами статистический анализ показал наличие огромного количества «дочерних текстов», отпочковавшихся от еврипидовского оригинала. Зарубежными и отечественными писателями сюжет «Медеи» апробирован в самых разных жанровых модификациях — трагедия, легенда, поэма, предание, пьеса, новелла, роман. Приведем несколько авторских имен с названиями их произведений — Софокл «Колхидянка» (337 г.), Дж. Чосер «The Legend of Good woman» (1386), Пьер Корнель «Медея», Ж. А. де Силва «Чары Медеи» (1735), Л. Тик «Медея», Дж. Никколини «Медея» (1825), Пауль Хейзе «Медея», У. Моррис «Жизнь и смерть Ясона» (1867), Криста Вольф «Медея» (1993) Дарио Фо «Медея» (1979), Виктор Сосюра «Где, Медея, твой дом?» (1996), Том Лануа «Мама Медея», Черри Морача «Mexican Medea», А. Никонов «Медея» (2012).

Музыкальный мир также не остался равнодушен и перевыразил трагедию Медеи в многообразии жанров оперы, кантаты, балета, мелодрамы, мюзикла, музыкальной трагедии, панк-оперы и др. Киноиндустрия отозвалась на указанную тему в общей сложности 14 фильмами в жанрах исторического сериала, трагедии, детектива и фэнтези. Эстетически привлекательные образы Медеи созданы многими именитыми скульпторами и художниками. Судя по медицинским источникам, имя главной героини проникло и в сферу психиатрии, где «синдромом Медеи» принято обозначить ментальное расстройство женщины, которая после развода с мужем травмирует или даже убивает собственных детей в знак мести супругу и его родне.

Нетрудно предположить, что из богатейшего тематического «резервуара» античного первоисточника каждый автор извлекает и трактует то, что ему близко. Это может быть предательство родных, конфликт между разумом и страстью, божья кара, послеродовая депрессия, трагедия чужестранки, гендерная дискриминация, жертва иерархического мышления, антидиалог в семье, женское коварство, врожденный эгоизм мужчины, закон

ложного силлогизма, сексуальная распущенность, десакрализация Бога, общественное лицемерие, колдовские чары и т. д.

Кадыр Натхо также стал одним из авторов, отважившихся создать свою, адыгейскую, версию «Медеи». Контрапункт всего драматического произведения в совокупности его сюжетных линий, идейно-философских акцентов, авторской концепции оказывается задан в первом же акте, благодаря глубоко патриотическому гимну под названием «Моя песня» Шабана Кубова. Поясним: Шабан Индрисович Кубов (1890–1974) — адыгский фольклорист, просветитель, поэт, композитор, драматург, человек со сложной и творчески насыщенной судьбой, которая во многом похожа на жизненный путь Кадыра Натхо. В его активе — духовная семинария г. Нальчика (1914–1918) яфетический (лингвистический) семинар у академика Н.Я. Марра в Петрограде (1925–1927), учитель родного языка в сельской школе, преподаватель родного языка в педагогическом техникуме (г. Майкоп), преподаватель родного языка и литературы в адыгейской студии ГИТИСа им. А.В. Луначарского (Москва). В 1940-е годы по причине ожидаемых репрессивных мер Ш.И. Кубов навсегда покидает страну. Пацифисту, «гражданину мира» и энциклопедисту по складу ума довелось жить в Турции, Иордании, Германии, Франции. В быту — аскетичный, но духом богатый интеллигент приоритетом для себя избрал творчество. Он и за границей не переставал писать художественные произведения и издавать собранные им фольклорные материалы, буквари, азбуки для обучения родному языку зарубежных черкесов в Аммане, Дамаске, Париже, Нью-Йорке.

Ярчайшей страницей биографии Ш.И. Кубова является его педагогический опыт в Университете Сорбонны, где он по приглашению именитого французского филолога Жоржа Дюмезиля (1898–1986) преподавал дисциплину «Устное народное творчество черкесов». Согласно сведениям наших информаторов, дочери писателя Саиде Кубовой при активной поддержке Казбека Шаззо удалось собрать по крупицам почти все

творческое наследие Шабана Индрисовича и переправить на родину. В настоящее время, рукописи, печатные издания автора на разных языках хранятся в архиве Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований [Архив Тхакаховой К. С.].

В отличие от К. Натхо, Ш.И. Кубову из-за «железного занавеса» так и не довелось вернуться в СССР, на историческую родину. Он ушел из жизни в январе 1974 года, похоронен в Нью-Йорке. По нашим сведениям, два соплеменника и два собрата по перу много общались и дружили в Нью-Йорке, сохранились их общие фотографии.

Возвращаясь к анализируемой пьесе «Медея», отметим, что представление начинается с громкой, торжественно звучащей аудиозаписи гимна Шабана Кубова (при закрытом занавесе). Приведем текст целиком в русском переводе:

Твои реки, грохоча, стремительно стекают с гор,
Твои леса густы и красивы своей зеленью.
Твои поля в цветочном разноцветье.
Как ты прекрасна, наша любимая Родина!

Всем лучшим, что есть в мире, Всевышний одарил Тебя.
И достойных Тебя детей, он Тебе дал.
Вечное мужество он даровал нашим сердцам,
И адыгский этикет для нас сохранил.

С мужеством в сердцах мы будем беречь Тебя.
Всегда будем Твоими гордыми детьми.
Родной язык и этикет никогда не утратим,
Со свободой будем жить на земле!

(Подстрочный перевод К.С. Тхакаховой)

Кавказской тематикой отмечен не только аудиальный, но и визуальный ряд представления: открывается занавес и на заднем плане сцены перед взором зрителя предстает общий вид Большого Кавказского хребта с двухглавой высочайшей белоснежной горой Эльбрус в окружении зеленых холмов и лесов. Увязывая хронотоп античной «Медеи» с кавказской действительностью, голос за кадром сообщает публике о том, что в древности эти земли были настолько богатыми, что горцы «при помощи овечьих шкур добывали золото из своих рек» [Натхо, 1993, с. 3]. В «Прологе» рассказывается также о том, что «чужеземец Джесон (Ясон) со своими аргонавтами» вероломно вторгся морским путем в эти края, чтобы отобрать золото у местных жителей.

По нашему наблюдению сценарий трагедии отмечен периодически повторяющимися дидактическими, нравоучительными вставками, обращенными к зрителю. Чаще всего это этические максимы, имеющие универсальный характер как для античного мира, так и для современных адыгов с их сводом морально-нравственных принципов. Все тот же голос за кадром предувещивает аудиторию о том, что «будет показана история о человеке, который отличается непослушанием, высокомерием, несоблюдением чувства меры, игнорированием народных знаний, забвением Бога». Далее по замыслу устроителей зрелища, «раскрываются все карты» и торжественно объявляется имя преступницы — Медея.

После этого происходит театральная смена декораций и на сцене появляется отец Медеи — Властелин страны Подгорья, Царь Колхиды, телом и духом напоминающий древних Нартов. Характеризуя его моральные качества, закадровый голос сообщает, что этот достойный мужчина «жил по обычаям. Кого следовало любить — любил. А к тем, кого следовало воспитывать — был строг» [Натхо, 1993, с. 4]. Озвученная диалектика добра и зла подчеркивается и цветовой символикой, если принять во внимание белоснежный национальный костюм Царя, его черную папаху и золотой

орнамент, символизирующий «солнечную мудрость» сверхчеловека, различающего должное и недолжное.

Драматург, помимо других положительных качеств, наделяет Колхидского царя еще и сильной интуицией, судя по тому, как он до всяких официальных извещений, на трансфизическом уровне прозревает прибытие к его берегам чужого корабля, «как лиса, крадучись» [Натхо, 1993, с. 3].

Вскоре дозорный гонец сообщает неприятное известие о том, что прибыл вражеский корабль, большая часть лазутчиков уже захвачена в плен. Пока царь обдумывает со своими советниками сложившуюся ситуацию, на авансцену выходит Медея — «красивая, статная, энергичная девушка на выданье». Ее незримой волшебной силой влечет к заморским мужчинам, мать пытается остановить свою непослушную дочь, ссылаясь на приличия черкесского этикета. Здесь вновь следует обратить внимание на удачное использование постановщиками «лексики цвета»: на Медее — «развевающееся на ветру зеленое шелковое платье» [Натхо, 1993, с. 5], подчеркивающее ее незрелый ум, легкомыслие и «ветер в голове». До появления Джесона на сцене Медея успевает выступить с гневным обвинительным монологом в адрес матери, которая своими запретительными мерами, бесконечными ссылками на народный этикет ее «держит в темнице», «ни сердцу, ни душе не разрешая что-либо увидеть в этом мире».

«Любовь с первого взгляда» — так можно охарактеризовать страстное чувство симпатии, которое Медея испытала к пленнику своего отца. Поначалу в этой запретной любви проявляется даже некий протест со стороны девушки, слишком долго воспитывавшейся в рамках «смирительной рубашки» традиционной адыгской этики.

Медея, которая до сих пор ощущала себя «психологической пленницей» условных законов своего общества, при виде «физически плененного юноши» мгновенно почувствовала родную душу. Между двумя «пленниками» как будто случилась «алхимия чувств» на уровне знаменитых

строк из трагедии У. Шекспира «Она меня за муки полюбила // А я ее за состраданье к ним» [Шекспир, 2001, с. 20].

Здесь считаем целесообразным упомянуть диссертационную работу И.Л. Мухранели «Формирование мотивной структуры мифа о Грузии и Кавказе в русской литературе XIX — начале XX вв.», где в числе других подробно рассматривается концепт «кавказский пленник». Автор выстраивает целый ряд «кавказских пленников» с привлечением следующих художественных и документальных произведений: «Воспоминания кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау, поэма А.С. Пушкина «Кавказский пленник», повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» и «Мулланур», поэма М.Ю. Лермонтова «Мцыри», роман Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», его же рассказ «Кавказский пленник». В контексте нашего исследования весьма ценно наблюдение автора диссертации о том, что исторически первым пленником Кавказа был Прометей, прикованный к одной из кавказских скал.

Как отмечает И.Л. Мухранели, «отношение к “чужому” в каждом исторически конкретном обществе было связано с определенной картиной мира, и поэтому оппозиция “свой-чужой” в разные эпохи обретала разные смыслы» [Натхо, 1993, с. 2]. Однако, на наш взгляд, при всех различиях в большинстве «текстов о пленениях» присутствует гендерный фактор, связанный с образом сердобольной молодой женщины, которая на иррациональном уровне бросает вызов всему обществу и помогает обездоленному пленнику — чужестранцу «поверх барьеров военного противостояния» [Султанов, 2007, с. 270]. Дальше всех в этом вопросе, на наш взгляд, продвинулся Л.Н. Толстой, в художественном изображении которого даже совсем юная девочка Дина, движимая подсознательным гуманизмом, вопреки идеологическим интересам своего «племени», помогает иноверцу-пленнику.

Суть нашего убеждения в этих вопросах заключается в том, что психологическое устройство женщины с ее сильным материнским инстинктом

подталкивает ее к состраданию. Притом легко заметить, что женщина никогда не ограничивается абстракциями, она включает весь свой физический и моральный ресурс, чтобы подарить счастье и свободу пленнику. Для того, чтобы взаимоотношениями пленника и ее спасительницы правил Эрос, большинство писателей при моделировании своих сюжетов подбирают партнеров, подходящих по возрастной маркировке. От этого литературного канона сознательно отступает Л.Н. Толстой, который «намеренно из сферы взаимоотношений Жилина и Дины исключает любовный фактор, чтобы в чистом виде подчеркнуть человеческие интересы, идущие поверх военного конфликта» [Манкиева, 2017, с. 346].

В случае рассматриваемой трагедии К. Натхо все перечисленные нами факторы совпали. «Благородная разбойница» Медея по возрасту и темпераменту совпадает с Джесоном. Она, «уставшая» от несвободы этических законов своего общества испытывает сердечное сочувствие к врагу, попавшему в условия «физической, пространственной» несвободы. Автор несколько раз в разных контекстах употребляет слово «плен», в том числе, при характеристике Медеи, которую «пленила» любовь к иностранцу. Неабстрактный гуманизм Медеи, органично сочетающийся со страстной любовью, активизирует тактический и стратегический план ее действий с учетом объективных обстоятельств:

Вот оно, подходящее время!

Бог мне помогает.

Вот и солнце уже заходит

Мир начинает темнеть.

Отец и воины устали. Они сидят.

Сейчас пора их отдыха, время еды.

Их боевые кони стоят готовые!

Мне повезло, подходящий час.

Я не могу упустить ни единого взгляда.
Такой удачи я больше не найду!
Чтобы помочь обездоленному,
Чтобы спасти моего Джесона от гибели,
Я должна сделать все возможное

[Натхо, 1993, с. 6].

Этот вслух озвученный на сцене внутренний монолог показывает верх рациональной собранности Медеи, которая сердце, душу, разум, самоконтроль поставила на службу судьбоносного плана, который созрел в ее голове.

Чередую субъективное видение преступления адыгейской беглянки с объективным, автор дает возможность стражнику Пшехару по-своему рассказать о происшедшем: «О наша княгиня! Медея обманула наши сердца. Мои глаза все видели. В одной руке она держала обнаженный кинжал. Другой она вела двух верховых лошадей. В спешке она подошла к темнице. Потянула и сбросила дверной засов. Она позвала Джесона. Пальцем указала ему на двух коней. Объяснила, что нужно бежать. Альшес, несчастный, пытался остановить их. Но Медея опередила его. Затем они оба вскочили на коней. Я не выдержал и бросился за ними. Но меня сбили с ног ударом копыта. Они ускакали на своих конях. Государь погнался за ними. И Заур со своими воинами тоже» [Натхо, 1993, с. 7].

В приведенном нами монологе стражника обращает на себя внимание умело сконструированная автором стилистика речи, построенная на коротких синтагмах, рваных, прерывистых коротких предложениях. Возникает физическое ощущение нехватки времени, чтобы догнать беглецов. Между строк «читается» и величайшее смущение часового-привратника, который не сумел выполнить свой профессиональный долг. Не будет здесь лишним также подчеркнуть излюбленный К. Натхо прием концентрации динамичных глаголов на малом отрезке художественной речи: «обманула», «видела»,

«устроила», «держала», «вела», «подошла», «потянула», «сбросила», «позвала», «показала» и т. д. За ними, безусловно, стоит решительная, уверенная в себе, самодостаточная женщина, которая не боится ломать сложившиеся в ее этноколлективе бытийные стереотипы и смело прокладывает себе новую дорогу в жизни.

Значительную часть спектакля занимает «морской комплекс», где описываются действия главных героев (Джесона и Медеи), которые с земной тверди перемещаются в пределы морской стихии с целью добраться до поджидающего их спасительного корабля. В данном контексте «море» в первую очередь для Медеи является символом величайшей свободы, избавления от гнетущих ее предрассудков, динамического движения вперед к неизведанным таинственным далям. «Вода» содержит в себе и другие культурные смыслы, связанные с перерождением, «возможностью смыть с себя прошлую жизнь и былые пятна грехов» [Энциклопедический словарь символов, 2003, с. 97].

При анализе «Медеи» К. Натхо немало ценных подсказок можно почерпнуть также из статьи В.Н. Топорова «О поэтическом комплексе моря и его психофизических основах», где автор прямо советует при анализе «морских текстов» учитывать «элементарно ощущаемые» характеристики «моря» (огромное, беспредельное, могучее, бурное, вольное, свобододолюбивое), из которых путем «сравнения, уподобления, параллелизма, аллегории, эмблемы, символа можно извлекать много интересной, дополнительной информации о герое, “помещенном в рамку между морем снизу и небом вверх”» [Топоров, 1995, с. 578].

Автор раскрывает амбивалентный образ Медеи: с одной стороны, она тяготится соблюдением этикетных норм («хочу жить по своим обычаям»), но когда ей это выгодно, она вспоминает о них. Ярким тому примером является описание экстремальной ситуации на корабле, где в яростной борьбе схлестнулись Джесон и догнавший его Заур. Наблюдавшая за их поединком Медея всей душой желала победы возлюбленному, но как только Заур со

всей очевидностью стал одолевать иноземного противника, она тут же вспоминает про «волшебный способ» своего народа останавливать смертельную схватку. «Сняв свой платок с головы, она бросила его между двумя мужчинами // Хабзэ (обычай — *К. Т.*) остановил Заура, и он покорно вложил меч в ножны» [Натхо, 1993, с. 10]. Инокультурный пришелец даже не понял сути произошедшего. Он это воспринял как «чудесный подарок с небес» и без всяких черкесских «категорических императивов» сильно ранил своего благородного соперника, у которого был священный трепет перед «постоянствами» черкесской этики, перед обычаями предков, перед женским платком.

Далее по тексту фокус драматургического внимания перемещается к фигуре царя, который стоя на берегу, и наблюдая за кровавыми действиями на борту, неожиданно для всех отдает своей армии приказ покинуть вражеский корабль и возвратиться на сушу. Подчиненными приказ Царя был истолкован превратно. Его несправедливым образом обвиняют в том, что он из-за своих эгоистических побуждений и безусловной отеческой любви к своей дочери приостановил битву и дал вражескому экипажу корабля возможность благополучно отправиться на родину.

«Судебный процесс над Царем адыгейского народа» — так условно можно назвать следующий эпизод трагедии. Несведущему может показаться абсурдной сама повестка дня: кто вообще может судить царя, если он стоит на высшей иерархической точке общества? Однако, как показывает К. Натхо, выше фигуры Царя в здоровом черкесском этноколлективе, незараженном болезнью «культа личности», по праву находится Хасэ, общественный совет, включающий в себя самых уважаемых представителей всех фамильных родов, уважаемых аксакалов. Автор описывает почтенных старцев, белобородых мужчин, «с красивыми стройными телами», в праздничной национальной одежде, соблюдающих традиции, прославившихся мужественными поступками. По народному обычаю, председательствующим избирается самый уважаемый, старейший мудрец Пшимаф, который по

социальному рангу ниже Царя, но по сакральным измерениям народного собрания — намного выше.

Основное обвинение, предъявляемое Царю со стороны Совета старейшин заключается в том, что он в недолжный час остановил битву на корабле с врагами. И главной тому причиной якобы являлись эгоистические соображения Царя, который хотел сохранить жизнь своей родной дочери и ее избраннику с чужих земель. Ему очень трудно убедить своих оппонентов, выдвигающих все новые и новые доводы против него.

Если всю конфликтную ситуацию перевести в русло философии, то она обретает следующую формулу: что важнее: личное или общественное? Член семьи или народ? Счастье родной дочери или коллективное счастье народа? По всем жанровым законам высокой трагедии, естественно, Царь предает анафеме дочь-предательницу и выбирает высшей целью своей жизни служение народному счастью. Если все глубоко патристические речи Царя, разрозненно присутствующие в произведении, собрать вместе, то получится единый, системно организованный, эмоционально сильно окрашенный монолог, где все недолжное клеймится позором, а все социально одобряемое возносится до небес. Ниже приведем ключевые аргументы Царя, дополненные его супругой-единомышленницей:

Не женщина та собака, что проливает адыгскую кровь,
Помогла пленнику и сбежала с ним.
Любимая дочь, которая у нас была,
Которую мы вместе растили, как нашу душу.
Она лишила нас достоинства и чести.
Не уважая нашу старость,
Она оставила нас ради одного мужчины,
Она изменила своему народу.
И вам, и мне ужасно больно то, что произошло.
Это нас поразило, это нас ранило.

Он не вернется ко мне, Бог забрал ее!
Для меня и для Вас она больше не адыгейка!
Не стоит ради нее проливать нашу кровь.

[Натхо, 1993, с. 14–15]

Ключевым аргументом Царя, отозвавшего свое войско назад и отпустившего корабль недругов восвояси, является абсолютизация сохраненных биологических жизней своих юношей, своего войска, которые не должны были гибнуть ради недостойной женщины, отрекшейся от своего народа. Этим решением Глава показывает и доказывает, что общественные, коллективные, государственные интересы для него несоизмеримо стоят выше, чем интересы личного или семейного порядка.

Но в социуме всегда найдутся неугомонные молодчики, которых полумеры не устраивают. Так и в среде древних адыгов тут же обнаруживаются горячие головы, которые «хоть завтра готовы отправиться в Рим, задним числом наказать виновных, в том числе, Медео за ее вероломный поступок по отношению к родителям, и всему адыгейскому народу. Мудрый царь останавливает экстремистов от такого поспешного шага не только своими аргументами, но и народной максимой «Если голова лошади ушла, то не цепляйся за хвост!» [Натхо, 1993, с. 16]. Это означало, что случившееся надо признать, смириться и вдогонку не предпринимать малозначительных шагов, которые историю вспять уже не повернут.

Отечественные этнологи В.Н. Галяпина и Т.В. Поштарева в одном из своих исследований отмечают, что «народные традиции поощряют благопожелания, произносимые по самым разным случаям: при встрече, при расставании, при виде работающего человека, при чествовании виновника торжества» [Галяпина, 2004, с. 19]. В анализируемой пьесе также встречаются благопожелания, типа «Да хранит Тебя Бог!» [Натхо, 1993, с. 2], «Да будет счастливой Твоя старость» [Натхо, 1993, с. 5], «Дай Бог Вам здоровья!» [Натхо, 1993, с. 6], «Да благословит Тебя Бог!» [Натхо, 1993, с. 7].

Как отмечают специалисты, кроме благопожеланий, в любой народной культуре имеются и проклятия. Для них характерно обращение к тем же явлениям и образам, что и в благопожеланиях, но контрастным, антонимичным. К примеру, если благопожелания метафоризируют восход солнца, то проклятия — его закат: «Пусть померкнет Твое Солнце!». Проклятия помогали изживать, бичевать все антиобщественное, аморальное, антигуманное, безнравственное. Проклятия были эмоционально выраженным «красным светом» всему негативному, своеобразным «запретительным лозунгом» [Галяпина, 2004, с. 19]. В особый ряд негативно запряженных словесных формул этнологи относят так называемые «родительские проклятья». По их мнению, «люди, заслужившие родительское проклятие, были изначально как бы отрицательно «маркированными» членами общины, к ним относились негативно» [Галяпина, 2004, с. 20].

В анализируемом произведении отец, преисполненный чувством горькой обиды, все же прямым текстом не проклинает свою вероломную дочь, но на основе житейского опыта предсказывает дальнейшее несчастливое развитие ее судьбы. Вот его слова:

Мне больно видеть то, что произошло.
Медее уже не вернется к нам, Бог забрал ее.
Для меня и для вас она больше не адыгейка.
Но она и римлянкой не сможет стать.
Ее и на той стороне не примут.

[Натхо, 1993, с. 15]

Приведенные нами строки позволяют поднять огромный культурно-философский пласт проблем, связанных с билингвизмом, поликультурой. Мир никогда не состоял только из «чистокровных» людей. Межрасовые, межэтнические, транскультурные контакты испокон веков существовали на планете и порождали индивидов, одновременно принадлежащих двум

разным этнокультурам. В зависимости от широты взглядов такая личность адекватно воспринимает себя как «пересечение множеств» (Г.Д. Гачев) и даже благодарна судьбе, что он «родинами многократно богат». Есть и другой тип людей, которые изначально считают себя «потерпевшими» в силу интернационального брака своих родителей и в принципе не могут обосноваться ни на одном из предоставленных судьбой этнических «берегов». Знать много языков, быть «гражданином мира» — такая модель бытия всегда приветствовалась онтологией Кавказа. Не зря за этим регионом закрепилось метафорическое определение «Гора языков и язык гор». Многие северокавказские просветители были полиглотами, владели не только родными языками, но, как правило, еще и языками соседей, а также арабским, персидским, русским. В их числе практически все просветители Кавказа Ш. Ногмов, Б. Пачев, К. Мечиев и многие другие.

Пренебрежение к родной культуре вызывало осуждение не только у архетипического Кавказа, но практически у каждого народа на земле. В свое время Ч.Т. Айтматов, билингвальный киргизско-русский прозаик ввел в мировой культурный оборот понятие «манкурт», означающий человека, который потерял связь с этнической родиной, забыл свои корни, не способен узнать родную мать, отчужден от собственной культуры. В аналитической статье У.М. Бахтикиреевой про этимологию слова «манкурт» приводится и производный термин «манкуртизация», под которым понимается «процесс утраты исторических, культурных связей, нравственных и духовных ориентиров» [Бахтикиреева, 2025, с.25].

В контексте нашего исследования также считаем целесообразным привести слова современного адыгейского историка-кавказоведа Н. Нефляшевой, которая в одной из своих научных статей с примечательным названием «Прививка от манкуртизма» призывает молодежь не забывать свои этнокультурные корни, интересоваться «генеалогическим древом, проявлять осознанный интерес к истории Северного Кавказа, к традициям кавказских народов, не допускать их стагнации» [Нефляшева, 2025].

Как показывает К. Натхо, Медея изначально заражена «бациллами манкуртизма». Это видно по фрагментам пьесы, где она с раздражением отзывается об адыгских обычаях, об этикетных нормах, трактуемых ею как «тесная, душная темница». Ей нужны простор, свобода, своеволие, безбрежное море, символизирующее вседозволенность. Фанатично привязываясь к Джесону и его соплеменникам, она сознательно дематериализует, отсекает свои родоплеменные, этнокультурные корни.

В этом смысле глубоко символичен момент, когда новые поделщики «мокрую и дрожащую Медею», добровольно подплывающую к ним, передают на борт корабля, поспешно уплывающего от Кавказских берегов к латинянам. В данном случае водой смывается «весь предыдущий цикл жизни» [Энциклопедический словарь символов, 2003, с. 95] Медеи. Это своего рода ритуальное погружение в морскую пучину, смывшей с нее все, что связывало ее с родиной. Именно в приведенном нами отрывке Медея может быть воспринята и как аллегорический образ национальной культуры, чье «почти бездыханное, мокрое тело» передают в руки представителей чужого племени. Если эту аналогию продолжить дальше, то естественным образом в ней прочитывается критическое состояние современных кавказских языков, почти каждый из которых внесен ЮНЕСКО в «Красную книгу» и отнесен к разряду «смертельно больных», «вымирающих», «исчезающих языков» [Темирболатова, 2012, с. 17].

Третий акт трагедии «Медея» условно можно назвать «римским, латинским». Волей драматурга зритель переносится в центральный полис Древнего Рима. Для создания соответствующей атмосферы по воле автора включаются сценические эффекты в виде приглушенных диалогов, перешептываний, обрывков разговоров, отдельных слов «Пелиас», «Йолк», «Ясон», «Креонт», «Медея».

Здесь сделаем небольшое отступление и покажем значимость «хора» как в античной трагедии, так и в художественной версии К. Натхо. В «Словаре античности» отмечается значимость хора, который помогает автору

в раскрытии философской идеи трагедии, душевных переживаний героя, дает оценку мыслям и поступкам ключевых персонажей. В целом хор можно назвать «рупором общественного мнения» [Словарь античности, 1989, с. 624]. На раннем этапе развития актерские и хоровые партии перемежались, однако со временем более значимой становится индивидуальная, персональная часть представления. Руководитель хора именовался словом «корифей», впоследствии данная номинация также приобретает другое значение.

В адыгейской модификации «Медеи» К. Натхо сохраняет речитативные куплеты хора (на адыгейском языке — макъэр), думается, ему были близки идеи, связанные с «гласом народа» и «коллективным разумом». Об этом, собственно, и идет речь в самом начале третьего акта, где хор своим кратким эпическим повествованием вводит зрителя в курс римских страниц жизни Медеи, дает оценку ее действиям и обозначает начало нового конфликта, чреватого еще более серьезными трагическими последствиями.

Долгий речитатив хоровой партии начинается с ключевой мысли: «Наш Адыгский закон был нарушен! Своей любви она дала неверный путь». Но тут же Хор находит слова оправдания порыву главной героини, ссылаясь на ее молодость: «Но кто не был унесен Любовью вдаль? Кто хоть раз не вошел в этот Рай? У кого не закипала от любви молодая кровь? Ради Джесона она покинула свою страну. Корабль был раем! Они спустились на землю. Римляне их радостно встретили. Они восхищались подвигами Джесона, красотой его избранницы. Медея родила двоих сыновей. Она дала им величественные имена. Но жизнь играет тьмой и светом. Добро и зло часто меняются местами. Царь римлян испугался, что Медея и Джесон отнимут его царство. Он вероломно прогнал их из страны. Молодые с детьми перебрались в Коринф (город в Греции, недалеко от Афин — *К. Т.*)».

После этого длинного разъяснительного речитатива крупным планом показывается на сцене Медея, которая на грани огромного душевного надрыва делится со зрителями новой чередой своих несчастий. Мужчина,

ради которого она «умертвила дракона», «подарила ему золотое руно предков», «убила родного брата», «покинула отчий край», теперь бросает ее с двумя сыновьями ради своих новых амбициозных целей — стать зятем правителя Коринфа, женившись на его дочери с перспективой в скором времени стать его законным преемником.

Царь Креонт в художественной интерпретации К. Натхо представлен как откровенный, бесхитростный, искренний человек, который без утайки делится с Медеей собственными опасениями, отчасти подсказанными ему Джесоном и его новообретенной невестой. В сокращенной форме приведем часть его монолога:

Бог создал Тебя искусной знахаркой!

Ты научила римлян целительству.

Ты излечила много больных.

Но я боюсь Тебя, яростная женщина.

Ты можешь и отравить человека,

Ты можешь отравить мою дочь.

[Натхо, 1993, с. 20]

Судя по приведенному тексту, даже если Медея и не собиралась травить свою соперницу, царь Креонт дает ей «подсказку», закладывает в ее сознание идею с отравой. Эта ситуация требует психологического, даже этнопсихологического анализа. По логике К. Натхо, «Адыгская этика» для того и была создана народом, чтобы в любой сложной жизненной ситуации обращаться к ней в поисках приемлемого, социально одобряемого адекватного решения. Естественно, в народном кодексе героиня нашла бы единственно правильный ответ, связанный с понятиями «терпение», «смирение», «вера в Бога», «надежда на лучшее». Есть немало адыгских пословиц и поговорок, поэтизирующих покорность судьбе, безропотность, повиновение, особенно по отношению к женщине-матери, отвергнутой

любовнообильным мужем-ловеласом. Бывает, прозревший «Дон-Жуан» с раскаяниями возвращается в лоно прежней семьи. Бывает, что смиренная богобоязненная мать, психологически «отпускает» своего мужа-предателя, сосредотачивает все свое внимание на подрастающих детях. Из них впоследствии получаются достойнейшие личности, на которых с чувством глубокого раскаяния смотрит непутевый отец.

Все эти модели женского поведения можно встретить в черкесской национальной литературе, и в целом, в мировой литературе. С историей Медеи сопоставима судьба и лермонтовской Бэлы, которую разлюбил Печорин. Бэла после сходной душевной трагедии и в русской крепости не может остаться, и в свой родной аул не может вернуться по причинам морального порядка.

Вернемся к Медее К. Натхо. По концепции писателя, у героини нет опорной точки, нет морально-этической «цитадели», нет «Адыгэ хабзэ», на который она могла бы опереться в кризисный момент. В этих условиях высвобождается ничем неукротимое эго Медеи, ее низменные инстинкты, ориентированные на чувство мести. С невольной подачи Креонта в ее голове мгновенно вызревает идея одномоментной мести вероломному супругу и ее новой избраннице. Искусно разыгрывая «театр одной актрисы», хитроумная Медея на несколько минут притворившись смиренной экс-супругой, объявляет Джесону о своем желании через сыновей Аполлона и Ахиллеса передать новобрачной красивый свадебный наряд с золотой диадемой. Вот как этот эпизод звучит у Еврипида в переводе И.В. Анненского:

Коль женщина она, — согласна будет,

И я приду на помощь вам — пошлю

Твоей жене через детей подарки

Которых нет прекрасней в целом мире.

[Античная литература. Греция, Антология, ч. 1, 1989, с. 397]

Остановимся на некоторых дискуссионных фрагментах «Медеи». Первый из них связан с образом Эгея, который кажется излишним в системе образов, как прототекста, так и его «дочернего» адыгейского варианта. Однако некоторые критики считают, что весь смысл появления бездетного Эгея в доме Медеи заключается в том, что именно «бездетность» гостя наталкивает женщину на идею убить собственных детей, и тем самым «на злобу мужа ответить двойным злом» [Античная литература. Греция, Антология, ч. 1, 1989, с. 393]. В итоге она так и поступает, «купив ясоновы страдания по двойной цене» [Античная литература. Греция, Антология, ч. 1, 1989, с. 401].

Обратимся к концовке трагедии. В оригинальной версии «Медея улетает в небеса на колеснице, запряженной крылатыми драконами вместе с телами своих детей» [Античная литература. Греция, Антология, ч. 1, 1989, с. 410].

К. Натхо также, как и в прототексте, не оставляет главную героиню в очертаниях земной среды — она «отталкивается от каменной почвы и улетает, взмахивая крыльями» [Натхо, 1993, с. 27]. Возникает вопрос: почему Медея детей убила, если она имела возможность их с собой забрать? Зачем она взяла на себя тяжелейший грех детоубийства, столь противоестественный для матери? По нашему предположению, многочисленные удары судьбы настолько сломали сильную женщину, что она потеряла разум и уже, будучи недееспособной, не различающей грани добра и зла, подняла руку на святое, на детей.

Именно этот сюжет, на наш взгляд, имеет тесную интертекстуальную связь с трагедией Гете «Фауст», где в сходных обстоятельствах измены мужа (с ведьмами) Грэтхен сходит с ума и убивает своего новорожденного ребенка. Символичен финал немецкой, просветительской трагедии: в момент, когда черти хотели забрать в ад душу несчастной женщины, ангелы перехватывают инициативу со словами «Спасена!» [Гете, 1986, с. 176]. Идея: если человек при ясном разуме совершает преступление, он подсуден. Если

вне разума — он прощен, как в рассматриваемом случае должна быть прощена и Медея.

Многие современные писательницы, занимающиеся гендерной деконструкцией классических текстов, в «Медее» тоже подчеркивают новые смыслы. Одна из них, бесспорно, классик немецкой литературы Криста Вольф (1929–2011), которая устами своей героини (новой Медеи) говорит: «Для нашего общества всякая женщина, если она пробует жить своим умом, уже необузданная» [Тетуев, 2001, с. 182].

Среди всех авторов, обратившихся к архетипическому образу Медеи, бесспорно, своим оригинальным подходом отличается и К. Натхо. Он верен своей эстетической программе, согласно которой волюнтаризм, пренебрежение к апробированным этическим кодексам, чревато хаосом в духовном пространстве любого народа.

Завершая данный раздел третьей главы, следует вкратце рассказать о творческой истории «Медеи», об особенностях ее постановки. В своих автобиографических заметках К. Натхо признается, что эту пьесу он написал в 1993 г. по просьбе актеров Адыгейского Национального театра, а если еще конкретнее, то по настоянию Светланы Сафербиевны Шхалаховой (р. 1954 г.), выпускницы Ленинградского института театра, музыки и кинематографии по специальности «театроведение», заслуженного деятеля искусств Республики Адыгея, художественного руководителя Национального театра имени И.С. Цоя.

Постановка «Медеи» состоялась 28 апреля 2009 г., она была приурочена к приезду К. Натхо и Суад из США в Майкоп. Накануне премьеры супруги были приглашены на генеральную репетицию, чтобы решить, «нуждается ли спектакль в дополнительной полировке» [Натхо, 2018, с. 376]. По словам автора, «оформление сцены ему понравилось, оно оказалось хорошо разработанным, с простотой, лаконичностью и закатом красно-оранжевого цвета, символизирующим эпоху античности, программка тоже выглядела впечатляюще» [Натхо, 2018, с. 377]. Высокую оценку

драматургу дал «хорошо смоделированным костюмам актеров, которые соответствовали древнему периоду всемирной истории с легким налетом характерной традиционной адыгской одежды» [Натхо, 2018, с. 378]. На его взгляд, слов одобрения заслуживали все главные герои — Царь, Дзепш, Джейсон, Батыр, Заур, Пшерах, но он «бы желал, чтобы действия выполнялись с более высоким аристократическим достоинством, и чтобы актеры говорили медленнее и с более сдержанной дикцией» [Натхо, 2018, с. 378].

Больше всех ему понравилась исполнительница главной роли Асиет Гонежук. Про нее он пишет: «Я был пленен и очарован ее игрой», «она изумительно демонстрировала испорченный, мятежный характер Медеи» [Натхо, 2018, с. 378]. Думается, здесь обращает на себя внимание определение «испорченный», подтверждающий нашу концепцию о том, что в лице антично-адыгейской Медеи он все же пытался изобразить свой женский антиидеал, оторвавшийся от национальной культуры и, тем самым, предопределивший свою личную и семейную трагедию. Для него это трагическая личность, которая изначально была «чужой для своих» и «чужой для других», в силу «скверного мятежного характера».

После окончания спектакля ведущими слово было дано Кадыру Натхо, который поблагодарил за «великолепную игру» режиссера-постановщика Нальби Тхакумашева, весь творческий состав, зрителей. Присутствующим запомнился оригинальный авторский афоризм «*Мой камень превратился в сыр!*», под которым подразумевалась итоговая радость драматурга, чей труд, благодаря актерам, стал отличной духовной пищей. Средства массовой информации широко откликнулись на премьеру. В особой степени автор выделяет статью «Театр и национальное мышление», опубликованную в республиканской газете «Адыгэ Макъ» («Голос Адыга»), где подчеркивалась актуальность пьесы «Медея», которая способна пробудить «национальное самосознание в Адыгее, на Кавказе, во всех странах мира» [Натхо, 2018, с. 379].

На следующий день глава Республики Аслан Тхакушинов вручил драматургу медаль «Слава Адыгеи», поблагодарив его за отличную пьесу и в целом за литературную деятельность, за большой вклад в развитие отечественной и мировой художественной культуры.

Проведенный нами интертекстуальный анализ показывает, что К. Натхо плодотворно использовал античную архетипическую матрицу для актуализации собственных философских идей. Автор сохраняет основной каркас античной модели (архитектонику, систему ключевых персонажей, элементы хронотопа), но всю «тонкую материю» переводит в русло современных этнических проблем Кавказа, связанных с десакрализацией исторически сложившегося морально-правового кодекса. При этом ответственность за сохранение этических норм, их соблюдение и трансляцию он возлагает на плечи женщины-матери. В изображении адыгейского автора образ «бесприютной» Медеи, сознательно отрекшейся от народных и общечеловеческих бытийных принципов, являет собой отрицательный пример, чреватый трагедиями энтропийного характера.

Выводы третьей главы

1. Анализ сборника «Старые и новые сказки Кавказа», состоящего из семи произведений — «Первый признак рассвета», «Скала Кунчука», «Бораз и Гошмаф», «Удача неудачника», «Шанс мальчика-пастуха», «Бештау и джинны», «Среди оружейного грохота», — показал органическое соединение в каждом тексте элементов кавказской и американской этнокультур.

2. «Легенду о великом похищении» можно назвать одновременно антивоенным, просветительским и этноориентированным произведением, созданным на основе народного предания о Кавказской войне. В ней К. Натхо представил художественно апробированную модель миротворчества, основанную на диалоге различных этнокультур, здоровой межкультурной и межкультурной коммуникации.

3. В создании собственной «Медеи» К. Натхо проявил себя как талантливый интертекстолог, использовавший протосюжет Еврипида для актуализации волнующих его проблем сохранения культурной множественности мира, ответственности каждого гражданина за соблюдение базовых традиционных ценностей своего народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любая национальная литература Северного Кавказа характеризуется наличием в ее арсенале коренной основы и различных западноевропейских художественных ответвлений. Такое диалектическое единство противоположностей определяет живое, здоровое, прогрессивное развитие каждой этнической художественной культуры. Северокавказские исследователи З. А. Кучукова и К. К. Бауаев, взяв за основу метафорический потенциал двуглавого Эльбруса, показывают, что не только горный монолит, но и общекавказская региональная литература является обладателем «западной» и «восточной» вершин, составляющих единый философско-эстетический комплекс. Обобщая и осмысливая многочисленные дискуссии ученых на тему важности «этноцентристов» или «поликультурных личностей», отметим ценность обеих групп, поскольку монолингвы содействуют сохранению родной культуры, а билингвы (полилингвы) — расширению ее интертекстуального поля, взаимодействию и интеграции разных культурных ценностей.

В практическом плане наилучший образец такого рода билингвального «художника слова и кисти, не снимая бурки, зашедшего в мир европейского искусства», показан К. К. Султановым в лице дагестанско-европейского художника Халилбека Мусаясула [Султанов, 2022, с. 175]. К отмеченной типологии поликультурных художников принадлежит и К. Натхо с его двуполусным адыгейско-американским художественным творчеством. Ниже в систематизированной краткой форме представим итоговый результат нашего диссертационного исследования.

1. На основе автобиографического романа «В поисках себя» и с обращением к информаторам нам удалось воссоздать значимые факты биографии адыгейского писателя. Вынужденный эмигрант, один из представителей «Ноева ковчега микронародов», попавший в 27-летнем возрасте в «плавильный котел» США, сумел «не расплавиться», а наоборот, в

духе «self-made-man» и в рамках мультикультурализма («салатная миска») выстроить в новой стране свою условную «Кавказию» с Центром черкесской культуры, Воскресной школой для изучения родного языка, мусульманской мечетью, студией национального танца, а также типографией для издания учебников общечеркесского и собственных книг.

2. Пробой пера для К. Натхо стал неоромантический роман «Николас и Надюша» (в русском переводе — «Отчужденные»), где сразу определились творческие принципы писателя: занимательность сюжета, эмигрантская трагедия утерянных корней, прием ретроспективных порталов, главный герой-максималист, эффект взаимоналожения различных этнокультурных кодов (русских, итальянских, американских). При этом ощутимо рельефное выделение автором кавказской повествовательной линии, проходящей от начала до конца через весь роман. Три «кавказских богатыря» — Дамад, Камгаз и Казбек — выступают как трансляторы черкесских морально-этических принципов, следование которым предопределяет личное и семейное счастье главного героя Николаса. Философская идея романа — преодоление трагедии отчуждения через любовь.

3. С целью познакомить американского читателя с адыгейским фольклором К. Натхо написал и издал в Нью-Йорке сборник авторских сказок «Старые и новые сказки Кавказа». Их примечательной особенностью является «плюрализм сосуществования различных литературных и культурных кодов и традиций, отражающих пластичность человека границы» [Аминева, 2020, с. 293]. Это такие культурологемы, как взаимосвязь Запада и Востока («Первые признаки рассвета»), симбиоз адыгского культа мужественности с американскими константами «страна великих возможностей», «фронтирное плутовство» («Удача неудачника», «Шанс мальчика-пастуха»), извечная тема Ромео и Джульетты («Скала Кунчука»), метафоризированная ностальгия эмигранта по родине («Бештау и Джинны»), диалог старика-аксакала с тинейджерами («Старый Хатух»). В рамках протестного реализма написан рассказ-быль «Среди оружейных выстрелов»

о реальных происшествиях в 1943 году, во время оккупации Адыгеи немецко-фашистскими захватчиками.

4. Знаком интертекстуальности отмечена и «Легенда о великом похищении», в жанровом отношении представляющая собой синтез элементов антивоенной, просветительской и утопической литературы. Полулегендарную историю похищения черкесами генеральской дочери во время Кавказской войны (1817–1864) автор, сменив нарративный код и акценты, превращает в художественную модель демонстрации и экспликации глубоко гуманистичных по сути цивилизационных основ кавказской этнокультуры. Посредница между двумя полярными мирами, русская девушка с немецкими корнями Катерина Засс выступает как просветительница, которой удастся перестроить сознание своего отца и его соратников, активно занимавшихся до этого «демонизацией» Кавказа и военными операциями. Любовь между Алецуком и Катериной, образы русского переводчика Василия, русскоговорящего ногайца-переводчика Адельгери Карамурзина, а также адыгейских девушек, обучающихся в Санкт-Петербурге, символизируют историческую перспективу гармонизации межэтнических и межкультурных отношений на Кавказе.

5. Образцом гармоничного единства универсального и уникального, античного и современного, древнегреческого и кавказского можно считать «Медею» К. Натхо, написанную по мотивам одноименной трагедии Еврипида. Автором сохранен основной каркас прототекста — хронотоп, система персонажей, функция хора, сюжетная схема. Значительные изменения претерпевает суть художественного конфликта, в версии К. Натхо основанного на сознательном отречении адыгейской Медеи от «железных тисков» этического кодекса своего народа. Сталкиваются между собой волюнтаризм Медеи и народное представление о моральной дисциплине в помыслах и действиях. Автором акцентируется комплекс водных образов, показывающих, что морской пучиной отшельница навсегда «смывает» с себя

пройденный этап собственной жизни в устремлениях к будущему, к воображаемому абсолюту свободы.

По художественной концепции автора, жизненные коллизии, с которыми Медея сталкивается на чужой, римской земле, приводят ее к окончательному крушению личности, поскольку в трудный момент у женщины не оказывается морально-этического стержня, народного кодекса чести, на который она могла бы опереться. В целом трагедию «Медею» К. Натхо можно расценивать как оригинальный, в художественном смысле полноценный разворот дидактического содержания известной адыгейской пословицы «Хабзэ здэщЫмыІэм, насып щЫІэкъым» — «Где нет кодекса чести, там нет счастья».

Резюмируя, следует отметить, что творчество К. Натхо — значимое и своеобразное явление, оказавшееся на стыке двух культур — отечественной (адыгейской) и зарубежной (американской). Вклад писателя в развитие национальной литературы определяется разработкой различных оригинальных жанров — авторская сказка, неоромантический роман, автобиографический роман, просветительская повесть (с элементами утопии), — наряду с актуализацией важных философско-гуманистических идей.

Перспектива дальнейших исследований представляется в последовательном решении двух взаимосвязанных задач: на первом этапе — сравнение в рамках литературоведческой компаративистики творчества К.И. Натхо с малоизученным творчеством еще одного плодотворного, талантливого адыгейско-американского писателя Ш. И. Кубова (1890–1974); на втором этапе — выявление новых, современных авторов среди черкесской диаспоры США, изучение их произведений с целью определения дальнейшей динамики развития кросс-культурной (адыгско-американской) литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Художественная литература и фольклорные материалы

1. Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л. А. Гутова. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 364 с.
2. Античная литература. Греция: антология. Ч. 1 / сост. Н. А. Федоров, В. И. Мирошенкова. – М.: Высшая школа, 1989. – 512 с.
3. Антология Песня остается с человеком / сост. В. К. Солоненко. – М.: Терра, 1996. – 496 с.
4. Гарсиа Маркес, Г. Сто лет одиночества / Г. Гарсиа Маркес. – М.: АСТ, 2024. – 544 с.
5. Дюбуа де Монпере, Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхикидию, Грузию, Армению и в Крым / Ф. Дюбуа де Монпере // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII–XIX вв. / сост. В. К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 435–457.
6. Дюбуа де Монпере, Ф. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Ф. Дюбуа де Монпере; пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пушиной. – Сухуми: АбГИЗ, 1937. – 180 с.
7. Интериано, Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование / Дж. Интериано // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 43–53.
8. Кешоков, А. П. Корни: роман / А. П. Кешоков; пер. с каб. Л. М. Маремкуловой. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 288 с.
9. Киплинг, Р. Баллада о Востоке и Западе / Р. Киплинг // Рассказы. Стихотворения / пер. с англ. – Л.: Художественная литература, 1989. – С. 275–276.
10. Корнель, П. Сид / П. Корнель // Французский театр XVII–XVIII вв. / сост. Т. И. Сафронова. – М.: АРТ + N, 1995. – С. 11–93.
11. Куек, Н. Танец Мешвеза / Н. Куек // Вино мертвых. – Майкоп, 2002. – 293 с.
12. Кулиев, К. Ш. У каждого народа — свой голос (Из речи на Стружских вечерах поэзии в Македонии) / К. Ш. Кулиев // Поэт всегда с людьми: статьи, эссе. – М.: Советский писатель, 1986. – С. 325–328.

13. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. – М.: АСТ, 2024. – 224 с.
14. Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века: избранные письма / сост. А. Чеботаревская. – М.: Политиздат, 1990. – 575 с.
15. Нарты. Адыгский героический эпос. – М.: Наука, 1974. – 414 с.
16. Натхо, К. И. В поисках себя / К. И. Натхо. – Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2018. – 388 с.
17. Натхо, К. И. Легенда о великом похищении / К. И. Натхо; пер. с англ. З. Басте. – 2-е изд. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2019. – 120 с.
18. Натхо, К. И. Медея (на адыгейском языке): [рукопись] / К. И. Натхо. – Архив автора диссертации. – 29 с.
19. Натхо, К. И. Отчужденные: роман / К. И. Натхо; пер. с англ. М. Тутарищевой. – Майкоп: Меоты, 1992. – 336 с.
20. Натхо, К. И. Черкесская история / К. И. Натхо. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 456 с.
21. Natho, Kadir I. Nicolas and Nadyusha / Kadir I. Natho. – New York: G.A. Press, 1976. – 396 p.
22. Natho, Kadir I. Old and New Tales of the Caucasus / Kadir I. Natho. – New York, 1969. – 69 p.
23. Паллас, П. С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. / П. С. Паллас // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII–XIX вв. / сост. В. К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 214–224.
24. Ремарк, Э. М. На западном фронте без перемен / Э. М. Ремарк. – М.: АСТ, 2018. – (Зарубежная классика).
25. Сент-Экзюпери, А. де. Планета людей. Повести. Очерки. Репортажи / А. де Сент-Экзюпери. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 560 с.
26. Тебу де Мариньи. Поездки в Черкессию / Тебу де Мариньи. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 207 с.
27. Фауст. Лирика / пер. с нем.; вступ. ст. А. В. Михайлова. – М.: Художественная литература, 1986. – 767 с.
28. Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Хан-Гирей. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.

Исследования

29. Абдокова, М. Б. Тема отчего дома, мир природных, музыкальных образов в творчестве Кадыра Натхо / М. Б. Абдокова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2006. – № 3. – С. 56–61.
30. Абдокова, М. Б. Этноментальные основы литературы черкесского зарубежья / М. Б. Абдокова. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. – 340 с.
31. Аванесова, Г. А. Коды культуры: сущность и назначение / Г. А. Аванесова, И. А. Купцова // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 13–30.
32. Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура / Ин-т гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН; редкол.: Х. М. Думанов (гл. ред.) [и др.]. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2000. – 272 с.
33. Алиев, Б. Н. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.) / Б. Н. Алиев. – Махачкала: Новый день, 2001. – 296 с.
34. Алиева, А. И. Адыгский нартский эпос / А. И. Алиева. – М.; Нальчик: Эльбрус, 1969. – 168 с.
35. Алиева, А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов / А. И. Алиева; отв. ред. М. А. Кумахов. – М.: Наука, 1986. – 280 с.
36. Аминева, В. Р. Межлитературный диалог как понятие компаративистики / В. Р. Аминева // Вестник татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 1 (19). – С. 118–124.
37. Аминева, В. Р. Межлитературные текстовые образования: семиотика и поэтика / В. Р. Аминева // Филология и культура. – 2013. – № 1. – С. 137–141.
38. Аминева, В. Р. Поэма Р. Бухараева «День мертвых»: пути самоидентификации лирического субъекта / В. Р. Аминева // Филологические науки. – 2020. – № 6 (2). – С. 292–299. – DOI: 10.20339/PhS.6-20.292.
39. Андрущенко, Е. А. Властелин «чужого». Текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского / Е. А. Андрущенко. – М.: Водолей, 2012. – 248 с.
40. Античная литература: учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература» / под ред. А. А. Тахо-Годи. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1973. – 439 с.
41. Антропоцентрическая парадигма в филологии: материалы Междунар. науч. конф. Ч. I. Литературоведение / ред.-сост. Л. П. Егорова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – 561 с.
42. Анцупов, А. Я. Конфликтология: учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 551 с.

43. Арзамазов, А. А. Литература народов России: литература народов Крайнего Севера и Дальнего Востока: учебник для вузов / А. А. Арзамазов. – Москва: Юрайт, 2025. – 248 с. – (Высшее образование).
44. Арзамазов, А. А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения / А. А. Арзамазов. – Казань: АН РТ, 2022. – 316 с.
45. Ахиджак, Б. Н. Репрезентация традиционного этнического сознания в художественных текстах Кадыра Натхо / Б. Н. Ахиджак // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 387–394. – DOI: 10.22363/2618-897X-2018-15-3-387-394.
46. Ахиджак, Б. Н. Этнокультурная специфика языкового сознания писателя-билингва / Б. Н. Ахиджак // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – № 3 (222). – С. 17–23.
47. Ахиджакова, М. П. Ментальность как основа понятия «языковое сознание» / М. П. Ахиджакова, Н. А. Носкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 4 (178). – С. 83–88.
48. Багироков, Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Х. З. Багироков. – Краснодар, 2005. – 426 с.
49. Багироков, Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков) [Электронный ресурс] / Х. З. Багироков // Аскер Евтых — писатель и пророк. – 2005. – URL: <https://agulib.adygnet.ru/> (дата обращения: 01.05.2025).
50. Багироков, Х. З. Художественный билингвизм как полилингвальное пространство: к постановке проблемы / Х. З. Багироков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – С. 134–137.
51. Багироков, Х. З. Реализация когнитивных механизмов в билингвальном художественном тексте / Х. З. Багироков, З. У. Блягоз // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – Вып. 1. – С. 188–192.
52. Баков, Х. И. Литература народов Северного Кавказа: проблема системного изучения / Х. И. Баков // Литература народов Северного Кавказа: художественное пространство, диалог культур: материалы Всерос. науч. конф. – Карачаевск: КЧГУ, 2008. – С. 46–52.

53. Балагова-Кандур, Л. Х. Литературная диаспора адыгов. Проблемы этнодуховной идентичности / Л. Х. Балагова-Кандур // Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы. Вып. IX / отв. ред. Ю. Я. Барабаш. – М.: ИМЛИ РАН, 2023. – С. 183–204.
54. Барт, Р. Избранные работы: семиотика, поэтика / Р. Барт; пер. с фр. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 615 с.
55. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
56. Басте, З. Ю. Художественный текст как билингвальный феномен: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 03.03.22 / З. Ю. Басте. – Майкоп, 2021. – 159 с.
57. Бауэр, В. Энциклопедия символов / В. Бауэр, И. Дюмотц, С. Головин; пер. с нем. Г. Гаева. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. – 504 с.
58. Бахтикиреева, У. М. Изучение и описание национальных образов коренных народов РФ посредством носителей языка, фольклора и литературы — осознанная необходимость / У. М. Бахтикиреева // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. – Абакан, 2020. – С. 14–24.
59. Бахтикиреева, У. М. Манкурт — «чужое» слово в русском языке: в поисках этимологии / У. М. Бахтикиреева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2025. – Т. XXII, № 1. – С. 22–27.
60. Бахтикиреева, У. М. Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? / У. М. Бахтикиреева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2021. – Т. XVIII, № 1. – С. 11–17.
61. Бахтикиреева, У. М. На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы / У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, Н. А. Токарева // Филологические науки. – 2021. – № 6 (2). – С. 263–273. – DOI: 10.20339/PhS.6-21.263.
62. Бахтикиреева, У. М. Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков / У. М. Бахтикиреева, Б. Е. Шагимгереева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – Т. XVII, № 1. – С. 83–90.
63. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
64. Бгажноков, Б. Х. Адыгская этика / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 160 с.
65. Бгажноков, Б. Х. Адыгский этикет / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 160 с.

66. Бгажноков, Б. Х. Основание гуманистической этнологии / Б. Х. Бгажноков. – М.: РУДН, 2003. – 272 с.
67. Бгажноков, Б. Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов / Б. Х. Бгажноков // Советская этнография. – 1987. – № 2. – С. 89–100.
68. Березгов, Б. Н. Черкесская диаспора (страницы из истории зарубежных черкесов) / Б. Н. Березгов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик, 2000. – С. 11–40.
69. Бигуаа, В. А. Абхазская литература и литературы народов Северного Кавказа (Историко-культурный контекст. Диаспора) / В. А. Бигуаа. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. – 308 с.
70. Бижоев, Б. Ч. Кабардино-черкесский язык в странах Ближнего Востока: социолингвистический аспект / Б. Ч. Бижоев // Вопросы филологии. – М., 2005. – № 2. – С. 15–22.
71. Битокова, М. В. Адыгская поэзия на сломе времен / М. В. Битокова // Школа критики: сб. статей о прозе и поэзии. – Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2022. – С. 171–183.
72. Биттирова, Т. Ш. Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья / Т. Ш. Биттирова. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 192 с.
73. Бларамберг, И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / И. Ф. Бларамберг // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII–XIX вв. / сост. В. К. Гарданов. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 353–434.
74. Богин, Г. И. Проницаемость менталитетов и культур / Г. И. Богин // Этнонациональная ментальность в художественной литературе: материалы Всерос. науч. конф. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 194–201.
75. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. – М.: Политиздат, 1988. – 490 с.
76. Ван Цзяо. Автобиография как литературное жанровое образование: природа, разновидности и современные модификации / Ван Цзяо // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – С. 49–53.
77. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек [и др.]; под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2004. – 680 с.
78. Вершинин, М. С. Конфликтология: конспект лекций / М. С. Вершинин. – СПб.: Михайлов, 2003. – 59 с.
79. Вишнякова, Н. Ф. Конфликтология: учеб. пособие / Н. Ф. Вишнякова. – 3-е изд. – Минск: Университетское, 2002. – 317 с.

80. Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах / отв. ред. К. К. Султанов. – М.: ИМЛИ, 2017. – 456 с.
81. Ворожейкин, И. Е. Конфликтология: учебник для студентов вузов / И. Е. Ворожейкин, А. Я. Кибанов, Д. К. Захаров. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 223 с.
82. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 480 с.
83. Габуниа, З. М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания: на материале западно-кавказских языков / З. М. Габуниа. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 514 с.
84. Гайденко, П. П. Декарт / П. П. Гайденко // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – 701 с.
85. Галяпина, В. Н. Этнопедагогические и этнопсихологические аспекты профессиональной педагогической деятельности. Курс лекций / В. Н. Галяпина, Т. В. Поштарева. – Ставрополь: СКИПКРО, 2004. – 352 с.
86. Гачев, Г. Д. Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека / Г. Д. Гачев. – М.: ДИ-ДИК-ТАНАИС-МТРК «МИР», 1995. – 496 с.
87. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2008. – 544 с.
88. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Евразия — космос земледельца, кочевника и горца / Г. Д. Гачев. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. – 378 с.
89. Гачев, Г. Д. Русский Эрос / Г. Д. Гачев. – М.: Интерпринт, 1994. – 279 с.
90. Гачев, Г. Д. Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр) / Г. Д. Гачев. – М.: Просвещение, 1968. – 302 с.
91. Гачев, Г. Д. Творчество, жизнь, искусство / Г. Д. Гачев. – М.: Детская литература, 1980. – 144 с.
92. Гетегежева, Ф. В. Этнолингвистическая парадигма художественного текста (на материале трилогии М. Кандура «Кавказ») / Ф. В. Гетегежева, Л. И. Темрокова. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2022. – 184 с.
93. Грибанов, Б. Т. Хемингуэй / Б. Т. Грибанов. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 448 с. – (Жизнь замечательных людей).
94. Гутов, А. М. Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литература / А. М. Гутов. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 216 с.
95. Гутов, А. М. Проблема этнической самоидентификации зарубежных адыгов / А. М. Гутов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик, 2000. – С. 51–69.

96. Гутов, А. М. Этюды о кавказском этикете / А. М. Гутов. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 124 с.
97. Детерминация гендера этническим фактором: кавказский дискурс: колл. монография. – М.: Спутник+, 2019. – 134 с.
98. Джандар, М. А. Остались адыгами. Этнографические исследования / М. А. Джандар. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2007. – 88 с.
99. Джусойты, Н. Г. О национальном стиле и национальном языке / Н. Г. Джусойты // Литературная газета. – 1957. – 17 окт.
100. Жачемук, З. Р. Литература адыгской диаспоры и художественное своеобразие романа «Отчужденные» Кадыра Натхо [Электронный ресурс] / З. Р. Жачемук // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 123–126. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Zhachemuk.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
101. Жукова, И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 632 с.
102. Захаров, В. А. «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова / В. А. Захаров // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. с междунар. участ. Ч. I / ООО «Экоинвест», 2014. – С. 26–81.
103. Иवानян, Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / Э. А. Иवानян. – М.: Международные отношения, 2001. – 696 с.
104. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докл. междунар. науч. конф. / ред.-сост. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – 701 с.
105. История литературы США. Том II / отв. ред. А. М. Зверев. – М.: Наследие, 1999. – 464 с.
106. История национальных литератур. Истоки. Этапы. Поэтика. – М.: ИМЛИ, 2019. – 304 с.
107. Кавказ между Западом и Востоком: межвуз. сб. науч. работ. – Карачаевск: КЧГУ, 2003. – 217 с.
108. Кажарова, И. А. Авторская модальность дидактического текста и читательское восприятие (на материале «Адаба» А. Г. Дымова) / И. А. Кажарова, З. А. Кучукова, Л. Б. Берберова // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 215–229.
109. Кажарова, И. А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала / И. А. Кажарова. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 176 с.

110. Кажарова, И. А. Модусы художественности: Сборник научных статей об адыгской литературе / И. А. Кажарова. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 176 с.
111. Кажарова, И. А. Человек и история в адыгской поэзии 1970–1990-х гг. (Художественно-философский аспект) / И. А. Кажарова. – Нальчик: КБИГИ, 2009. – 106 с.
112. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. трудов. – Волгоград; Архангельск: ВГПУ: ПГУ, 1996. – С. 3–16.
113. Келлман, С. Г. Translingual Writers: Introductory Notes [Text] / S. G. Kellman // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2019. – Vol. 16, № 1. – P. 9–12. – DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12.
114. Кудалева, С. Г. Адыгская (черкесская) диаспора: факторы коллективной памяти и этнической идентификации / С. Г. Кудалева // Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры: тез. докл. II Междунар. науч. конф. памяти М. И. Мижаева / сост. М. Н. Губжоков, М. М. Паштова. – Майкоп: Паштов З. В., 2017. – С. 38–40.
115. Кушхабиев, А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры / А. В. Кушхабиев. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.
116. Кушхабиев, А. В. Черкесы в Сирии / А. В. Кушхабиев. – Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 175 с.
117. Кучукова, З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии) / З. А. Кучукова. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.
118. Кучукова, З. А. Роман Маркеса «Сто лет одиночества»: опыт дискурсивного анализа / З. А. Кучукова, Л. Б. Берборова, А. А. Хадзиева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2023. – № 6. – С. 95–105.
119. Леонтьев, К. Н. Цветущая сложность. Избранные статьи / К. Н. Леонтьев. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 320 с.
120. Ликсон, Ч. Конфликт: Семь шагов к миру / Ч. Ликсон; пер. с англ. – СПб.: Питер пабблишинг, 1997. – 149 с.
121. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 с.
122. Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы. Вып. III / отв. ред. Ю. Я. Барабаш. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 191 с.
123. Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы. Вып. IV / отв. ред. Ю. Я. Барабаш. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 208 с.

124. Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы. Вып. V / отв. ред. Ю. Я. Барабаш. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 216 с.
125. Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы. Вып. VII–VIII / отв. ред. Ю. Я. Барабаш. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 448 с.
126. Литературное зарубежье. Лица. Книги. Проблемы. Вып. IX / отв. ред. Ю. Я. Барабаш. – М.: ИМЛИ РАН, 2023. – 368 с.
127. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
128. Литературы народов России: XX в.: словарь / отв. ред. Н. С. Надъярных. – М.: Наука, 2005. – 365 с.
129. Лихачев, Д. С. К специфике художественного слова / Д. С. Лихачев // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1979. – Т. 38, № 6. – С. 509–513.
130. Лукин, Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами: учебник / Ю. Ф. Лукин. – М.: Трикта: Академический Проект, 2007. – 798 с.
131. Манкиева, Э. Х. Женщины Северного Кавказа в изображении русских писателей XIX века / Э. Х. Манкиева. – М.: Academia, 2017. – 392 с.
132. Мир культуры адыгов. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – 516 с.
133. Natho, Kadir I. Adyghe Khabze / Kadir I. Natho. – Xlibris US, 2015. – 540 p.
134. Natho, Kadir I. History of Adyghe Literature. Vol. I / Kadir I. Natho. – Xlibris US, 2017. – 520 p.
135. Natho, Kadir I. History of Adyghe Literature. Vol. II / Kadir I. Natho. – Xlibris US, 2019. – 638 p.
136. Natho, Kadir I. History of Adyghe Literature. Vol. III / Kadir I. Natho. – Xlibris US, 2020. – 722 p.
137. Национальные образы мира в художественной культуре: материалы Междунар. конф. / отв. ред. З. А. Кучукова. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. – 424 с.
138. Нация. Личность. Литература. Вып. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 328 с.
139. Нефляшева, Н. А. Черкесский крем, танцы как пропуск и прививка от манкуртизма. Что скрывает Кавказ? [Электронный ресурс] / Н. А. Нефляшева // Это Кавказ. – 2025. – URL: <https://etokavkaz.ru/redkii-spetsialist/cherkesskii-krem-tantcy-kak-propusk-i-privivka-ot-mankurtizma-chto-skryvaet-kavkaz> (дата обращения: 12.04.2025).
140. Новикова, М. Л. Name-dropping в пространстве языка и культуры: новые возможности и грани интерпретации / М. Л. Новикова, Ф. Н. Новиков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 6 (2). – С. 194–204. – DOI: 10.20339/PhS.6-20.194.

141. Олизько, Н. С. Типология интертекстуальных отношений / Н. С. Олизько // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докл. междунар. науч. конф. / ред.-сост. С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 59–63.
142. Пантелеева, И. А. Всеобщая история искусства [Электронный ресурс]: электрон. учеб.-метод. комплекс дисциплины / И. А. Пантелеева [и др.]. – Красноярск, 2008. – URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/138371> (дата обращения: 12.05.2025).
143. Паранук, К. Н. Женские архетипы в образной системе современного адыгского романа (Ю. Чуяко, Н. Кук, Х. Бештоков, Д. Кошубаев) / К. Н. Паранук // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2007. – № 2. – С. 214–219.
144. Паштова, М. М. Фольклор черкесской диаспоры: локальная традиция и ее носитель / М. М. Паштова. – Майкоп: изд. З. В. Паштова, 2020. – 338 с.
145. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX — конец 80-х гг. XX в.): библиогр. словарь / гл. ред. Р. Х. Хашхожева. – Нальчик: Эль-фа, 2003. – 441 с.
146. Поликультурное пространство Российской Федерации: в семи книгах / науч. рук. и гл. ред. Л. М. Мосолова. Культура Южной России. Кн. 11 / отв. ред. Х. Г. Тхагапсоев. – СПб.: Петрополис, 2012. – 276 с.
147. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.
148. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М., 1976. – 613 с.
149. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
150. Пушкарёва, Н. Л. Прошлое определяет настоящее / Н. Л. Пушкарёва // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. – С. 12–15.
151. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 378 с.
152. Саид, Э. В. Ориентализм / Э. В. Саид. – М.: Garage, 2021. – 560 с.
153. Словарь античности / пер. с нем.; отв. ред. В. И. Кузицин. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
154. Смирнова, А. И. Русская натурфилософская проза второй половине XX века / А. И. Смирнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
155. Смирнова, Н. А. Русскоязычная этнолитература как феномен культуры / Н. А. Смирнова, Е. А. Куянцева // Вопросы культурологии. – М.: Панорама. – С. 28–31.

156. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учебник / Т. Г. Стефаненко. – М., 1999. – 320 с.
157. Сулейменов, О. О. Определение берега. Избранные стихи и поэмы / О. О. Сулейменов. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 456 с.
158. Султанов, К. К. «...Каждый народ одарен особым талантом видеть мир» (о национальных штудиях Георгия Гачева) / К. К. Султанов // Национальные образы мира в художественной культуре: материалы Междунар. науч. конф. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. – С. 50–62.
159. Султанов, К. К. Органика оригинала / К. К. Султанов // Художественный перевод: проблемы и суждения: сб. статей / сост. Л. А. Аннинский. – М., 1986. – С. 564–574.
160. Султанов, К. К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог / К. К. Султанов. – М.: Наука, 2007. – 302 с.
161. Султанов, К. К. Последний дагестанский европеец: ностальгический миф в прозе и живописи Халилбека Мусаясула / К. К. Султанов // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 175–192. – DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-175–192.
162. Султанов, К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект / К. К. Султанов. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.
163. Темирболатова, А. И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе / А. И. Темирболатова; под ред. К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ставрополь: СГУ, 2012. – 314 с.
164. Тетуев, Б. И. Мир женщины, или женский взгляд на мир Кристи Вольф / Б. И. Тетуев // Текст: онтология и техника: сб. науч. трудов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2001. – С. [50–62].
165. Тимижев, Х. Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья / Х. Т. Тимижев. – Нальчик, 2006. – 360 с.
166. Тимижев, Х. Т. История черкесов, растворившаяся «в тумане времени» (художественные особенности исторической прозы литературы черкесского зарубежья) / Х. Т. Тимижев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – [номер]. – С. [63–72].
167. Тлостанова, М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. В. Тлостанова. – М.: Наследие, 2000. – 400 с.
168. Тойнби, А. Дж. Постигание истории: сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 640 с.

169. Токарева, Н. А. Русскоязычная, билингвальная, транслингвальная, транскультурная / Н. А. Токарева // Национальные литературы Поволжья и Приуралья: исследовательские парадигмы и практики: материалы Всерос. науч.-практ. семинара. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2024. – С. 321–328.
170. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
171. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 467 с.
172. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс; Культура, 1995. – 624 с.
173. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
174. Тхагазитов, Ю. Эволюция художественного сознания адыгов / Ю. Тхагазитов. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 256 с.
175. Тхагапсоев, Х. Г. Диалог русской и кавказских культур как механизм культурогенеза / Х. Г. Тхагапсоев // Поликультурное пространство Российской Федерации в семи книгах / науч. рук. и гл. ред. Л. М. Мосолова. Культура Южной России. Кн. 11 / отв. ред. Х. Г. Тхагапсоев. – СПб.: Петрополис, 2012. – С. 128–147.
176. Тхакахова, К. С. Личный архив [Рукопись]. – Нальчик, 2024.
177. Тхакахова, К. С. Образное поле «конь» в поэзии Алима Кешокова / К. С. Тхакахова // Кавказология: электрон. журн. – 2023. – № 2. – С. 261–278. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-2-261-278>.
178. Тхамокова, Ж. Г. Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении) / Ж. Г. Тхамокова. – Нальчик: КБИГИ, 2014. – 222 с.
179. Фол, С. Эти странные американцы / С. Фол. – М.: Эгмонт, 1999. – 72 с.
180. Хавжокова, Л. Б. Адыгская литература периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных десятилетий: проблемы эволюции / Л. Б. Хавжокова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 3 (101). – С. 140–146.
181. Хакуашева, М. А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей / М. А. Хакуашева. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2007. – 378 с.
182. Хараев, Ф. А. Таинства чувства меры / Ф. А. Хараев. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 255 с.
183. Хараева, Л. А. Воспитательный дискурс американской сказки / Л. А. Хараева, Л. Б. Берберова // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве: материалы Междунар. конф. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2011. – С. 445–449.

184. Хашхожева, Р. Х. Адыгские просветители XIX — начала XX века / Р. Х. Хашхожева. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 256 с.
185. Хуако, З. Ю. Адыгейская книга: крат. очерк развития книгоиздания респ. 1918–1998 / З. Ю. Хуако. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1998. – 199 с.
186. Хугаев, И. С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) / И. С. Хугаев // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». – 2010. – № 1. – С. 168–178.
187. Хугаев, И. С. О границах и критериях национальной транслингвальной литературы / И. С. Хугаев // Вестник Владикавказского научного центра. – 2013. – Т. 13, № 1. – С. 2–6.
188. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М., 2006. – 248 с.
189. Чурей, Т. А. Музыкальный фольклор абхазов и адыгов в Турции / Т. А. Чурей. – Сухум, 2019. – 150 с.
190. Шаззо, К. Г. Натхо Кадыр // Художественная структура конфликтов эпохи и духовно-философские искания личности. – Майкоп, 2005. – 260 с.
191. Шаззо, К. Г. Температура выживания... Послесловие к роману / К. Г. Шаззо // Натхо К. И. Отчужденные. Роман. – Майкоп: Меоты, 1992. – С. 322–336.
192. Шафранская, Э. Ф. Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе / Э. Ф. Шафранская // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 55–65.
193. Шебзухова, Т. А. Северокавказский фронт Российской империи (1722–1864 гг.) / Т. А. Шебзухова, Е. Г. Берберова. – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. – 224 с.
194. Шекспир, У. Отелло, венецианский мавр / У. Шекспир; пер. с англ. П. Вейнберга. – СПб.: Кристалл, 2001. – 155 с.
195. Шогенцукова, Н. А. Опыт онтологической поэтики / Н. А. Шогенцукова. – М.: Наследие, 1995. – 232 с.
196. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.
197. Эмерсон, Р. / Р. Эмерсон // Литература эпохи романтизма. Т. 2. – М.: Наследие, 1999. – 463 с.
198. Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н. А. Истомина. – М.: АСТ: Астрель, 2003. – 1056 с.
199. Эпштейн, М. Н. Мир животных и самопознание человека / М. Н. Эпштейн // Человек — Природа — Искусство. – Л.: Наука, 1986. – С. 126–146.